Бѣловѣжская Пуща.

Н. С.

Бѣловѣжская Пуща.



Георгій Карцовъ.

1903.

БѢЛОВѢЖСКАЯ ПУЩА

Ея историческій очеркъ, современное охотничье хозяйство и Высочайшія охоты въ Пущѣ.

Георгія Карцова.

Изданіе иллюстрировано художниками **М. А. Зичи, К. Я. Крыжицкимъ, В. И. Навозовымъ, Н. С. Самокишемъ, Р. Ф. Френцемъ, А. С. Хрѣновымъ** и фотографическими снимками **А. Д. Далматова, А. А. Галла, Гана** (Царское Село), **Карасика** (Гродно) **и Г. П. Карцова.**

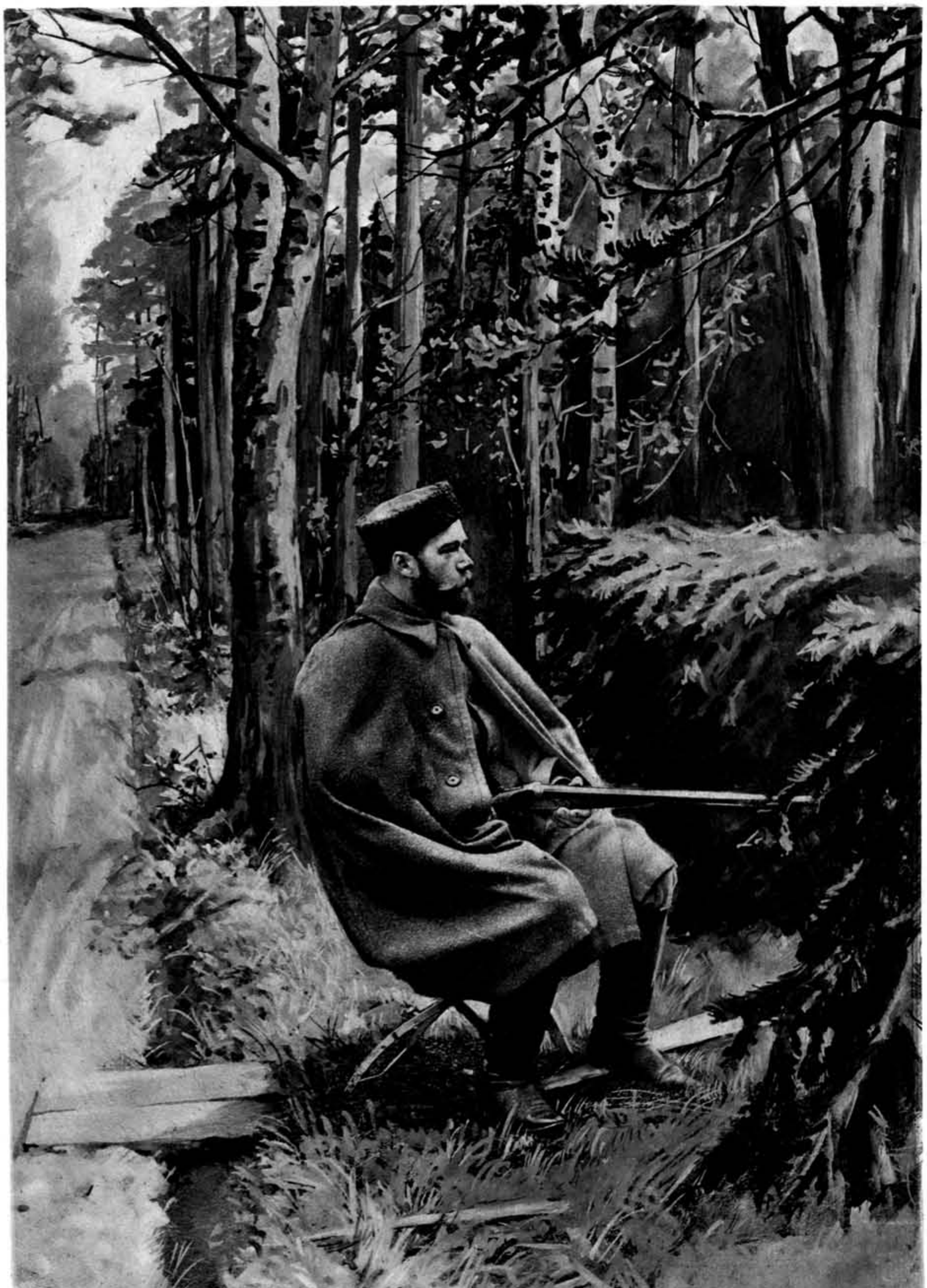
Въ изданіи помѣщены: **22** геліогравюры, **137** автотипій, **40** цинкографій, **1** литографія, **9** картъ и **4** чертежа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Рисунки дозволены цензурою. СПБ. 17 апрѣля 1903 г.

Артистическое заведеніе **А. Ф. Маркса**, Измайловскій просп., № 29.

-1-



ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
НА ШТАНДѢ ВО ВРЕМЯ ОХОТЫ

Съ фотографіи Гана.

Гелiогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

Предисловіе.

Исторія царской охоты въ Россіи уже нашла своего изслѣдователя въ лицѣ Н. Кутепова, и трудъ его „Великокняжеская и царская охота на Руси“ представляетъ цѣнный вкладъ въ собранія роскошныхъ изданій. — Задача настоящаго труда нѣсколько уже и имѣетъ цѣлью ознакомить охотничій міръ съ современнымъ положеніемъ Государевыхъ охотничьихъ угодій и въ первую очередь — съ Бѣловѣжской Пущей, ея хозяйствомъ, жизнью и съ бывшими въ ней Высочайшими охотами.

Возникшее, по волѣ Императора Александра III-го, правильное охотничье хозяйство, въ основу котораго входитъ уже не просто подготовка дичи для царскихъ охотъ, а также охрана, размноженіе и улучшеніе породъ дичи, сначала въ Спалѣ и Скерневицахъ, а затѣмъ и въ Бѣловѣжской Пущѣ, достигло въ настоящее время такого развитія, что заслуживаетъ самаго полнаго и всесторонняго обозрѣнія. Среди европейскихъ угодій, какъ по обширности, такъ и по богатству и разнообразію породъ звѣря и дичи, Бѣловѣжская Пуща занимаетъ безспорно первое мѣсто; съ другой стороны, она является древнѣйшимъ заповѣднымъ владѣніемъ литовскихъ великихъ князей, польскихъ королей и, наконецъ, русскихъ Государей, и исторія ея связана съ такими крупными историческими именами, какъ Ягелло, Витольдъ, Стефанъ Баторій и Августы Саксонскіе. Поэтому, предлагаемому обзору современнаго состоянія Пущи я предпосылаю историческій ея очеркъ.

Главное вниманіе обращено мною на описаніе зубра и его жизни въ Пущѣ, такъ какъ объ этомъ крупнѣйшемъ представителѣ бѣловѣжской фауны почти нѣтъ сколько-нибудь связной и полной монографіи, могущей заинтересовать не только зоолога, но и охотника.

Наконецъ, въ предлагаемой книгѣ дается подробное описаніе всѣхъ бывшихъ въ Пущѣ Высочайшихъ охотъ, о которыхъ охотники знаютъ только по наслышкѣ, и которыми, однако, серьезно интересуются не только у насъ, но и за границей.

Настоящее изданіе обязано появленіемъ въ свѣтъ матерьяльному

содѣйствію Главнаго Управленія Удѣловъ, въ вѣдѣніи котораго Пуща нынѣ находится, и я считаю своимъ долгомъ въ лицѣ князя В. С. Кочубея принести мою глубочайшую признательность всѣмъ служащимъ въ этомъ вѣдомствѣ, оказавшимъ мнѣ свое цѣнное содѣйствіе при собираніи всѣхъ необходимыхъ матерьяловъ.

Также много обязанъ я покойному директору Императорской публичной библіотеки генералу Шильдеру и его сотрудникамъ, любезно открывшимъ мнѣ самые цѣнные и любопытные источники и документы, и администраціи архива министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ я почерпнулъ не мало интересныхъ данныхъ о хозяйствѣ русскаго управленія Пущи.

Не могу не поблагодарить отдѣльно и завѣдующаго охотою въ Пущѣ І. В. Неврли, такъ какъ только при его помощи мнѣ удалось на мѣстѣ ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ современнымъ состояніемъ охотничьяго хозяйства Бѣловѣжа.

Оживить мой трудъ иллюстраціями мнѣ любезно помогли своимъ талантомъ художники М. А. Зичи, К. Я. Крыжицкій, В. И. Навозовъ, Н. С. Самокишъ, Р. Ф. Френцъ и А. С. Хрѣновъ.

Благодаря же А. Д. Далматову фауна Пущи представлена въ изданіи моментальными фотографическими снимками со звѣрей, находившихся на свободѣ, въ ихъ повседневной жизни. Снимки эти тѣмъ цѣннѣе для охотника, что звѣрь въ нихъ уловленъ въ его реальной, неподкрашенной обстановкѣ.

Представляя мою книгу на судъ истинныхъ любителей охоты, прошу у нихъ снисхожденія къ недочетамъ, всегда неизбѣжнымъ въ трудѣ, главнымъ матерьяломъ котораго являются устные разсказы и личныя впечатлѣнія.

Георгій Карцовъ.

Апрѣль 1903 г. С.-Петербургъ.



Н. Самокишъ.

Оглавленіе.

II

Списокъ иллюстрацій.

Внѣ текста:

На обложкѣ — Высочайше утвержденный для Бѣловѣжскаго Императорскаго дворца гербъ; въ медальонѣ голова зубра по фотографіи съ натуры; вверху — эмблема современной Пущи — Императорскій дворецъ; снизу—обелискъ Августа III, напоминающій о Пущѣ временъ польскихъ королей.—Литографія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжицкаго.

Заглавный листъ изданія — Кабаній черепъ и рога оленей и даніэлей. — Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша.

Портретъ **Его Величества Государя Императора Николая Александровича** на штандѣ во время охоты.— Геліогравюра съ фотографіи Гана.

Въ текстѣ:

II*

Карты и чертежи.



Бѣловѣжская пуща.

Историческій очеркъ.

Безпрерывныя войны древнихъ восточныхъ Славянъ съ Литвою и Польшею происходили всегда вблизи и частью даже на самой территоріи нынѣшней Бѣловѣжской Пущи.

Достовѣрныя данныя о событіяхъ, совершавшихся здѣсь, восходятъ къ на-

чалу Руси. Въ 983 г., по словамъ нашего лѣтописца, „иде Владимеръ на Ятвязи и побѣди Ятвязи и вся землю ихъ“ [1]). Ятвяги были дикое, воинственное племя, принадлежавшее, по мнѣнію однихъ, къ Латышамъ, по мнѣнію другихъ, къ Славянамъ, или къ переселенцамъ съ береговъ Чернаго моря. Они занимали сѣверо-западную часть Пущи, но не только нынѣшней, составляющей заповѣдную рощу, а обширнаго лѣсного пространства по Нѣману, Шарѣ, Ясельдѣ, З. Бугу, Нареву, Бобру и ихъ притокамъ.

Болѣе древнія указанія, относящіяся къ данной мѣстности, встрѣчаются еще у Геродота, который говоритъ о Нурской землѣ и Неврахъ, селившихся по рѣкамъ Нареву, Лѣснѣ и Нурчаку [2]). Плиній и Тацитъ также упоминаютъ объ этомъ племени и послѣдній называетъ Геродотовыхъ Невровъ Naharvali и Nanaharvali, по названію рѣкъ Нареву и Наревкѣ. Въ тѣ времена, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и борьбы съ природою, племена и народы быстро смѣняли другъ друга, но о Неврахъ, правильнѣе Наревлянахъ, сохранились указанія, подтверждающія ихъ существованіе еще въ концѣ IX вѣка [3]).

Въ общихъ чертахъ, въ началѣ второго тысячелѣтія нашей эры, если принять нынѣшнюю Пущу за центръ, населеніе въ ней и вокругъ нея распредѣлялось, приблизительно, такъ: юго-западную сторону занимали Наревляне, юго-восточную—Дреговичи [4]), о нихъ упоминаетъ Несторъ, а къ сѣверу, по преимуществу на западъ, по Бобру до Нарева, заселяя наибольшую часть Пущи,—Ятвяги, природные звѣроловы и охотники.

Обращаясь къ тѣмъ временамъ, нужно вспомнить, что все пространство отъ береговъ Балтійскаго моря до Буга было покрыто сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ. Атмосферная и почвенная влага не поглощались тогда распаханными полями, лѣсовъ не вырубали, болотъ не осушали, къ тому же уровень Балтійскаго моря стоялъ значительно выше, нежели теперь. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, большія полноводныя рѣки, питаемыя безчисленными ручейками, прорѣзывали лѣса во всѣхъ направленіяхъ; мѣстами же стояла непроходимая топь. Подъ вліяніемъ обилія влаги лѣсъ быстро развивался, достигая гигантскихъ размѣровъ, хотя и одинаково быстро погибалъ. Съ грохотомъ валились великаны, образуя своими гніющими въ трясинахъ стволами тѣ лѣсныя дебри, о которыхъ мы можемъ только догадываться. Разрушившійся лѣсъ служилъ колыбелью для новаго поколѣнія великановъ. Природа одна, безъ содѣйствія человѣка, воспитывала, разрушала и возрождала лѣсъ.

Напитанный болотистыми испареніями воздухъ, нависшіе на всемъ туманы, вихри и грозы въ жаркіе лѣтніе дни, метели и вьюги зимою,

дополняютъ картину лѣса того времени. Въ весенніе разливы все это пространство превращалось въ огромное прѣсное море, поросшее вѣковыми стволами, а надъ этимъ моремъ высилась Пуща. Занимая возвышенную мѣстность, составляющую водораздѣлъ Нѣмана, Буга и Припети, Пуща не затоплялась. Здѣсь укрывался звѣрь отъ воды. Трудно представить себѣ, какая тамъ закипала жизнь, какъ вопили, ревѣли, выли, хрипѣли звѣри, сбѣгавшіеся со всѣхъ сторонъ, и хотя пространство, о которомъ мы говоримъ, занимало десятки тысячъ квадратныхъ верстъ, но и звѣрья водилось тогда не столько, сколько теперь. Въ старинныхъ литовскихъ лѣсахъ, до XVII вѣка, царилъ мощный, величавый туръ, о немъ до насъ дошли только сказанія и скудныя записи. Россомаха и дикая лошадь, мелкая приземистая, той же породы, которая паслась табунами въ южныхъ степяхъ, также давно вымерли. Бобръ и тотъ становится рѣдкостью, а въ Пущѣ его уже совсѣмъ нѣтъ. Раскопки показываютъ намъ, что еще раньше, въ доисторическія времена, въ тѣхъ мѣстахъ водились сѣверный олень, мускусный быкъ, пещерный медвѣдь и даже мамонтъ. Присоединивъ къ этому породы, сохранившіяся до нашего времени, въ особенности зубра, мы можемъ представить себѣ Пущу того времени настоящимъ звѣринымъ царствомъ.

Среди такого населенія, среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, первобытный человѣкъ, вооруженный камнемъ или кускомъ кости, чувствовалъ себя слабѣй окружающей природы и, естественно, боялся звѣря. Страхъ этотъ сказался въ обожаніи сильнѣйшихъ представителей: тура, зубра, кабана и пр. Тѣмъ не менѣе, необходимость защищаться, и главнымъ образомъ то, что дикарь не зналъ иной пищи, кромѣ мяса, иной одежды, кромѣ шкуры, вынуждали его вступать въ борьбу. Дикарь долженъ былъ близко изучать природу звѣря и настойчиво развивать въ себѣ силу, проворство, ловкость, мужество, а въ особенности хитрость, чтобы выходить побѣдителемъ въ этой борьбѣ за существованіе. Всѣ эти качества, передаваясь по наслѣдству и примѣромъ, ярко выразились въ грозномъ охотничьемъ племени Ятвяговъ. Они жили охотою и любили ее, но охота не была для нихъ доходнымъ промысломъ. Пушистая шкура бобра имѣла въ ихъ глазахъ не бо́льшую цѣну, нежели всякая другая, дикарь не былъ жаденъ и, конечно, взаимная борьба звѣрей уничтожала ихъ тогда несравненно больше, нежели человѣкъ.

Еще до упомянутаго похода Владиміра, въ половинѣ X вѣка, Кіевскіе князья, покоривъ Дреговичей, пошли далѣе на западъ, гдѣ столкнулись съ одной стороны съ Ляхами, съ другой съ Ятвягами и Литовцами—народами еще менѣе культурными, нежели восточные

1*



Ориг. рисунокъ Ф. Френца.

Славяне. Чѣмъ закончился этотъ первый натискъ Славянъ, шедшихъ съ приднѣпровскихъ равнинъ и высотъ въ невѣдомый имъ лѣсистый, болотистый литовскій край, исторія не дастъ отвѣта. Походъ же Владиміра положилъ начало безпрерывнымъ войнамъ, закончившимся въ концѣ XIII столѣтія полнымъ уничтоженіемъ Ятвяговъ.

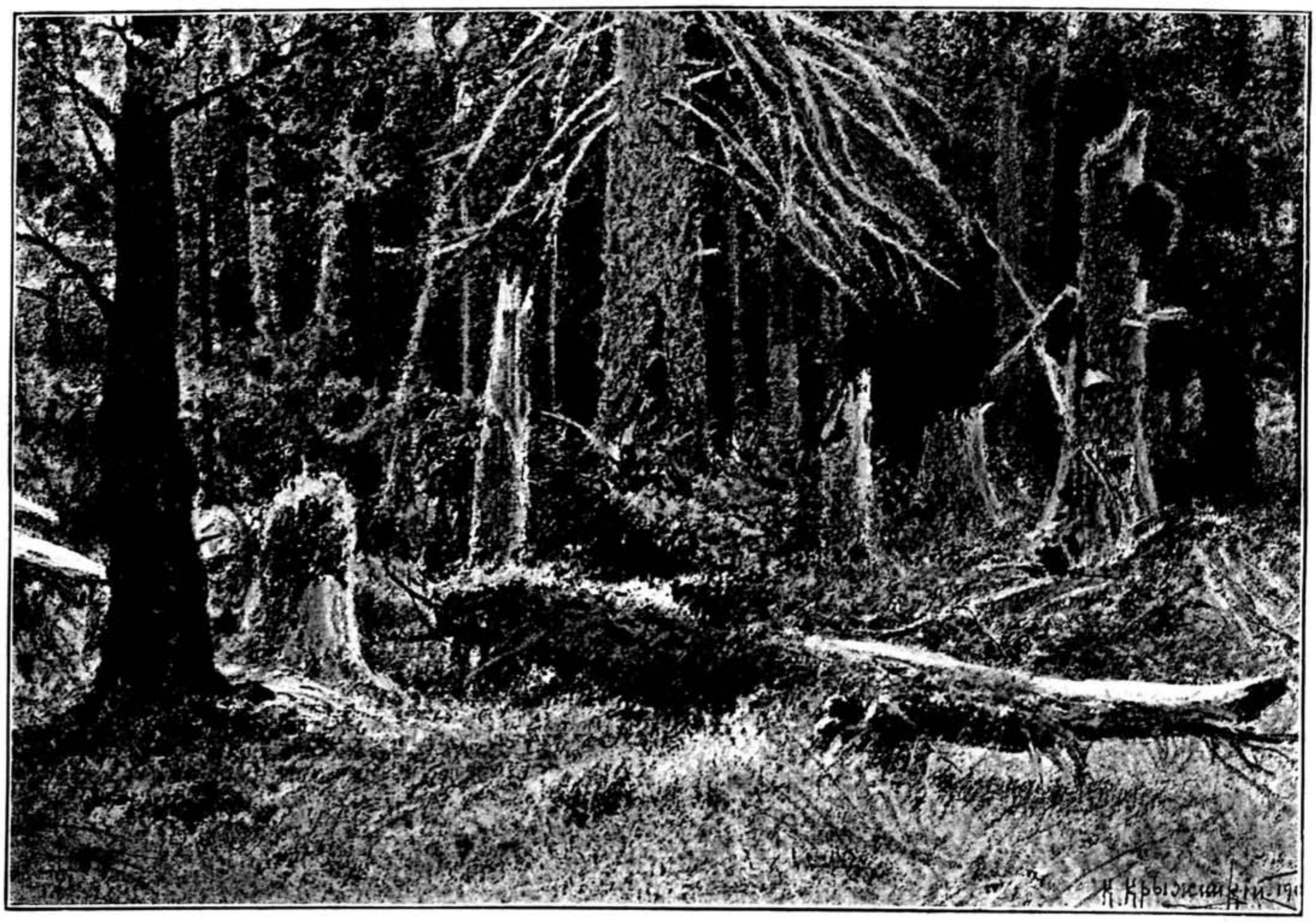
Владиміръ уводилъ Ятвяговъ тысячами въ полонъ, облагалъ лыками, вѣниками, звѣриными кожами, а на мѣстахъ истребленныхъ лѣсовъ селилъ своихъ людей. Такъ образовались Бѣльскъ и Мельникъ.

По примѣру Владиміра, продолжая покореніе западнаго края, „Ярославъ иде на Ятвязи" (1038 г.), но, на этотъ разъ, послѣдніе

оказали болѣе энергичное сопротивленіе. Хотя и побѣжденные, они отказались платить дань. Родные лѣса и болота хорошо укрывали ихъ [5]).

По смерти Ярослава, до вступленія на княжескій престолъ ~~Даніила~~ Романа Галицкаго (съ 1054—1205 г.), интересующая насъ мѣстность входила въ составъ Владиміро-Волынской области и служила театромъ безпрерывныхъ раздоровъ удѣльныхъ князей.

Конецъ междоусобицѣ положилъ Владиміръ Мономахъ. Укрѣпив-



Ориг. рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

шись въ западной Руси, онъ отдалъ названную область 8-ми-лѣтнему сыну Андрею, отъ котораго она вскорѣ перешла къ внуку Владиміра, Изяславу — родоначальнику князей Галицкихъ. Съ этимъ періодомъ впервые связывается упоминаніе о добычѣ звѣря. Подати стали вносить мѣхами и на расходы по княжымъ охотамъ взимать повинности. Разумѣется, подобныя установленія не распространялись на Ятвяговъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, изъ которыхъ они отъ времени до

времени безпокоили русскія области набѣгами. Въ огражденіе отъ ихъ набѣговъ, сначала Владиміръ, а за нимъ Ярославъ, Изяславъ и другіе русскіе князья строили города, въ которыхъ оставляли своихъ людей. Такимъ образомъ основались: Берестъ (Брестъ), Слонимъ, Дрогичинъ, Городно [6]), ближайшіе населенные пункты вокругъ будущей Бѣловѣжской Пущи. Новые города имѣли обыкновенно укрѣпленныя сторожевыя башни — вѣжи, съ которыхъ наблюдали за совершавшимся вокругъ. Если бы съ высоты вѣжъ можно было видѣть далеко, то глазъ различилъ бы среди лѣсовъ и полей мелкія ятвяжскія и литовскія селенія, разбросанныя на большихъ разстояніяхъ, какъ бы островками. Только осторожная звѣриная лапа, да нога туземца могли подойти къ такимъ селеніямъ. Подобно бѣлкѣ или куницѣ, идущей верхомъ по вѣткѣ, прыгая съ кочки на кочку, съ кочки на пень или на корягу великана дуба, пробирался Ятвягъ звѣриною тропою отъ острова къ острову. Вести войну въ такой мѣстности значило перебрасывать мосты, осушать болота, насыпать гати, словомъ, прежде всего покорять природу.

Счастливыя то были времена для звѣря. Сильна была природа, велика стояла глушь!

Въ XIII столѣтіи распри удѣльныхъ князей хотя и нѣсколько стихли, но Владиміро-Волынская область не переставала служить предметомъ и театромъ войнъ.

Сначала область разгромилъ король Польскій Лешко-Бѣлый, но ему не удавалось укрѣпиться, такъ какъ его вытѣснялъ князь Даніилъ Романовичъ Галицкій, и они хозяйничали здѣсь попеременно [7]). Затѣмъ, въ 1228 г., ятвяжскія пущи захватили-было союзные удѣльные князья, но Даніилъ Романовичъ своимъ походомъ на Кіевъ побудилъ ихъ вернуться во-свояси. Тутъ вскорѣ началось татарское нашествіе. Полчища Батыя, разгромивъ въ 1240 г. Кіевъ, дошли до литовскихъ земель, и Кайданъ, военачальникъ Батыя, захватилъ Мельникъ, Дрогичинъ, Городно, Волковыскъ и Слонимъ.

Глядя на эти войны вокругъ себя, Ятвяги заражаются общимъ теченіемъ и перестаютъ охотиться исключительно на звѣря, принимая участіе въ рядахъ то тѣхъ то другихъ враждующихъ между собою народовъ. Впрочемъ, ихъ принуждали къ тому и обстоятельства: съ сѣвера ихъ тѣснилъ, народившійся недавно, Тевтонскій орденъ, съ запада—Поляки и Мазовшане, съ востока—удѣльные князья. Татарское нашествіе отвлекло на нѣкоторое время восточныхъ Славянъ отъ Литвы и тѣмъ отсрочилось ея покореніе, иначе Ятвяговъ, находившихся на пути соединенныхъ дѣйствій могущественныхъ сосѣдей, гораздо раньше стерли бы съ лица земли. —

Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Славянъ, среди мелкихъ литовскихъ князей выдвинулся нѣкій Миндовгъ и объединилъ подъ своею властью разрозненныя литовскія племена. Округляя свое княжество, Миндовгъ, въ 1241 г., захватилъ сначала Городно, Волковыскъ и другіе города [9]), а въ 1246 г., продолжая двигаться на югъ, проникъ въ Пущу къ Ятвягамъ. Дикари любили свои дебри и отважно встрѣтили Миндовга. Они искусно выбирали для боя по возможности глухія мѣста, укрѣпляли боевую линію засѣками и канавами и съ сулицами и пращами въ рукахъ засыпали враговъ камнями. Болѣе



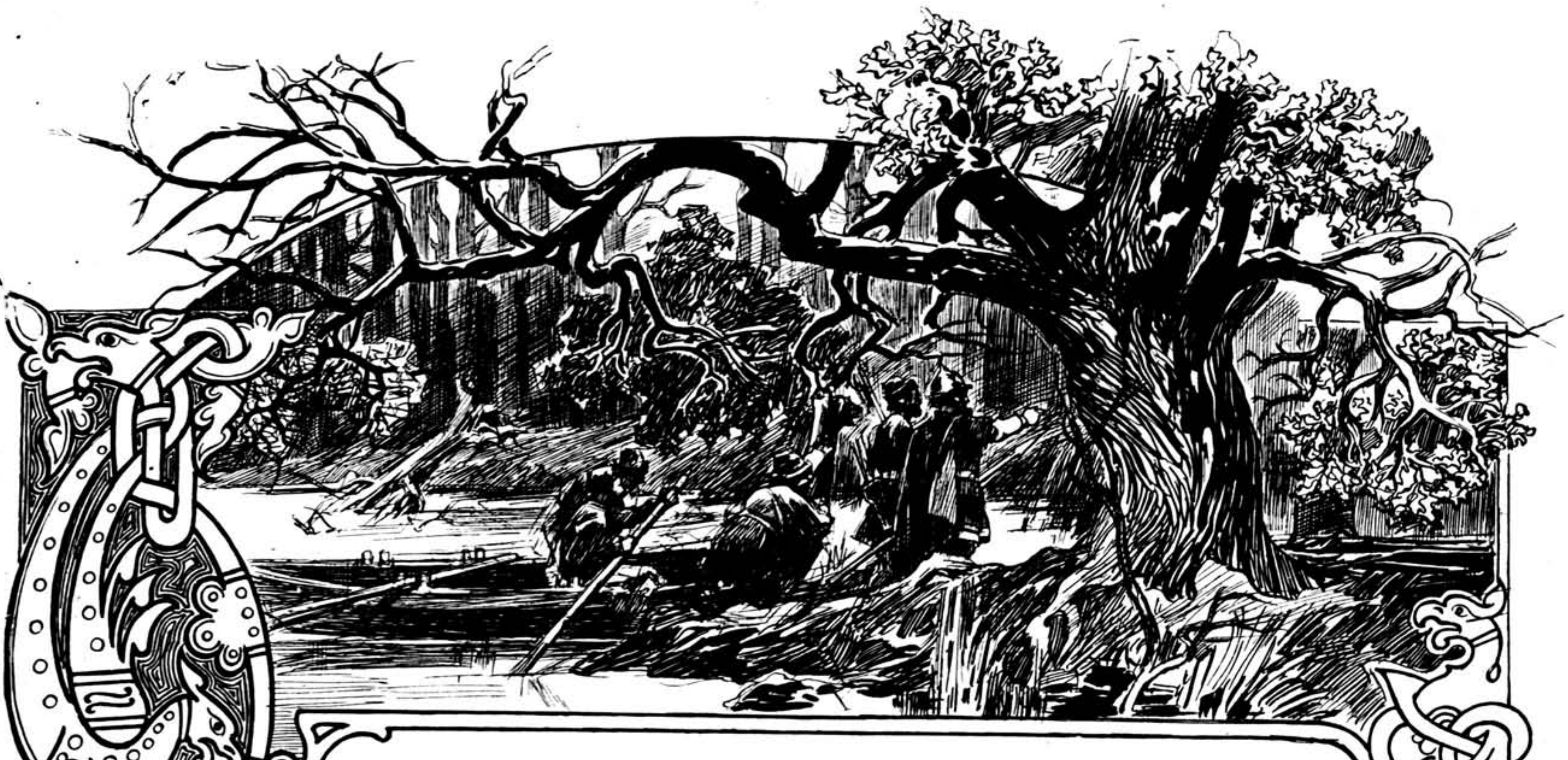
Ориг. рисунокъ В. И. Навозова.

тяжкія пораженія Ятвягамъ въ тѣ же года наносилъ Даніилъ Романовичъ. Онъ принудилъ ихъ „въ работѣ быть ему и города рубить въ землѣ своей" [10]). Въ сильный голодъ 1279 года Ятвяги оказались уже настолько культурнымъ народомъ, что просили у князя Владиміра Волынскаго хлѣба, обѣщая въ промѣнъ произведенія своихъ пущъ. Послы ихъ говорили такъ: „Господинъ князь Владиміръ! Пріѣхали мы „къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и твое здоровье,

„господинъ, не помори насъ, пошли намъ жито свое на продажу: мы „съ радостію станемъ покупать, что хочешь, то и будемъ давать: „воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ и зубровъ“ [11]). Но какъ ни мужественно боролись Ятвяги, все же они не могли долго держаться среди значительно болѣе многочисленныхъ и культурныхъ сосѣдей. Въ 1281 г. литовскій князь Тройденъ нанесъ Ятвягамъ окончательное пораженіе и наименовался также княземъ Ятвяжскимъ [12]). Въ концѣ вѣка Ятвяговъ, укрывавшихся поодиночкѣ въ лѣсахъ, истребили Поляки и объ этомъ отважномъ народѣ-охотникахъ остались только историческія воспоминанія. Слѣды Ятвяговъ сохраняются въ названіи нѣкоторыхъ деревень и урочищъ Литвы и Бѣловѣжской Пущи, напр.: Большая и Малая Ятвязь, урочища Язвины, Язвинка, Язвинская гора и многія другія.

Въ продолженіе всего XIV вѣка родина Ятвяговъ оставалась опустѣлою, чѣмъ естественно и воспользовался другой ея обитатель—звѣрь.





Въ воспоминаніяхъ объ Ятвягахъ не сохранилось указаній—носила ли какое-нибудь общее названіе та мѣстность, которую они заселяли, и въ частности нынѣшняя Бѣловѣжская Пуща. Ближайшее указаніе на наименованіе Пущи Бѣловѣжскою относится къ концу XIII вѣка, т. е. ко времени, когда Ятвяговъ уже не стало.

Въ литовскомъ краѣ, въ этотъ періодъ, обособилось уже нѣсколько лѣсныхъ пространствъ—пущъ, границы которыхъ, хотя и не были точно обозначены, но и тогда уже различали Гродненскую пущу, которую отдѣлялъ Наревъ отъ Бѣльской. Послѣдняя сливалась съ Рудскою, тянувшейся отъ Бреста до Кобрина. Центральное мѣсто среди этихъ лѣсовъ занимала: Бѣловѣжско-Каменецкая, или, какъ ее стали короче называть, Бѣловѣжская Пуща.

Въ Ипатіевской лѣтописи разсказывается, какъ князь Владиміръ Васильковичъ Волынскій, „соскучивъ" частыми разореніями Бреста и недовольный безпокойными сосѣдями Литовцами и Ятвягами, поручилъ мужу хитру, опытному въ зодчествѣ, Олеску выбрать безопасное мѣсто для новаго города [13]). Поплывъ вверхъ по Лѣснѣ, Олеско остановился на лѣсистой мѣстности, при сліяніи Лѣсны и Бѣлой, и указалъ на нее князю. Владиміръ, со всѣмъ дворомъ, отправился на осмотръ и, одобривъ выборъ, повелѣлъ заложить городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по условіямъ времени, сторожевую башню-вѣжу. Городъ назвали Каменцомъ, вѣроятно по грунту мѣстности, вѣжа же у него была бѣлая. Отъ этой-то бѣлой вѣжи произошло названіе Пущи. Въ старинныхъ

2

актахъ и грамотахъ литовскихъ князей и королей польскихъ до XVII вѣка Пуща называлась Бѣловѣжско-Каменецкою. Изъ тѣхъ же актовъ видно, что въ XIV вѣкѣ Пуща обнимала пространство почти въ 20.000 квадратныхъ верстъ, которому отвѣчаютъ 5 уѣздовъ нынѣшней Гродненской губерніи: Волковысскій, Пружанскій, Брестскій, Бѣлостокскій и Сокольскій. Отъ границы до границы было не менѣе 200 верстъ, а въ нѣкоторыхъ направленіяхъ до 300 верстъ. Когда-то княжеская резиденція обратилась теперь въ заштатный городъ, бѣлая же вѣжа стоитъ и понынѣ, отражая свои стѣны въ широкомъ разливѣ Лѣсны и Бѣлой, но съ нея видны уже не зелень лѣсовъ, а песчаные холмы, такъ какъ пуща отошла на 12 верстъ. Шесть вѣковъ противится этотъ молчаливый свидѣтель, 17 саж. вышиной и 16 въ окружности, вліянію дождей и вѣтровъ, напоминая намъ о древнемъ владычествѣ Русскихъ въ Литвѣ и о томъ, какъ тогда умѣли строить. Въ амбразурахъ бойницъ и на карнизахъ оконъ еще недавно была замѣтна бѣлая окраска. Башня выведена въ три яруса съ подвалами, изъ которыхъ были ходы къ рѣкамъ. Въ толщѣ стѣнъ сохранились слѣды спиральной лѣстницы къ зубцамъ башни, а внутри — кирпичные своды и дубовыя 8-мисаженныя балки. Кирпичами можно высѣкать огонь и теперь, а балки еще нѣсколько лѣтъ назадъ были совсѣмъ свѣжія.

Существуетъ еще другое предположеніе относительно происхожденія названія Пущи. Его производятъ отъ рѣки Бѣлой и слова „вѣсь", но рѣчекъ Бѣлыхъ въ этой мѣстности нѣсколько и всѣ онѣ протекали въ лѣсахъ[14]).

Какъ сказано, въ теченіе всего XIV столѣтія родина Ятвяговъ была предоставлена самой себѣ. Лѣсъ и звѣри жили, развивались и множились безъ помѣхи со стороны человѣка. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Литва не подпала подъ власть Польши и съ того времени территорія ея стала постепенно сокращаться.

Новые хозяева Пущи, проникшіе туда еще при Миндовгѣ, мало отличались отъ прежнихъ—Ятвяговъ. Правда, о завоевателяхъ-Литовцахъ наши свѣдѣнія нѣсколько обширнѣе. Мы знаемъ, что у нихъ было какое-то устройство, были князья, но въ общемъ это были такіе же дикари, какъ и Ятвяги, не знавшіе иныхъ занятій, кромѣ охоты и войны.

Въ теплое время ходили полунагіе, въ стужу прикрывались шкурами и питались почти исключительно мясомъ, предпочитая жирное кабанье и конину. Пили изъ зубриныхъ роговъ, считая, что такого рода сосуды предохраняютъ отъ колдовства и очарованія [15]), даже металлическіе сосуды, появившіеся позднѣе, выдѣлывались наподобіе ро-

говъ. Напитками служили „Олюсъ“ и „Паскалейсъ“, приготовлявшіеся изъ меда или изъ молока съ теплою кровью животныхъ, убитыхъ тутъ же, на охотѣ, или при жертвоприношеніяхъ. Пили до опьянѣнія всѣ безъ различія: мужчины, женщины, дѣти.

Ретуш. фотографія.



Характеръ языческой религіи, которую исповѣдывали древніе Литовцы, свидѣтельствуетъ о самой низкой степени ихъ развитія.

Они исключительно поклонялись природѣ, главнымъ образомъ лѣсу и тѣмъ изъ его обитателей: туру, зубру, медвѣдю, кабану и пр.,

2*

которые были пострашнѣе. Большія старыя деревья, въ особенности расщепленныя молніей, пользовались преимущественнымъ почитаніемъ [16]), поэтому вся Литва еще въ XIV вѣкѣ была покрыта священными заповѣдными рощами. Порубка въ нихъ наказывалась смертью, но зато самый большой преступникъ могъ укрываться тамъ, не опасаясь за свою неприкосновенность. На лѣсныхъ холмахъ, у подножья старыхъ дубовъ или возлѣ большихъ камней сооружались жертвенники и возжигался неугасимый огонь—Зничъ, который поддерживалъ жрецъ Зинчъ. Дубъ,—какъ символъ величія, силы и долговѣчія,—занималъ первое мѣсто среди обожаемыхъ деревьевъ и былъ посвященъ Перкуну, главному божеству. Орѣшникъ—богинѣ Лазданъ, верба, какъ символъ плодородія, — богинѣ Лаймѣ. Въ старинныхъ литовскихъ пѣсняхъ поется про богиню водъ и про царицу змѣй—Латтисъ, заключенную въ ель. Одинъ изъ ея сыновей былъ заключенъ въ дубъ, другой въ ясень, дочь — въ осину. Сосна, вязъ и даже бузина служили также предметами обожанія. Подъ кустами послѣдней жилъ какой-то богъ Разутисъ съ гномами, называвшимися барстуки [17]). Языческія вѣрованія Литовцевъ послужили благодарною темою для поэтическихъ вымысловъ позднѣйшихъ временъ.

Политическія событія, совершавшіяся вокругъ молодого Литовскаго княжества, благопріятствовали его развитію и территоріальному расширенію. Не встрѣчая большого сопротивленія, литовскіе князья захватили все Подлясье. Собственно же—Принаревскія и Прилѣсненскія пущи перешли къ князю Витенесу. Преемникъ его Гединимъ возвелъ Литовское княжество на степень большого могущества и былъ извѣстенъ, какъ страстный охотникъ. Заходилъ ли онъ собственно въ Пущу на это не имѣется прямыхъ указаній, но, прослѣдивъ маршрутъ его походовъ и поѣздокъ по княжеству, нельзя сомнѣваться, что онъ неоднократно посѣтилъ пущинскіе лѣса. Такъ, къ походу на Кіевъ въ 1320 г., онъ готовился въ Брестѣ, готовиться же къ походу въ тѣ времена значило безпрерывно охотиться [18]).

Охота служила школою военнаго дѣла, пріучая людей обращаться съ оружіемъ, смотрѣть въ глаза опасности и выносить лишенія. Зубръ, медвѣдь и даже кабанъ для человѣка, вооруженнаго копьемъ или тупымъ, тяжелымъ мечомъ, были не менѣе страшны, нежели двуногій противникъ. Кромѣ того, на охотѣ заготовлялось продовольствіе для войска. Посѣщая Брестъ, Гедиминъ, конечно, не могъ пропустить лучшихъ охотничьихъ угодій на сѣверъ отъ Бреста, къ тому же и путь домой, въ его резиденціи: Новыя Троки и Вильно, пролегалъ черезъ Каменецкую Пущу.

По смерти Гедимина Литовское княжество раскололось на двѣ

части. Брестъ, Каменецъ-Литовскъ, Брянскъ, Бѣльскъ и Волковыскъ, а слѣдовательно и Пуща достались младшему сыну Кейстуту, а остальная часть княжества—старшему—Ольгерду.

Въ періодъ княженія Кейстута принаревскіе лѣса были не надолго завоеваны въ 1348 г. Польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ, но литовскіе князья, соединившись съ русскими, вытѣснили его отсюда [19]).

Кейстутъ также былъ охотникъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ описаніе пышныхъ похоронъ, возданныхъ ему въ долинѣ Свинторога подъ Вильною. Кейстутъ былъ задушенъ въ 1382 г. по приказанію своего племянника Ягелло въ замкѣ Крево. Тѣло торжественно сожгли и прахъ опустили въ могилу вмѣстѣ съ охотничьимъ вооруженіемъ и прахомъ любимой лошади, охотничьихъ собакъ и соколовъ, также сожженныхъ на кострѣ [20]). Заходилъ ли Кейстутъ въ Бѣловѣжскіе лѣса, мы не знаемъ.

Владѣнія Кейстута перешли къ его сыну Витольду, дѣлившему Литву съ двоюроднымъ братомъ Ягелло, сыномъ Ольгерда.

Братья долго не ладили между собою, и принаревскія земли, составлявшія наслѣдственное владѣніе Витольда, не разъ переходили къ Ягелло, который передавалъ ихъ даже родственному Мазовецкому князю Янушу. Но, черезъ 10 лѣтъ, въ 1392 г., братья все-таки помирились, и за Витольдомъ сохранился Гродненскій удѣлъ, почему онъ именовался также Гродненскимъ княземъ [21]). Послѣ знаменитаго съѣзда въ Брестѣ осенью 1409 г., гдѣ Ягелло и Витольдъ поклялись защищать другъ друга отъ общаго врага — рыцарей Тевтонскаго ордена, Витольдъ, для приготовленія къ походу, вернулся въ свою столицу Троки, а Ягелло, воспользовавшись осеннимъ временемъ, поѣхалъ готовиться въ Бѣловѣжскую Пущу.

Съ этого года, историки, описывая походъ, впервые стали называть Пущу—Бѣловѣжскою.

Всю осень и зиму Ягелло, сопровождаемый многочисленнымъ охотничьимъ отрядомъ, убивалъ звѣрей, солилъ мясо, коптилъ его и складывалъ въ бочки. Весною заготовленный провіантъ сплавили Наревомъ, Зап. Бугомъ и Вислою въ Плоцкъ, гдѣ были устроены склады для предстоящаго похода [22]). Подробности, какъ шла охота, изъ какой пущи въ какую переходилъ по замерзшимъ болотамъ Ягелло, — не дошли до насъ, но если здѣсь заготовлялось продовольствіе для стотысячной арміи, то можно судить, какая это была бойня. Конечно, въ интендантскихъ цѣляхъ охотились не на хищниковъ и не за зайцами и бѣлками, а на крупнаго звѣря: тура [23]), зубра, оленя, лося, кабана. Въ то же время выловили не мало дикихъ ло-

шадей. Древняя, славившаяся литовская конница пополнялась дикими лошадьми, которыхъ арканами вылавливали приблизительно въ 4-хъ-лѣтнемъ возрастѣ и смѣлыми пріемами подъѣзживали подъ всадника. Мелкорослая, сѣровато-гнѣдая пущинская лошадь, походя отчасти на нынѣшнюю вятку, не привлекала красотою, зато была неутомима, легка, рѣзва и не чувствительна къ лишеніямъ. Самыми цѣнными ея качествами были чуткость и смѣлость, присущія дикимъ животнымъ. Лошадь пользовалась большимъ почетомъ въ языческой Литвѣ и, въ противоположность древнимъ Славянамъ, Литовцы тщательно ухаживали за нею. Дикій конь, водившійся во всей средней полосѣ Россіи и на западѣ до Одера, до XV столѣтія былъ не рѣдкостью въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ [24]).

Въ исторіи знаменитыхъ охотниковъ, выдающееся мѣсто сохранится навсегда за князьями Владиміромъ Мономахомъ и Ягелло. Весьма различные въ своей домашней жизни, одинъ мудрый, разсудительный, трудолюбивый и добрый христіанинъ, другой лѣнивый и необузданный, а подъ старость ханжа, — оба одинаково, до забвенія, отдавались своей страсти къ охотѣ. И тотъ, и другой большую часть своей продолжительной жизни провели въ лѣсахъ въ погоняхъ и борьбѣ со звѣремъ. Владиміръ видѣлъ въ охотѣ не только забаву и утѣху, но и трудъ, необходимый воину, что и выразилъ въ своемъ знаменитомъ поученіи; Ягелло же былъ воинъ самъ и цѣнилъ охотничьи подвиги наравнѣ съ военными. Видъ преслѣдуемаго тура приводилъ его въ восхищеніе. Онъ мчался за звѣремъ, не разбирая опасности, увлекая примѣромъ и обѣщаніями сотоварищей, а когда настигнутый звѣрь падалъ подъ мѣткимъ ударомъ дротика, Ягелло приходилъ въ блаженный восторгъ. Ловко поразившій звѣря становился для него самымъ любезнымъ человѣкомъ, достойнымъ всякой награды. Цѣлые мѣсяцы проводилъ Ягелло въ лѣсахъ, подвергаясь всякимъ охотничьимъ лишеніямъ. Вступивъ въ 1392 году на Польскій престолъ и ставъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ повелителей въ Европѣ, Ягелло не оставилъ своей прежней страсти и особенно любилъ охотиться въ литовскихъ лѣсахъ, куда ему было удобно заглядывать, такъ какъ Литва стояла въ зависимости отъ Польскаго Королевства. Среди его огромныхъ охотъ, продолжавшихся обыкновенно съ осени до января, наиболѣе выдающеюся была упомянутая историческая охота 1409—1410 гг. передъ походомъ на Тевтонскихъ рыцарей [25]).

Въ 1426 году, когда Ягелло было уже подъ 75 лѣтъ, въ разгаръ чумы, распространившейся въ Польшѣ и Литвѣ, происходила его другая знаменитая охота въ Бѣловѣжской Пущѣ [26]). Ягелло будто созна-

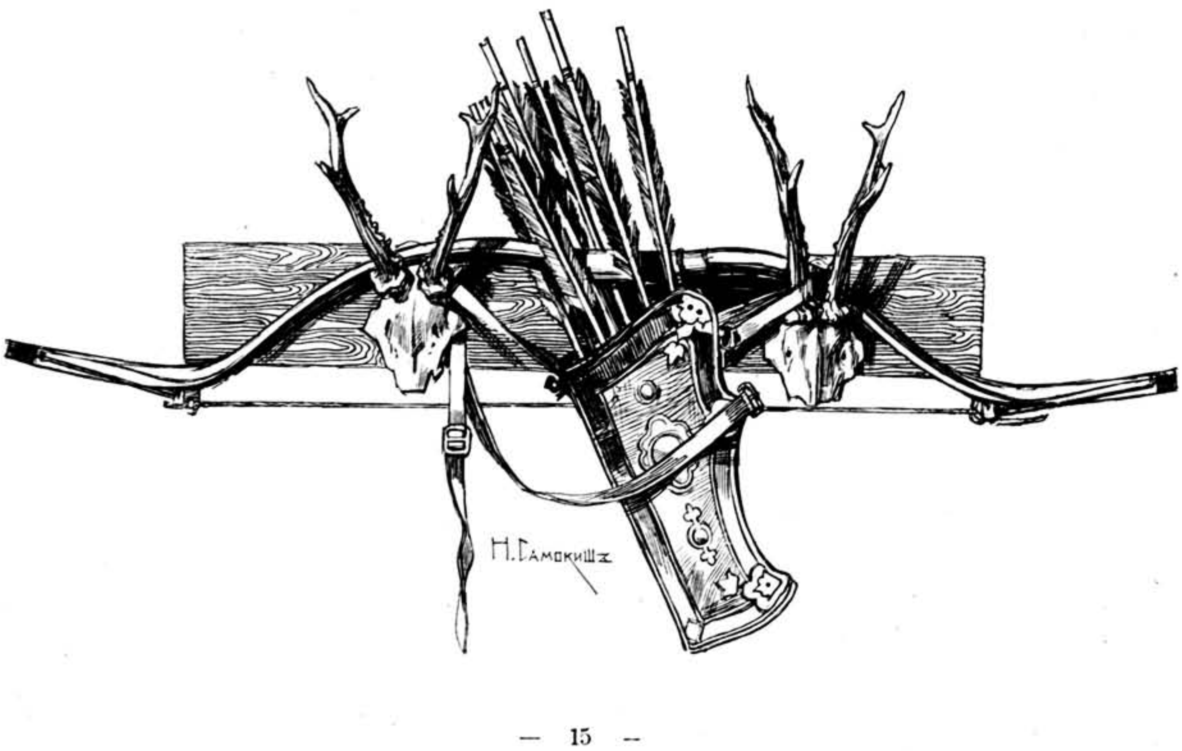


ЯГЕЛЛО, ПОРАЖАЮЩІЙ ЗУБРА.—Оригинальный рисунокъ Н. С. Самокиша.

Гелиогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

валъ, что физическія упражненія и чистый воздухъ лѣсовъ лучше тогдашнихъ знахарей предохранятъ его отъ заразы. Забывая свой возрастъ, онъ по прежнему гонялся за звѣремъ и въ одинъ изъ неудачныхъ дней, упавъ съ лошади, сломалъ себѣ ногу. Сколько подобныхъ приключеній съ нимъ было въ молодости, историки не разсказываютъ, но и послѣ описываемаго случая онъ не переставалъ охотиться [27]).

Былъ ли охотникомъ современникъ Ягелло, князь Витольдъ, объ этомъ существуютъ два противорѣчивыхъ свидѣтельства. Посолъ Тевтонскихъ рыцарей графъ Конрадъ Кибургъ утверждаетъ, что князь не любилъ охоты [28]), почему послѣ переговоровъ въ Брестѣ уѣхалъ къ себѣ въ Троки, тогда какъ Ягелло отправился въ Бѣловѣжъ. Другой современникъ Жильбертъ де-Ланув, описывая свое путешествіе по Литвѣ, говоритъ объ огороженномъ мѣстѣ возлѣ Трокъ, наполненномъ всякими охотничьими звѣрями [29]). Подобные звѣринцы, въ которыхъ охранялись болѣе цѣнныя породы, были въ обычаѣ при княжескихъ и королевскихъ замкахъ. Наши князья держали въ огороженныхъ мѣстахъ медвѣдей, которыхъ выпускали отъ времени до времени для потѣхи. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный травилъ медвѣдями крамольниковъ. Далѣе, Ланув описываетъ охотничій замокъ на Нѣманѣ, въ которомъ Витольдъ проводилъ ежегодно нѣсколько недѣль или мѣсяцъ, охотясь въ окрестностяхъ. Въ 1421 г. Ланув встрѣтилъ Витольда на охотѣ подъ Каменецъ-Литовскомъ, т. е. въ Бѣловѣжѣ. Въ чумной 1426 годъ, Витольдъ былъ тамъ вмѣстѣ съ Ягелло. Такимъ образомъ, отъѣздъ въ Троки послѣ брестскаго свиданія слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Витольдъ тѣмъ временемъ, какъ Ягелло трудился надъ заготовленіемъ провіанта для войска въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ, занялся другими приготовленіями къ походу.





Прежде, нежели перейти къ описанію охотъ преемниковъ Ягелло и Витольда, бросимъ взглядъ на состояніе Пущи и охоты въ то время.

Уже въ XIII вѣкѣ, во время войнъ, происходившихъ на территоріи и вблизи Пущи, топоръ и пожары значительно порѣдили литовскіе лѣса. Болота стали пересыхать, на удобныхъ мѣстахъ осѣли люди и заходила соха. Вслѣдъ за лѣсомъ вліяніе надвигающейся культуры почувствовалъ на себѣ и звѣрь. Боязливо выглядывалъ онъ изъ опушекъ на то, что̀ творилось вокругъ, и уходилъ все дальше въ глубь, въ самыя непроницаемыя дебри. Бойни, которыя предпринималъ Ягелло для прокормленія арміи, не могли не отражаться даже на такихъ богатыхъ дичью лѣсахъ, какъ древніе литовскіе. Тамъ, гдѣ велась подобная охота, весь звѣрь, попадавшійся па глаза, выбивался

начисто. Въ промышленныхъ цѣляхъ также истреблялось не мало. Уже Ятвяги вымѣнивали мѣха и кожи на хлѣбъ и соль. Важнѣйшимъ предметомъ внѣшней торговли Литвы и Руси была тогда добыча лѣсовъ. Русскіе князья болѣе культурные, но не менѣе страстные охотники, нежели литовскіе, съ самыхъ давнихъ поръ стремились охранить дичь и звѣря отъ поголовнаго истребленія. Хотя для изданія законовъ, которые упорядочивали бы охоту вообще, культура еще и не дозрѣла, но цѣль достигалась инымъ путемъ. Лучшія охотничьи угодья становились собственностью князей. Подъ Новгородомъ, Кіевомъ и Москвою, всюду были такія княжескія заповѣдныя рощи, доступныя для прочихъ лишь съ ограниченіями, или съ особаго разрѣшенія. Что касается Пущи, то возможно, что еще при Владимірѣ, въ 983 г., она стала собственностью князя въ охотничьемъ отношеніи и вполнѣ вѣроятно, что Владиміръ Васильковичъ, основавшій свою столицу Каменецъ въ центрѣ Пущи, охранялъ ее для себя. Достовѣрныя данныя о томъ, съ какихъ поръ Пуща стала заповѣдною, относятся ко времени, съ котораго она стала Бѣловѣжскою, т. е. съ самаго начала XV столѣтія. Только князьямъ Ягелло и Витольду принадлежало право охоты на крупнаго звѣря, остальные могли охотиться по мелочи [30]). Отъ литовскихъ князей право охоты въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ послѣдовательно перешло къ Польскимъ Королямъ и къ Русскимъ Императорамъ. Такимъ образомъ, Бѣловѣжская пуща является древнѣйшимъ охотничьимъ угодіемъ главы государства. Ограничивая права своихъ подданныхъ, князья вмѣстѣ съ тѣмъ вводили и порядокъ въ свои охоты. При русскихъ князьяхъ возникъ цѣлый служебный персоналъ ловчихъ, такъ-называемый ловчій нарядъ [31]). Должность ловчаго вошла позднѣе въ число земскихъ должностей. Чѣмъ страстнѣе князь относился къ охотѣ, тѣмъ многочисленнѣе былъ нарядъ. Появились начальники и подчиненные, люди всѣхъ положеній стремились въ почетную и увлекательную охотничью службу, которая каждаго могла приблизить къ князю. Среди охотниковъ выработался даже свой особый языкъ, который передавался стариками лишь достойной того молодежи. На охотахъ воспитывались, закалялись и нерѣдко выдвигались будущіе ратные люди. Съ развитіемъ охотничьяго дѣла естественно пришлось установить и соотвѣтствующія повинности, главнымъ образомъ для ближайшаго населенія. Одни становились мясниками и должны были доставлять мясо для собакъ, печенку для соколовъ, другіе обязывались помогать при облавахъ [32]), вообще же, каждый обязанъ былъ оказывать всякую помощь княжескимъ охотникамъ. Такая натуральная повинность до 1457 г. была извѣстна подъ названіемъ „декальной“ подати, заключавшейся въ обязанности „мѣстичанъ“, т. е. людей, осѣвшихъ на землѣ

и получившихъ право на нее, кормить князя и его свиту во время проѣзда въ походъ, или на охоту [33]). Впослѣдствіе декальная подать была ограничена и замѣнена службою „звѣриною", состоявшей, между прочимъ, и въ обязанности охранять лѣса и дичь.

Польскіе короли, получивъ отъ Ягелло Бѣловѣжскіе лѣса, какъ бы унаслѣдовали и его любовь къ охотѣ. Сынъ Ягелло, Казиміръ, забывалъ даже для охоты свои обязанности короля и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ покидалъ свою столицу Краковъ, чтобы поохотиться въ Пущѣ [34]). Послѣднія 7 лѣтъ царствованія онъ почти безвыѣздно провелъ въ Литвѣ. Сезонъ 1454 г. былъ особенно удачный, и отъ руки самого короля, разсказываютъ, пало множество туровъ, зубровъ и лося [35]).

Говоря объ охотахъ польскихъ королей въ Пущѣ, необходимо отмѣтить ту черту, что со смертью Ягелло охоты постепенно приняли иной характеръ и перестали быть серьезнымъ дѣломъ заготовки мясного довольствія для арміи. Вѣроятно, тогда и звѣря стало меньше, и домашняго скота соотвѣтственно больше. Кромѣ того, охотились уже не только по страсти къ борьбѣ, нерѣдко опасной, увлекаясь жизнью среди природы, сколько для забавы. Простоту въ одеждѣ и отношеніяхъ смѣнили костюмы и этикетъ. Вмѣсто сотоварищей появилась свита и публика. При такомъ новомъ характерѣ охотъ понадобились и соотвѣтственныя помѣщенія. Палатка, а то и просто подстилка изъ мха подъ тѣнью дерева были уже недостаточны, охотничья жизнь перестала быть походною, и охоты чередовались пирами, попойками и всякимъ разгуломъ.

О преемникахъ Витольда до насъ дошло не много свѣдѣній. Про сына его Сигизмунда сохранилось сказаніе, что онъ однажды обратилъ зубровъ въ орудіе казни. Нарядивъ одного изъ своихъ придворныхъ въ пышный красный костюмъ и помѣстивъ его въ загородкѣ, онъ приказалъ спустить на него разъяренныхъ зубровъ. Звѣри тотчасъ же растоптали жертву [36]). Гдѣ происходила казнь — преданіе не упоминаетъ, но зубровъ тогда было достаточно во всей Литвѣ.

Внукъ Ягелло — Александръ, женатый на Еленѣ, дочери царя Ивана III, пошелъ еще далѣе въ устройствѣ пышныхъ охотъ, и съ нимъ на охоту пріѣзжала королева. Присутствіе и даже участіе женщинъ въ охотахъ не было рѣдкостью въ самыя древнія времена, въ особенности, если охотились съ промышленными цѣлями, но присутствіе королевы не могло не вносить новаго характера въ придворную потѣху.

Въ одну изъ охотъ для королевы былъ устроенъ возвышенный помостъ, съ котораго она могла безопасно поражать выгоняемыхъ на нее звѣрей. Зубры, гласитъ преданіе, не стерпѣли такой обиды отъ руки

женщины и съ яростью бросились на королевскую ложу, выворотили столбы и едва не растоптали королеву [37]. На этотъ случай намекаетъ, между прочимъ, поэтъ XVI столѣтія Hussowian, посвятившій зубру цѣлую поэму. Объ этой поэмѣ подробно скажемъ далѣе.

Слѣдующій потомокъ Ягелло—Сигизмундъ I Старый, выѣзжалъ на охоту не иначе, какъ въ сопровожденіи многочисленной пышной свиты, для содержанія которой натуральныя повинности оказались недостаточными, и пришлось ввести новую поголовную подать по 4 гроша съ души [38]. На пути изъ Кракова въ Вильну, въ мѣстечкѣ Наревкѣ на возвышенномъ берегу одноименной рѣки поставили обширный охотничій домъ съ флигелями для короля и его спутниковъ, и эти постройки, по всей вѣроятности, также были украшены бѣлыми башнями, которыя и дали поводъ историкамъ Балинскому и Лапинскому производить отъ нихъ наименованіе Пуши. Безъ сомнѣнія, они забыли про бѣлую вѣжу, поставленную въ Каменцѣ Владиміромъ Васильковичемъ, и про то, что въ гораздо болѣе древнихъ актахъ, относившихся еще къ литовскимъ временамъ, Пуща называлась Бѣловѣжско-Каменецкою. Одновременно съ постройкою дома въ урочищѣ, называемомъ теперь „Старый Бѣловѣжъ“, за охотничьимъ угодіемъ установили надзоръ.

Здѣсь необходимо сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Бѣловѣжъ и нѣкоторыя другія охотничьи угодья въ Литвѣ перестали быть общественнымъ достояніемъ, приблизительно со времени Ягелло, а быть можетъ и раньше, возникъ суровый обычай, имѣвшій силу закона, по которому за убитаго въ заповѣдной рощѣ звѣря карали смертью, и все же, несмотря на этотъ обычай, за лучшимъ изъ заповѣдныхъ угодій—Бѣловѣжской Пущею, какъ оказывается, понадобилось имѣть глазъ. Въ Пущѣ поселили стражу стрѣлковъ изъ 277 семействъ. Стрѣлки являлись по первому требованію на охоты и, кромѣ того, должны были съ каждыхъ 8 уволокъ, приблизительно со 160 дес., составлявшихъ надѣлъ стрѣлецкаго поселенія, выставлять по двѣ пароконныхъ подводы для охотничьяго снаряженія. Окрестныя селенія, сверхъ общей поголовной подати, были обложены особою натуральною повинностью: Они должны были изготовлять бочки, солить въ нихъ мясо убитой дичи и развозить по королевскимъ дворцамъ, палатамъ вельможъ, прелатовъ и краковскихъ академиковъ. Независимо отъ учрежденія охотничьей стражи, Сигизмунду принадлежитъ первый законъ объ охраненіи лѣсовъ и охоты (27 февр. 1538 г.); имъ же была учреждена комиссія для разграниченія коронныхъ имуществъ отъ частныхъ, а также для разбора правъ на въѣзды въ пущи [39], т. е. на право пользованія лѣсомъ и сѣнокосами.

Лѣсной уставъ 1538 года обнималъ самыя разнообразныя стороны

3*

экономической жизни, связанной съ лѣсомъ, и былъ изданъ на славянскомъ языкѣ, ставшемъ тогда оффиціальнымъ.

Первая статья закона касалась учрежденія должности лѣсничихъ и ихъ обязанностей при объѣздахъ пущъ. Статья вторая воспрещала рубку въ казенныхъ лѣсахъ безъ разрѣшительнаго билета за подписью самого короля. Послѣдующія статьи касались различныхъ подробностей о сбереженіи лѣса, такъ, напримѣръ, приказывалось уничтожать излишнія дороги и тропинки; лѣсничимъ и стрѣлкамъ, наравнѣ съ прочими, воспрещалось употреблять лѣсъ въ свою пользу и пр. За борти, т. е. за устройство пчелиныхъ ульевъ, посредствомъ искусственнаго дупленія, опредѣлялись взысканія. Рыбныя ловли также подлежали ограниченіямъ. Въ отношеніи охраненія дичи и звѣря законъ стремился быть особенно предусмотрительнымъ. Не только внутри, но и въ окружности казенныхъ лѣсовъ воспрещалось держать охотничьихъ собакъ и „ховать рушницы (ружья)". А подданнымъ „всѣ косьбу и рыбныя ловли въ „лѣсахъ сколько ихъ наймутся, однимъ разомъ маютъ ходити, оповѣ„дати лѣсничему, а рушницы же, пса, рогатины и ничего, чѣмъ бы „звѣря забить, не брать имъ съ собою. Ловы и уступы въ пущахъ „ревизорова съ лѣсничими, а также съ сочниками, почавши отъ Бѣ„ловѣжа до Ковна (240 в.), порядкомъ слушнымъ расправити и растe„сать казаны нарожные часы вольнѣйшаго пребыванія и вѣдомости о „звѣрѣ, и яко много до котораго оступа людей потреба"... То есть— крестьянамъ запрещалось ходить въ Пущу на покосы и рыбныя ловли иначе, какъ цѣлымъ обществомъ, предупреждая лѣсничаго, при чемъ никто не могъ имѣть при себѣ оружія и собакъ. Браконьерство, по отношенію къ которому до тѣхъ поръ дѣйствовалъ только обычай, было теперь опредѣленно предусмотрѣно писанымъ закономъ. За убійство всякаго крупнаго звѣря, къ которымъ причислялась и коза, назначалась смертная казнь; крестьяне не должны были охотиться на нихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они забѣгали на ихъ земли. Хищниковъ же: волка, лисицу, рысь, россомаху, куницу, а также зайцевъ и птицъ, на собственныхъ уволокахъ крестьяне могли убивать и продавать, не объявляя о томъ лѣсничему. Всѣ охотничьи угодья приказано было, начиная отъ Бѣловѣжа до Ковна, разбить на участки съ опредѣленіемъ, какъ находящагося въ каждомъ участкѣ звѣря, такъ и потребнаго количества людей при веденіи охотъ [40].

Трудъ лѣсничихъ, этихъ высшихъ должностныхъ лицъ, вознаграждался также землею. Каждому лѣсничему отводился обширный участокъ съ правомъ на двухъ третяхъ участка селить крестьянъ, которые отдавались ему какъ бы въ крѣпостную зависимость. Кромѣ того, лѣсничему была предоставлена судебная власть разбирать тяжбы стрѣлковъ съ

крестьянами, за что въ его пользу была установлена особая пошлина. Заселеніе Пущи стрѣлками, какъ показали послѣдствія, оказалось очень неудачною мѣрою. Новые поселенцы были ближайшими истребителями той дичи, которую должны были охранять. Семейства ихъ увеличивались, подъ стрѣлецкіе поселки приходилось расчищать лѣса, а въ концѣ XVII вѣка образовались уже цѣлыя деревни преемственныхъ браконьеровъ.

Начало ограниченію Пущи было положено тѣмъ же Сигизмундомъ, отрѣзавшимъ въ 1501 г. городу Бѣльску 582 дес., и съ его легкой руки дѣло пошло быстро, въ особенности благодаря возникновенію въ концѣ XV стол. польской и литовской шляхты, которую вошло въ обычай награждать землями [41]).

Подробности этой раздачи Бѣловѣжскихъ лѣсовъ не дошли до насъ, но, какъ примѣръ, приведемъ, что жмудинскому старостѣ графу Іерониму Ходкевичу былъ отмежеванъ такой огромный участокъ по правому берегу Наревки, что только небольшая часть его, перешедшая къ графамъ Тышкевичамъ, нынѣшняя Свислочская дача, составляла 25.000 дес. Всего болѣе земель было роздано въ сѣверной и восточной частяхъ Пущи [43]). Бѣльскъ, ради котораго впервые начали сокращать Пущу, отстоитъ теперь на цѣлыхъ 35 вер. отъ крайней точки ея западной границы.

Въ административномъ отношеніи до конца XV столѣтія Пуща входила въ составъ Брестскаго воеводства, но при Сигизмундѣ I она, вмѣстѣ со всею юго-западною частью нынѣшней Гродненской губ., образовывала Наревское воеводство. Воеводства дѣлились на повѣты, и Пуща составляла три повѣта: Волковысскій, Кобринскій и Бѣльскій [44]).

Со времени сліянія Литвы съ Польшею Пуща обратилась въ собственность польской короны. Въ народѣ нынѣшній Волковысскій и часть Пружанскаго уѣзда, т. е. сѣверная часть Пущи, называлась Черною Русью [45]); Кобринскій, Брестскій и южная часть Пружанскаго по лѣвый берегъ Лѣсны—именовались Полѣсьемъ, а Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій, т. е. западная часть Пущи—Подлясьемъ.

Дальновидные люди, уже при преемникѣ Сигизмунда I-го—Сигизмундѣ-Августѣ поняли ошибочность системы заселенія Пущи семействами стрѣлковъ, и всячески старались исправить ее новыми узаконеніями. Въ 1557 году былъ изданъ „Уставъ на волоки господаря, короля его милости во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“ — иначе говоря, положеніе объ удѣлахъ, — по которому лѣсные ревизоры должны были выселять изъ Бѣловѣжской Пущи по возможности далѣе всѣ слишкомъ многолюдные поселки стрѣлковъ и прочихъ крестьянъ. Проще и разумнѣе было бы выселить всѣхъ и безусловно

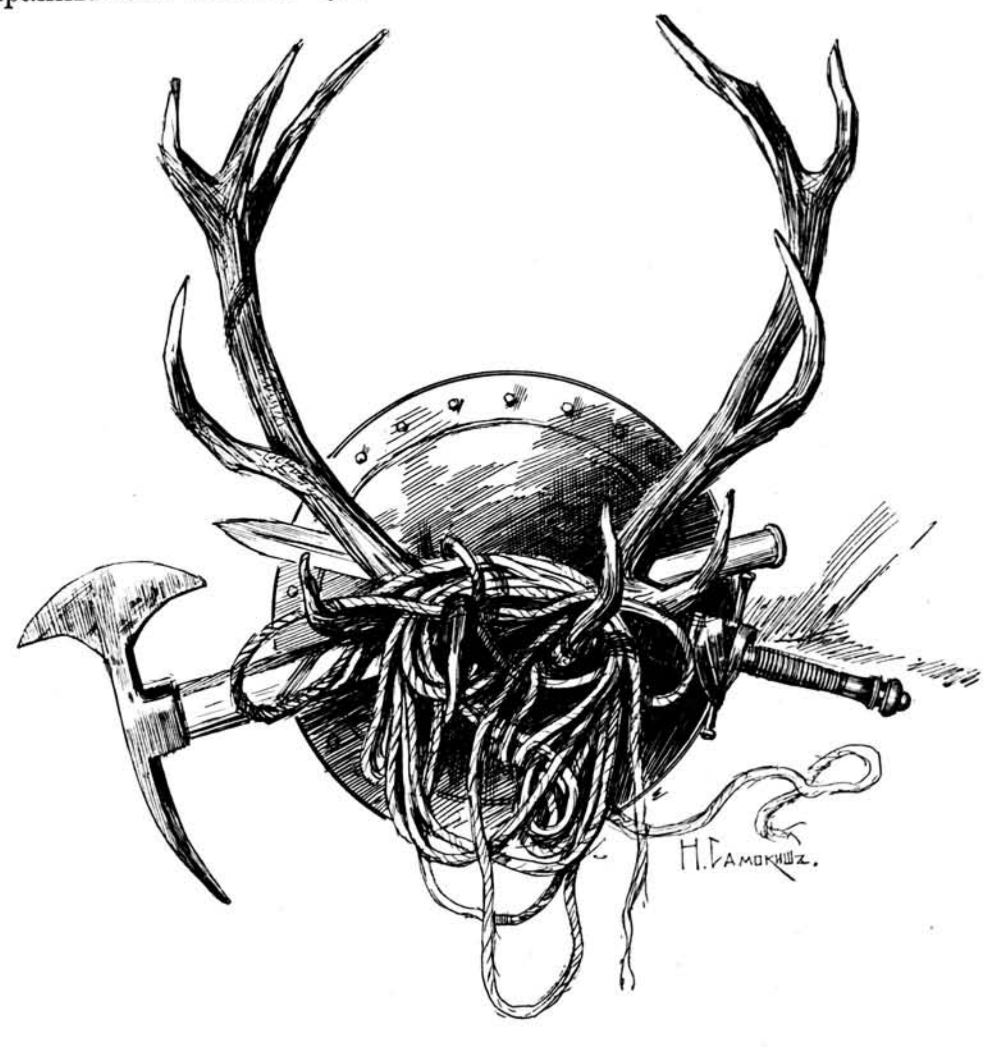
запретить входъ въ Пущу, что въ то время было далеко не трудно [46]), и тѣмъ сразу разрѣшились бы большія осложненія, съ которыми приходится считаться и теперь. Въ слѣдующемъ году Сигизмундъ-Августъ издалъ повелѣніе на имя Мстибоговскаго старосты Григорія Воловича, по которому ему поручалось обозрѣть всѣ казенные лѣса Вел. Кн. Литовскаго, въ томъ числѣ и Бѣловѣжско-Каменецкую пущу, а также звѣриные переходы изъ-за днѣпровскихъ полей къ пущамъ княжества. Далѣе поручалось разселить крестьянъ, построить охотничьи дворы для пріѣзда короля и показать обо всемъ въ описаніи и на картѣ. Воловичъ оправдалъ довѣріе. Отчетъ его, озаглавленный „Реестръ „описанія и вывѣданья пущъ и переходовъ звѣриныхъ у панствѣ его „королевское милости Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“, живо рисуетъ состояніе лѣсовъ и охоты въ то время. Воловичъ описываетъ 38 пущъ, въ томъ числѣ Бѣловѣжскую, которую называетъ Бѣльско-Бѣловѣжскою. Пущи дѣлились въ охотничьемъ отношеніи на оступы, т. е. на участки, въ которыхъ удобно было вести облаву на звѣря. Сколько было такихъ оступовъ въ Бѣловѣжской Пущѣ, Воловичъ не упоминаетъ, но въ сравнительно небольшой Перетунской пущѣ насчитывали 37 оступовъ, притомъ всѣ зубриные [47]). Ближайшее и непосредственное наблюденіе за дичью и звѣриными переходами лежало на такъ-называемыхъ „осочникахъ“ [48]). „Осочникъ“ происходитъ отъ стариннаго, встрѣчающагося еще въ Русской Правдѣ, слова „сокъ“—выслѣживаніе, хожденіе по слѣдамъ. Со времени Воловича терминъ „осочникъ“ встрѣчается весьма часто, какъ въ описаніяхъ, такъ и въ различныхъ законодательныхъ актахъ объ охотѣ и лѣсоустройствѣ; но позднѣе, съ воцареніемъ саксонской династіи, осочниковъ смѣнили егеря различныхъ степеней, хотя должности осочника не упразднили окончательно. Поселки осочниковъ, съ теченіемъ времени, обратились въ обыкновенныя крестьянскія деревни. Несмотря на страсть къ охотѣ польскихъ королей, которая побуждала ихъ всѣми мѣрами охранять лѣса и дичь, начавшаяся быстро развиваться культурная жизнь дѣлала свое.

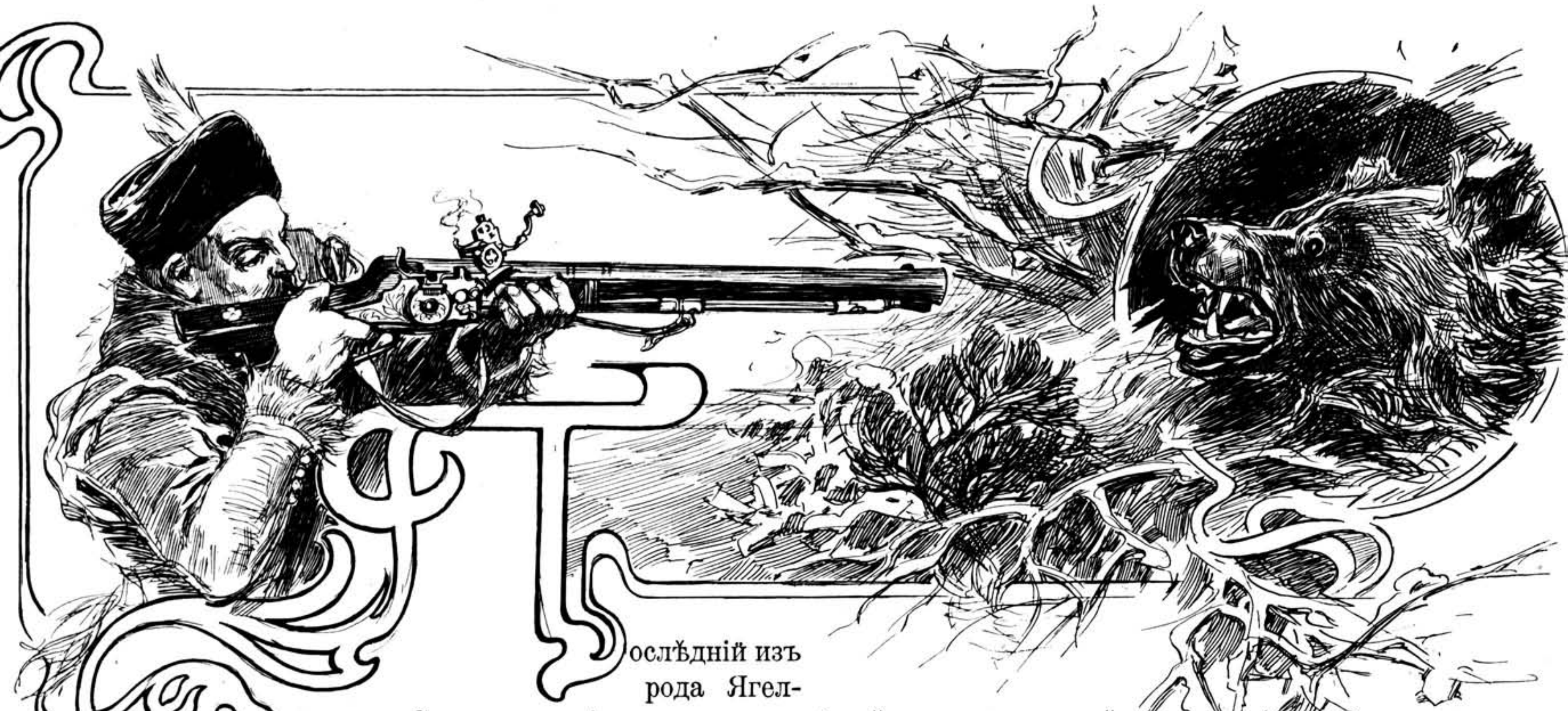
Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Воловичу было приказано обозрѣть всѣ лѣсистыя мѣстности для того, чтобы охранять лучшія изъ нихъ, черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, по иниціативѣ Петра Фальчевскаго, Бѣловѣжской Пущѣ наносится жесточайшій вредъ, слѣды котораго сохраняются и до нашихъ дней.

Заботясь объ экономическомъ благосостояніи народа, этотъ выдающійся государственный мужъ насаждалъ культуру вездѣ, гдѣ только позволяли условія [49]); красоты природы и наслажденія охоты для него не имѣли значенія. Въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ поставили четыре желѣзодѣлательныхъ завода, огромный поташный и рядъ смоло-

куренныхъ заводовъ [50]). Лѣсъ изводили на топливо и на производство. Слѣды поташнаго завода видны были еще въ 40-хъ годахъ за урочищемъ Старый Бѣловѣжъ. На заводахъ работали выписанные изъ Моравіи и изъ Жмуди мастера. Народъ этотъ селился гдѣ и какъ попало въ землянкахъ, шалашахъ и наскоро сколоченныхъ домикахъ, смотря по тому, гдѣ была нужна работа. Жилища эти называли будами, а обитателей—будняками. Много народовъ прошло черезъ Пущу, много было пролито здѣсь крови людской и звѣриной, кто только ни опустошалъ этихъ лѣсовъ; но большихъ опустошителей, нежели будняки, Пуща еще не видала. Стрѣлки браконьерствовали и вырубали лѣса лишь постольку, поскольку имъ было нужно для домашняго обихода. Будняки же изводили лѣсъ для заводскихъ цѣлей и съ топоромъ и рушницей шныряли во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ подсѣкая сосну для смолы, гдѣ истребляя звѣря.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 300 лѣтъ, на костяхъ этихъ лѣсныхъ хищниковъ вновь выросли вѣковые дубы и сосны, а слѣды ихъ хозяйства сохраняются и понынѣ въ видѣ бороздъ и ямъ на мѣстахъ выкорчевокъ. Еще 50 лѣтъ тому назадъ въ Пущѣ кое-гдѣ виднѣлись сохранившіеся остатки будъ.





Послѣдній изъ рода Ягеллоновъ Сигизмундъ-Августъ умеръ бездѣтнымъ, и послѣ него на польскій престолъ былъ избранъ Семиградскій князь Стефанъ Баторій, къ которому, вмѣстѣ съ короною, перешла и династическая страсть Ягеллоновъ къ охотѣ. Этотъ выдающійся монархъ, царствованіе котораго занимаетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ грустной исторіи Польши, внесъ и въ охоту то разумное начало, которымъ отмѣчена вся его многосторонняя дѣятельность. Онъ не устраивалъ боень, подобно Ягелло, и не дѣлалъ изъ охоты пустого увеселенія, ставшаго традиціоннымъ при его потомкахъ. Баторій отдыхалъ на охотѣ отъ напряженнаго умственнаго труда, черпая въ общеніи съ природою новыя силы для своей государственной дѣятельности [51]). Онъ не столько любилъ убивать, сколько охотиться, поэтому его одинаково привлекали, какъ крупный звѣрь, такъ и мелкая дичь или птица; при этомъ онъ не искалъ исключительно заповѣдныхъ рощъ, полныхъ дичью, а охотился вездѣ, гдѣ къ тому представлялись случай и время. Баторій настолько серьозно интересовался охотою, что по его иниціативѣ возникла даже польская охотничья литература. При немъ Матвѣй Цыганскій издалъ свою книгу—„Охота по перу",—въ которой говоритъ про себя, что прежде онъ былъ охотникъ, а теперь Баторій уговорилъ его стать литераторомъ [52]). Замѣтимъ, что Цыганскій началъ свой трудъ не съ охоты на зубра или медвѣдя, которая могла бы интересовать многихъ, а съ описанія охоты, привлекавшей только истинныхъ любителей. Баторій былъ, между прочимъ, страстный любитель и соколиной охоты, которая приходила въ упадокъ при Сигизмундахъ, но теперь пышно возродилась.



СТЕФАНЪ БАТОРІЙ ВЪ БѢЛОВѢЖСКОЙ ПУЩѢ СЛѢДИТЪ ЗА ОТПРАВЛЕНІЕМЪ ЗАГОНЩИКОВЪ.
Оригинальный рисунокъ В. И. Навозова.

Геліогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

Бѣловѣжская Пуща, въ которой сосредоточивались всѣ роды охоты, неоднократно привлекала къ себѣ Баторія. Въ 5-ти верстахъ отъ села Бѣловѣжъ по дорогѣ въ Гайновку есть мѣсто, называемое Баторіевой горой, гдѣ происходилъ однажды охотничій пиръ. Зубровъ Баторій билъ изъ мушкета, впервые введя этотъ способъ, взамѣнъ прежняго, когда звѣря загоняли собаками и, истомивъ, пронзали дротиками, рогатинами и стрѣлами. Въ 1579 г. король, возвращаясь изъ-подъ стѣнъ завоеваннаго Полоцка, въ Варшаву, дважды охотится въ Бѣловѣжской Пущѣ. Секретарь Баторія историкъ Гейденштейнъ разсказываетъ, какъ охотился король въ Пущѣ передъ своимъ походомъ на Псковъ въ 1581 году. Баторію нужно было изъ Гродно прибыть въ Варшаву на сеймъ, созванный въ виду предстоящаго похода, и съ 7-го по 10-ое января онъ три дня подрядъ посвятилъ охотѣ въ Пущѣ. [53]) Между прочимъ король полевалъ и на медвѣдей, причемъ въ описаніи этой охоты упоминается несчастный случай съ мальчикомъ, котораго помялъ поднятый изъ берлоги звѣрь. Баторій щедро одарилъ пострадавшаго мальчика.

Для пріѣзда Баторія въ Пущѣ былъ построенъ новый зáмокъ невдалекѣ отъ Стараго Бѣловѣжа, гдѣ стоялъ домъ Сигизмунда I, и, вѣроятно, по этому зáмку вся ближайшая мѣстность съ тѣхъ поръ стала называться „Замчиско".—Баторіевъ замокъ, по обычаю времени, имѣлъ бѣлыя башни—Biała Wiaga, отъ нихъ такъ же, какъ отъ дворца Сигизмунда, нѣкоторые стали производить названіе Пущи. Въ теперешнемъ 281 кварталѣ сохранились еще слѣды какой-то каменной постройки. — При Баторіи же возникъ и первый королевскій звѣринецъ въ Пущѣ — Wielka Kletna, возлѣ истоковъ рѣки Елянки. Охотясь, Баторій не забывалъ и объ огражденіи лѣсныхъ богатствъ и побуждалъ всѣми мѣрами охотничью стражу охранять звѣря, въ особенности же зубра.

Въ 1583 году, по распоряженію Баторія, въ Бѣловѣжской Пущѣ выловили двухъ зубровъ, изъ которыхъ одного отправили въ Краковъ, а другого—въ Варшаву, чтобы познакомить населеніе со звѣремъ, становившимся уже и тогда рѣдкостью. Это былъ первый случай вылавливанія зубра для переселенія.

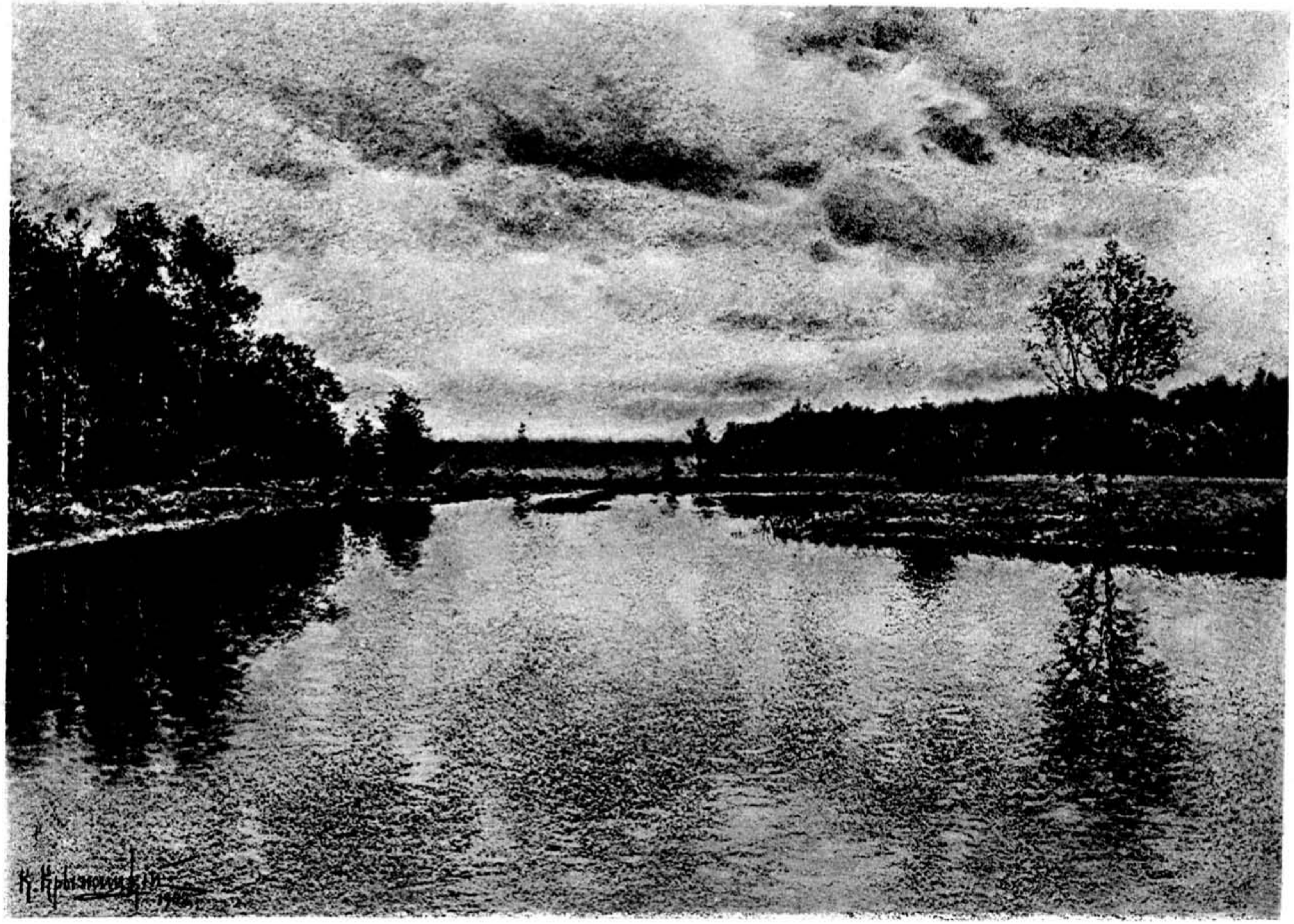
По смерти Баторія (1586 г.) въ Пущѣ наступилъ періодъ полнаго затишья, продолжавшійся съ небольшимъ перерывомъ 110 лѣтъ. Царствовавшій послѣ Баторія Сигизмундъ III шведскій и его сынъ Владиславъ IV были равнодушны къ охотѣ и, несмотря на то, что охота была традиціоннымъ спортомъ того времени, они ни разу не посѣтили своего богатѣйшаго Бѣловѣжскаго угодья.

Равнодушіе къ охотѣ Сигизмунда простиралось такъ далеко, что даже въ Яктуровской пущѣ, подъ самою столицею, не соблюли туровъ; послѣдняя турица пала въ 1627 г. [54])—и на земномъ шарѣ не осталось

4

болѣе этой породы. Лѣса, а съ ними вмѣстѣ и всѣ крупные звѣри—зубръ, лось, олень и пр., быстро исчезали тогда во всей Польшѣ и Литвѣ. Въ половинѣ XVII столѣтія зубровъ не оставалось уже нигдѣ, кромѣ Бѣловѣжской Пущи, если не считать нѣсколько головъ, содержавшихся въ плѣну въ королевскихъ звѣринцахъ подъ Варшавою, Остроленкою и Замосціемъ.

Владиславъ, хотя и не интересовался охотою, въ томъ смыслѣ, что самъ не полевалъ, тѣмъ не менѣе, онъ проявилъ дѣятельную заботливость объ охраненіи королевскихъ пущъ и въ частности Бѣловѣжской. По приказанію Владислава, въ 1640 г. ловчимъ Вел. Княжества Литовскаго Исаковскимъ была составлена „ординація"—порядокъ управленія всѣми коронными лѣсами [55]). Ординація, за королевскими печатями, была утверждена собственноручною подписью Владислава, со скрѣпою великаго канцлера Сапѣги и многихъ другихъ должностныхъ лицъ. Подлинный документъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія хранился въ архивахъ Гродненской палаты государственныхъ имуществъ. Изъ описанія тогдашнихъ границъ Пущи видно, что въ главныхъ чертахъ онѣ совпадали съ нынѣшними, и общая площадь составляла приблизительно 150.000 дес. Пуща дѣлилась на три части, изъ которыхъ двѣ бо̀льшія были почти равны, а меньшая, примыкавшая къ восточной границѣ, заключала около 8 кв. миль. Высшій надзоръ за Пущею былъ ввѣренъ Бѣловѣжско-Каменецкому лѣсничему, резиденціей которому былъ назначенъ фольваркъ Ямны, по дорогѣ между селеніемъ Королевъ-Мостъ и мѣстечкомъ Каменецъ-Литовскъ. Лѣсничій сносился съ самимъ королемъ. Непосредственное охраненіе лѣса и звѣрей было поручено осочникамъ, надъ которыми стояли четыре старшихъ осочника, и, кромѣ того, была установлена небольшая конная стража. Права и обязанности всѣхъ этихъ лицъ строго опредѣлялись ординаціею. Осочники стерегли Пущу, чинили мосты и дороги, выставляли подводы, возили лѣсъ, доносили о павшихъ звѣряхъ и являлись на охоты. Конная стража и старшіе осочники, неся также сторожевую и охотничью службу, кромѣ того, наблюдали за младшими осочниками. Служба всѣхъ, не исключая лѣсничаго, вознаграждалась землею, жалованья деньгами никто не получалъ. Бортники (пчеловоды) за право водить пчелъ отдавали половину меда въ королевскую казну, что въ общей сложности составляло въ годъ до 12 бочекъ. По ординаціи, въѣздъ въ Пущу постороннимъ, для полученія лѣса и для сѣнокошенія, разрѣшался только по королевскимъ листамъ, и такіе листы были выданы 23-мъ владѣльцамъ сосѣднихъ имѣній. Въ числѣ ихъ были: канцлеръ, подканцлеръ, подкоморій, писарь, старосты, чины духовенства и пр. Лѣсничій долженъ былъ строго на-



РѢКА НАРЕВКА ВЪ УРОЧИЩѢ „СТАРЫЙ БѢЛОВѢЖЪ".—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

Геліогравюра и печать въ артистич. завед. А. Ф. Маркса.

блюдать за тѣмъ, чтобы въ Пущѣ не прокладывали новыхъ дорогъ, даже излишнія приказывали запускать подъ лѣсъ, равно луга и поля, не входившіе въ составъ надѣловъ. Никакихъ рубокъ безъ особаго разрѣшенія короля не могло производиться, а на сухостой, валежникъ и сучья ловчій выдавалъ билеты самъ. Словомъ, Пуща вся въ цѣломъ должна была строго охраняться отъ порубокъ и браконьерства. Еще интересно указаніе въ ординаціи на существованіе охотничьяго дома для короля въ срединѣ Пущи, при мельницѣ на рѣкѣ Наревкѣ, т. е. въ теперешнемъ Бѣловѣжѣ. Королевскій охотничій домъ, несмотря на то, что Владиславъ въ него не заглядывалъ, долженъ былъ сохраняться въ полномъ порядкѣ; при домѣ находился постоянный королевскій слуга, на рукахъ котораго лежалъ весь инвентарь. Впрочемъ, новые лѣсоохранительные законы не могли имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій потому, что все вниманіе правительства было поглощено болѣе серьезными дѣлами: для Польши уже съ тѣхъ поръ наступила тревожная эпоха политическихъ переворотовъ. Цѣнный лѣсъ сбывался за границу, старосты щедрою рукою раздавали цѣлые лѣсные участки подъ расчистку, и Пуща оскудѣвала.

Не долго царствовавшій Янъ Казиміръ вспомнилъ про Пущу. Мы знаемъ, что онъ охотился тамъ въ 1650 г. [56]) и даже во время осады Кракова, въ 1657 году, онъ не переставалъ охотиться [57]), переѣзжая изъ Неполомицкихъ лѣсовъ въ Бѣловѣжскіе. Послѣдующіе же короли, Михаилъ Вишневецкій и Янъ Собѣсскій—въ Пущу не заглядывали.

Съ избраніемъ въ 1698 году на польскій престолъ Курфюрста Саксонскаго Августа II Пуща снова ожила. Въ ней появились егеря саксонцы, организовавшіе тамъ даже охотничье хозяйство. Подробности объ этомъ хозяйствѣ не дошли до насъ; быть можетъ, уже тогда начали прикармливать зубровъ; но главная обязанность егерей заключалась конечно въ сторожевой службѣ. Фабрики и заводы, воздвигнутые еще Петромъ Фальчевскій, замолкли, посторонняго, опаснаго для охоты народа стало меньше, и только пчеловодство продолжало процвѣтать, принося крестьянамъ хорошіе доходы. Охотничью стражу довели до 150-ти человѣкъ и вообще королевское угодье привели въ такое состояніе, что Августъ съ сыномъ, впослѣдствіи Августомъ III, наѣзжая изъ своей резиденціи—Дрездена—въ Варшаву на сеймы, не пропускали случая посѣтить его [58]). Августъ II настолько увлекался охотою, что, забывая свой санъ, выходилъ одинъ на медвѣдя съ рогатиною или корделясомъ. Такое единоборство (3-го декабря 1705 года) едва не стоило королю жизни, звѣрь подмялъ его подъ себя, и только, благодаря своей огромной силѣ и ловкости, Августъ II вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ [59]). Онъ также любилъ прикалывать собственно-

4*

ручно кабановъ, попадавшихся въ тенёта, и одинаково смѣло, какъ и на медвѣдя съ рогатиною, бросался съ обыкновеннымъ охотничьимъ ножомъ на одинцовъ-кабановъ, а мелкихъ, 5-6 пудовыхъ, укладывалъ по 40 штукъ въ одну послѣобѣденную охоту. По иниціативѣ Августа была сдѣлана попытка переселенія зубровъ въ Саксонію [60]). Ихъ помѣстили въ особомъ паркѣ между Дрезденомъ и Гроссенгеймомъ и окружили самымъ тщательнымъ уходомъ; но старанія нѣмцевъ не имѣли успѣха, зубры колѣли, а безпорядки, царившіе во время семилѣтней войны, ихъ окончательно уничтожили. Такими же неискусными оказались саксонцы и въ охраненіи благороднаго оленя въ Пущѣ. Нѣсколько холодныхъ зимъ и сопутствующіе имъ волки и рыси уничтожили его окончательно. Это небреженіе со стороны саксонцевъ и въ особенности то, что они не догадались переселить въ Пущу новыхъ оленей, тѣмъ болѣе удивительны, что у себя, на родинѣ, они могли хорошо изучить природу оленей: ихъ тамъ вездѣ было множество, какъ въ охотничьихъ паркахъ, такъ и на полной свободѣ. Въ память объ Августѣ II наиболѣе посѣщаемая имъ часть Бѣловѣжскаго лѣса цѣлое столѣтіе сохраняла названіе Августовской стражи.

Августъ III еще при отцѣ хорошо познакомился съ Пущею и, ставъ самостоятельнымъ, посвящалъ ей особенное вниманіе. При немъ усилили охотничью стражу, на границахъ дачи поставили дома для егерей и стрѣлковъ, а въ серединѣ дачи обнесли заборомъ значительный лѣсной участокъ по рѣкѣ Елянкѣ, образовавъ нѣчто въ родѣ охотничьяго звѣринца. Собственно говоря, Августъ только возобновилъ и расширилъ тотъ звѣринецъ, который созданъ былъ еще при Баторіи. Всѣ знаменитыя охоты Августа происходили здѣсь или возлѣ, поэтому это мѣсто стали называть Августовымъ садомъ; оффиціально же его названіе оставалось прежнее — Большой загонъ, Wielka Kletna [61]). — Тамъ были устроены штанды (altanki) для короля и вельможъ, и слѣды этихъ штандовъ, а также забора оставались до конца прошлаго столѣтія. — Другимъ большимъ сооруженіемъ Августа III былъ новый охотничій замокъ. — Старинный деревянный охотничій домъ, поставленный при Сигизмундѣ I, обратился съ теченіемъ времени въ квартиру главнаго егермейстера, завѣдовавшаго всею охотою и арсеналомъ. Для Августа понадобилось воздвигнуть болѣе обширное помѣщеніе, и мѣстомъ для него выбрали возвышенный берегъ Наревки, почти въ центрѣ Пущи, верстахъ въ 7 отъ охотничьяго дома Сигизмунда. Здѣсь также раньше былъ домъ для пріѣзда короля, о которомъ упоминается въ ординаціи Владислава IV, и Августъ или расширилъ его, или выстроилъ себѣ на его мѣстѣ новый дворецъ. Съ возникновеніемъ королев-

скаго дворца, по всей вѣроятности, возникъ и Новый Бѣловѣжъ, а прежній сталъ называться „Старымъ“. По описанію Бринкена [62]), за́мокъ, окруженный паркомъ, выходилъ однимъ фасадомъ на рѣку Наревку, другимъ—на обширный лугъ, обсаженный дубами. Сбоку къ за́мку примыкалъ просторный дворъ, вокругъ котораго располагались хозяйственныя и охотничьи постройки. Въ нихъ размѣщался огромный штатъ егерей, псарей и прочихъ служащихъ, а въ отдѣльномъ зданіи хранились охотничьи снасти. Псарный дворъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Главное зданіе было расчитано на пріемъ многочисленныхъ гостей. Въ серединѣ была большая зала съ каминами, по бокамъ — уютныя, комфортабельныя комнаты для отдыха и бесѣды.

Въ 1812 году, хозяйничавшія въ Пущѣ союзныя Наполеону австрійскія войска, разграбили весь за́мокъ; разореніе же докончилось въ польскій мятежъ 1830 года. На мѣстѣ замка насыпали батарею; отъ остальныхъ построекъ остались только слѣды. Дворецъ Александра III-го возвышается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояли Августовскій за́мокъ и охотничій домъ Владислава.

Охоты Августа III-го превосходили по своей пышности все то, что когда-либо видала Пуща до тѣхъ поръ. Въ этомъ отношеніи Августъ III явился самымъ типичнымъ представителемъ польскихъ королей, которые, послѣ Ягелло, за исключеніемъ Баторія, постепенно обращали охоту въ пышное зрѣлище. Августъ III былъ кавалеромъ ордена Св. Губерта, считавшагося покровителемъ охоты. Орденъ установили въ 1738 г. и его могли получать за охотничьи подвиги только принадлежавшие къ королевской крови или самые знатные вельможи. Празднуя полученіе ордена, Августъ, гласитъ преданіе, посвятилъ шесть недѣль сряду на истребленіе звѣрей [63]).

Задолго до пріѣзда короля изъ Дрездена и изъ Варшавы въ Пущу наѣзжали сановники, придворные и слуги. Мѣстная администрація устраивала ежедневныя грандіозныя облавы, вылавливая тенетами всякую дичь для пересадки въ „Августовъ садъ“. Не довольствуясь такимъ заполненіемъ сада, ко времени охоты собранную дичь сосредоточивали на еще меньшемъ пространствѣ, въ какихъ-нибудь сто десятинъ, огороженномъ щитами, за которыми ставился высокій прочный заборъ, на случай, если бы такой сильный звѣрь, какъ зубръ, прорвалъ линію щитовъ. Изъ этого небольшого отгороженнаго участка устраивали, на подобіе коридора, узкій выходъ, а сбоку воздвигалась бесѣдка, чтобы выгоняемые звѣри попадали прямо подъ выстрѣлы.

Бринкенъ, со словъ очевидца, такъ описываетъ одну изъ грандіознѣйшихъ охотъ Августа III-го, происходившую 27-го сентября 1752 года: —

За нѣсколько дней до пріѣзда короля—въ Пущу явились нѣмцы-охотники съ прекрасными собаками и различными охотничьими приспособленіями. Мѣстомъ охоты избрали участокъ возлѣ сада, къ сѣверо-западу отъ села Бѣловѣжъ, верстахъ въ семи отъ замка. Пользуясь указаніями мѣстныхъ егерей относительно зубровыхъ стоянокъ, нѣмцы пополнили звѣровой составъ сада зубрами, для загона которыхъ потребовалось не менѣе тысячи крестьянъ.—Ко дню пріѣзда короля все было готово, и даже число зубровъ было на счету. Король пріѣхалъ съ женою и семействомъ, въ сопровожденіи такой многочисленной свиты, что ее едва размѣстили по деревнѣ.—Рано утромъ, въ роскошныхъ экипажахъ, окруженные гарцующими на коняхъ офицерами и пажами, дворъ и дамы двинулись къ мѣсту охоты. Звуки трубъ возвѣстили о прибытіи Августа и о началѣ охоты. Бесѣдку заняли королевская семья съ важнѣйшими сановниками, но послѣднимъ предоставлялось только право любоваться кровавымъ зрѣлищемъ. Королева, увлекавшаяся стрѣльбою не менѣе короля и вмѣстѣ съ тѣмъ большая любительница чтенія, не теряла времени даромъ. Читая, въ промежутки между выпусками звѣря, она одна уложила 20 зубровъ. Король также стрѣлялъ мастерски, принимая заряженное ружье отъ стоявшихъ возлѣ пажей и егерей. Послѣ каждаго удачнаго выстрѣла по зубру раздавались трубные фанфары. По окончаніи охоты король и королева осматривали штреку, дичь была взвѣшена и распредѣлена между крестьянами [63]). Въ память объ охотѣ воздвигли обелискъ, на которомъ еще и теперь не трудно прочесть слѣдующія высѣченныя надписи на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

„27-го Сентября 1752 года здѣсь охотились на зубровъ Ихъ Величества Августъ III, Король Польскій и Курфюрстъ Саксонскій съ Августѣйшей супругой Королевой и Ихъ Высочествами Принцами Ксаверіемъ и Карломъ, при чемъ были убиты: 42 зубра, а именно—11 крупныхъ, изъ коихъ бо̀льшій вѣсилъ 14 центнеровъ и 50 фунтовъ (43 пуда и 20 фунтовъ), 7 меньшихъ, 18 молодыхъ зубровъ и 6 телятъ. Далѣе—13 лосей, а именно: 6 быковъ, изъ которыхъ наибольшій вѣсилъ 9 центнеровъ и 75 фунтовъ (29 пудовъ и 10 фунтовъ), 5 коровъ и 2 теленка; кромѣ того 2 козла. Всего 57 штукъ.

При этомъ присутствовали: Его Превосходительство великій коронный гетманъ Браницкій, Его Превосходительство первый министръ Графъ Брюль, Его Превосходительство коронный начальникъ столовыхъ имѣній (Удѣловъ) Графъ Велепольскій, Его Превосходительство обершталмейстеръ Графъ Брюль, Его Превосходительство коронный почтмейстеръ и маршалъ фонъ Биберштейнъ, Его Превосходительство гофмаршалъ фонъ Шенбергъ, Господа полковники Понятовскій, Вильчевскій, Венгерскій и

Старжевскій, подполковникъ Сапѣга. Охотою руководилъ Его Превосходительство оберегермейстеръ Графъ Волферсдорфъ; при охотѣ были дежурными: камеръ-юнкеръ и оберфорстмейстеръ фонъ Габленцъ, камеръюнкеръ и яхтъ-юнкеръ фонъ Арнимъ, охотничьи пажи фонъ Генцау и Лейпцигеръ, охотничій волонтеръ Флугъ, ловчій Штокманъ, придворный егерь Шрейеръ, тѣлохранитель Пецольдъ, старшіе лѣсничіе Брейтеръ, Берманъ, Экгардъ; лѣсничіе Шубертъ, Аугерманъ, Штокмаръ, Рихтеръ, Эйхлеръ, Хомбургъ, трое Козловскихъ, Вапъ, Роде, Прокоповичъ, Урепкевичъ“ *).

Обелискъ является единственнымъ хорошо сохранившимся памятникомъ историческаго прошлаго Пущи временъ польскаго господства. Онъ изъ бѣлаго песчаника 12 фут. вышиною и стоитъ на незначительной земляной насыпи.—Туристъ, осматривающій Пущу, увидитъ его слѣва отъ дороги, при проѣздѣ изъ деревни Сточекъ къ Императорскому дворцу.

Въ настоящее время обелискъ тщательно оберегается, его накрываютъ на зиму чехломъ, по угламъ посажены деревья, а кругомъ, у подножья, взамѣнъ прежней деревянной ограды, разбитъ цвѣтникъ.

Послѣдній Польскій король, Станиславъ Августъ, не любилъ охоты и хотя, для поддержанія традиціоннаго строя придворной жизни, отъ време-

---

*) «Dnia 27 Septembra, 1752 Nayiasnieysze Państwo August III, Król Polski, Elektor Saski, z Królową Jeymoscią i Królewiczem Ichmośc Xawerym i Karolem tu mieli polowania zubrów, i zabili: 42 zubrów; to jest: 11 wielkich, z których nayważnieyszy ważył 14 centnarów 50 funtów, 7 mnieyszych; 18 zubrzyców; 6 młodych; 13 łosiów; to jest: 6 z których naywaznieyszy ważył 9 centnarów 75 funtów; 5 samic; 2 młodych; 2 sarny. Summa 57 sztuk. Byli przytómni: I. W. I. Pan Branicki, Hetman Wielki Koronny. I. W. Hrabia de Brühl pierwszy Minister I. K. M., I. W. I. Pan Wielopolski, Czésnik Koronny. I. W. Hrabia de Brühl Koniuszy naywyższy I. K M., I. W. Marszałek de Biberstein, Generał poczty Koronney. I. W. de Szönberg Marszałek Nadworny I. K. M., I. W. i Wiel. I. Panowie Poniatowski, Wilczewski, Węgierski, Starżewski, Pułkownicy: i Sapieha Oberster Lieutenant. Polowaniem dyrygował I. W. I. Pan de Wolfersdorff Łowczy naywyższy I. K. M. Assystowali przy polowaniu: W. I. Pan de Gablenz Podłowczy I. K. M., W. I. Pan de Arnim Szambelan. W. I. Panowie de Gausou i de Leipziger Paziowie od polowania. Strzelcy nadworni I. Pan Pflug, Stokmann, Schreyer i Pezold. Nadlesniczowie: Breyter, Bormann, Eckhard. Lesniczowie: Szubert, Angermann, Stockmar, Richter, Eichler, Homburg; 3 Kozłowscy, Vap, Rode, Prokopowicz, Urepkiewicz».

«Den 27 September 1752 haben Ihro Majestaet August III Kœnig in Pohlen und Churfürst zu Sachsen nebst Dero Kœniglichen Gemahlin Majestæt ingleichen Ihrer Königliechen Hoheiten Prinz Xaver und Prinz Karl allhier ein Auerjagen auf dem Lauf geholten, und geschossen: 42 Auer, naemlich: 11 Hauptauer, wovon der schwerste gewogen 14 Centner 50 Pfund, 7 Mittelauer; 18 Auerthiere; 6 Auerkälber. Ferner 13 Elend, næmlich: 6 Elendhirsche, wovon der schwerste gewogen 9 Centner 75 Pfund; 5 Elendthiere; 2 Elendkälber. Ferner 2 Rehe. Summa 57 Stück.

Hierbei waren zugegen: Ihro Exellenz Herr Kron Grossfeld herr Branicki. I. E. Herr Premier Minister Graf Brühl, I. E. Herr Kron-Mundschenk Graf Wielopolski, I. E. Herr Oberstallmeister Graf Brühl, I. E. Herr General Kron-Postmeister Marschall von Biberstein. I. E. Herr Hofmarschal von Schœnberg. Die Herren Obristen Poniatowski, Wilczewski, Wegierski und Starzewski. Der Herr Obrist Lieutenant Sapieha. Das Jagen haben dirigirt: Ihro Exc. Herr Oberhofjägermeister Graf Wolfersdorff. Beginn-Jagen haben Dienste geleistet: Herr Kammerjunker-und Obersforstmeister von Gablenz; Herr Kammer und Jagdjunker von Arnime, Herr Jagdpage v. Gensau und v. Leipzyger. Jagd Volontair Pflug, Wildmeister Stockmann, Hofjäger Schreier, Leibschütz Pezold. Die Qberfœrster: Breyther, Bermann, Eckhard. Die Fœrster: Schubert, Augermann, Stockmar, Richter, Eichler, Homburg, 3 Kozlowski, Wap, Rode, Prokopowiez, Urepkiewicz».

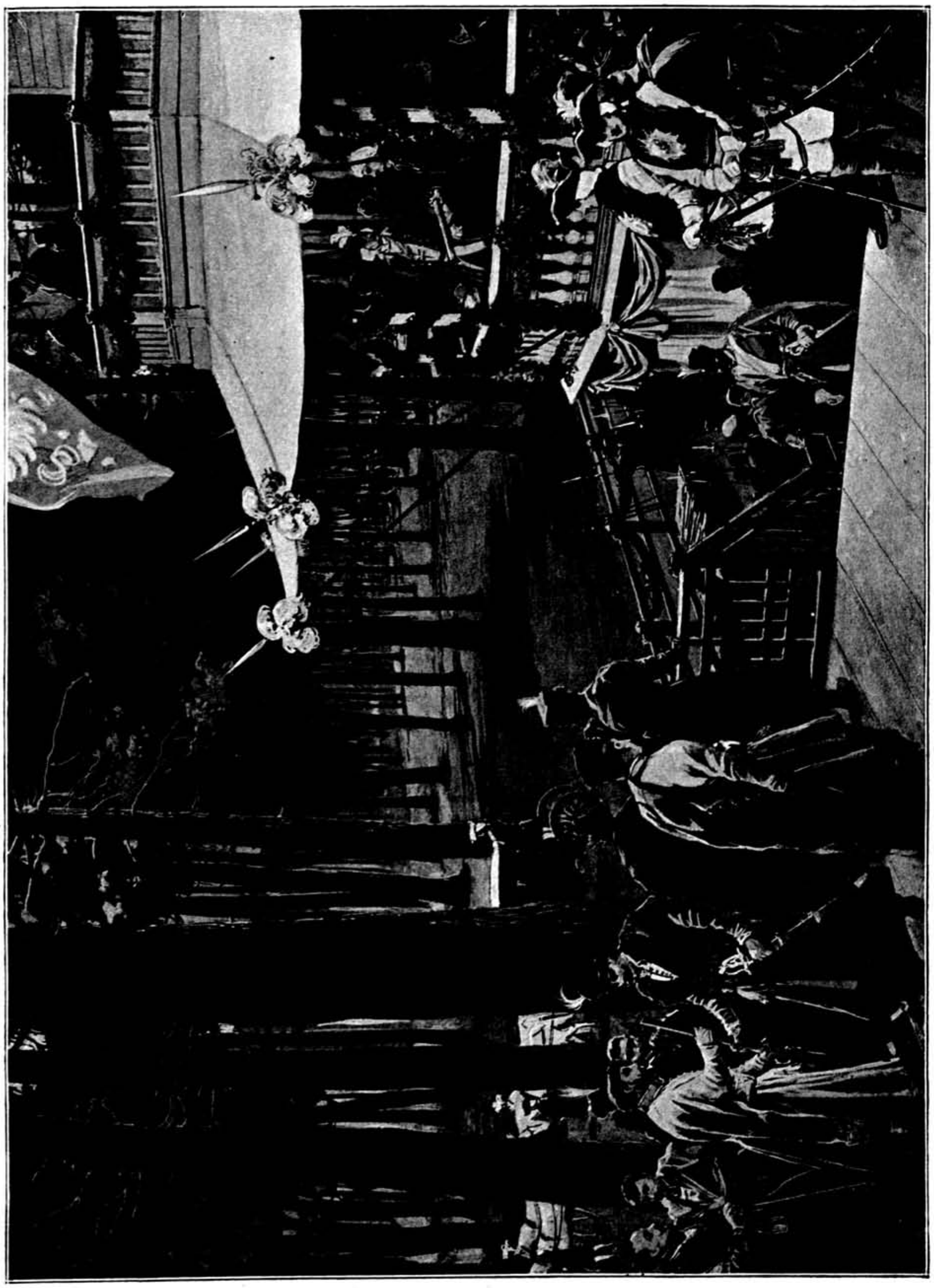


Обелискъ Августа III-го. Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжицкаго.

ни до времени въ Пущѣ устраивались охотничьи парады, на подобіе бывшихъ при Августѣ III-емъ, но самъ король относился къ нимъ безучастно.

Изъ охотъ Станислава Августа наиболѣе извѣстна происходившая 30-го и 31-го августа 1784 года [65]).—Къ пріѣзду короля въ большомъ загонѣ (Августовъ Садъ) поставили трехъ-этажный павильонъ. Въ нижнемъ этажѣ размѣщалась прислуга, въ среднемъ былъ обширный залъ для короля, убранный коврами и рыцарскими доспѣхами, а верхній этажъ представлялъ открытый балконъ, съ котораго приближенные глядѣли на охоту. Въ первый день король подъѣхалъ къ павильону верхомъ, сопровождаемый конною литовскою гвардіею, уланами и казаками. Лошадей короля и сановниковъ торжественно вели подъ уздцы. На слѣдующій день король прибылъ въ каретѣ шестеркою бѣлыхъ лошадей цугомъ. Результаты охоты этихъ дней никто не записалъ, но есть упоминаніе, что Станиславъ Августъ не истреблялъ звѣрей такъ безпощадно, какъ его предшественникъ, и ограничивалъ охоту только нѣсколькими зубрами. Въ одну изъ охотъ произошелъ случай съ верховымъ, стоявшимъ вблизи королевскаго павильона. Разсвирѣпѣвшій зубръ бросился на верхового, поднялъ лошадь его на рога, а сѣдокъ спасся тѣмъ, что схватился за вѣтку и повисъ на ней.

При Станиславѣ Августѣ золотые дни егерей саксонцевъ приходятъ къ концу; многіе изъ нихъ вернулись даже на родину. Пуща въ охотничьемъ отношеніи стала приходить въ упадокъ, но взамѣнъ того выдвинулась ея хозяйственная сторона. Король хорошо велъ дѣла въ своихъ такъ-называемыхъ столовыхъ имѣніяхъ, и Пуща, перешедшая въ составъ Литвы, подъ управленіе одного изъ выдающихся экономистовъ той эпохи Антонія Тизенгауза, обратилась въ доходное угодье. Ти-



ОХОТА СТАНИСЛАВА АВГУСТА ВЪ ПУЩѢ 31-ГО АВГУСТА 1784 Г.—Оригинальный рисунокъ В. И. Навозова.

5

зенгаузъ былъ сначала гродненскимъ старостою, а затѣмъ литовскимъ подскарбіемъ. Съ послѣднею должностью совмѣщалось все хозяйственное управленіе страною, и Тизенгаузъ обратилъ особенное вниманіе на лѣсныя богатства Литвы. Онъ привелъ въ извѣстность всѣ казенные лѣса, открылъ тамъ смоляные, дегтярные, поташные заводы, пильныя мельницы, а въ Пущѣ, сверхъ того, очистивъ и спрямивъ рѣки, приспособилъ ихъ для сплава. По нимъ цѣнные дубы и сосны успѣшно доставлялись въ Данцигскій портъ [66]). Этими плодами заботъ Тизенгауза пользуются и сейчасъ.

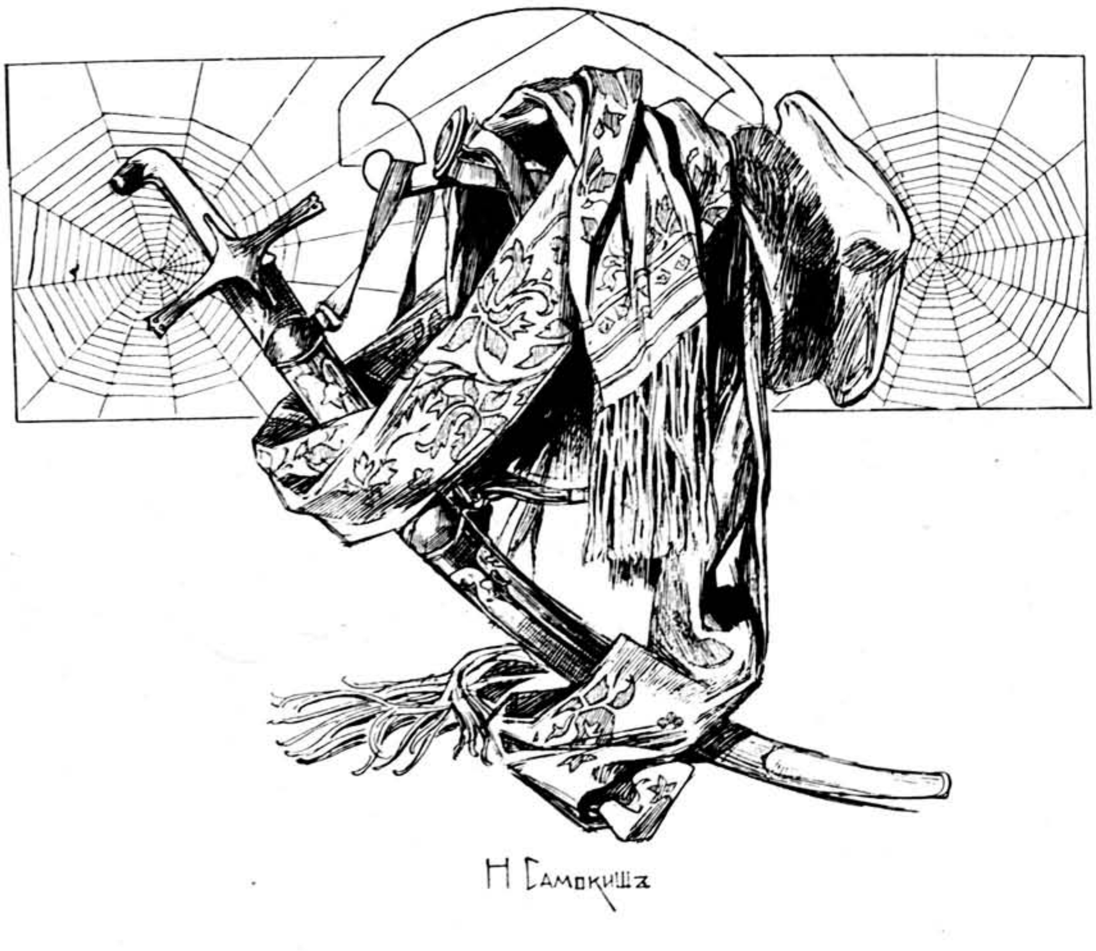
Не интересуясь охотою самъ и зная отношеніе къ ней короля, Тизенгаузъ, озабоченный собираніемъ доходовъ, тѣмъ не менѣе не только не стремился разрушить Бѣловѣжское охотничье угодье, уцѣлѣвшее въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, но наоборотъ всячески старался сохранить охоту. Если мы сказали раньше, что Пуща въ охотничьемъ отношеніи приходила въ упадокъ, то это зависѣло не отъ недостатка заботъ, а отъ того, что вообще нельзя было вести параллельно двухъ хозяйствъ, взаимно исключающихъ другъ друга—фабрично-заводскаго и охотничьяго. Ближайшій надзоръ за Пущею Тизенгаузъ ввѣрилъ оберъ-форстмейстеру. За нимъ стоялъ ловчій, который завѣдовалъ собственно всею охотничьей частью, далѣе—13 унтеръ-форстмейстеровъ и 123 стрѣлка. Всѣ служащіе были щедро надѣлены землями, и для полевыхъ работъ даже стрѣлкамъ давались чернорабочіе; топливо же и лѣсъ для домашнихъ надобностей выдавались безъ ограниченія всѣмъ пущинскимъ и сосѣднимъ крестьянамъ, за что съ каждаго взималось по серебряному польскому грошу въ годъ. Эта щедрая раздача казеннаго лѣса была установлена еще до Тизенгауза, но при немъ она не прекратилась, и нужно сказать, что мѣстное населеніе до сихъ поръ смотритъ на удѣльный лѣсъ, какъ на общую собственность. Псарный дворъ, всевозможные охотничьи снаряды: тенета, сѣти и пр.—все это хранилось и поддерживалось. Пущу раздѣлили на такъ-называемыя стражи, и послѣднія распланировали такъ, что каждая стража выходила одною стороною на окрайну дачи. Свободный въѣздъ въ Пущу былъ воспрещенъ, а для большей охраны отъ порубокъ и браконьерства, стрѣлковъ разселили кольцомъ вокругъ всей дачи. Всѣ сервитуты крестьянъ и помѣщиковъ были выкуплены въ казну.

Здѣсь не мѣсто перечислять все то, что сдѣлалъ Тизенгаузъ вообще для края; дѣятельность этого государственнаго человѣка оцѣнили историки Литвы и Польши*); для насъ же интересенъ только еще

*) Оклеветанный придворными, Тизенгаузъ былъ отстраненъ отъ должности подскарбія и умеръ въ полной нищетѣ въ 1785 году, оплакиваемый немногими сотрудниками.

одинъ актъ заботливости Тизенгауза. По его инициативѣ основалась ветеринарная школа въ Гродно, для которой изъ Монпелье пригласили извѣстнаго естествоиспытателя, Жильберта [67]). Послѣднiй внимательно изслѣдовалъ фауну Литвы и, между прочимъ, оставилъ подробное описанiе зубра и его жизни.—Изъ трудовъ Жильберта наиболѣе извѣстны: „Observationes de bisone Lithuano“ и „Indagatores naturae in Lithuania“. Въ концѣ XVIII вѣка о Пущѣ и о зубрахъ отрывочно писали нѣкоторые польскiе натуралисты: Бѣльскiй, Стрыйковскiй и Рончинскiй.

Съ именемъ Тизенгауза связанъ одинъ эпизодъ, который могъ бы доставить Пущѣ еще большую извѣстность. Знаменитый мыслитель Жанъ-Жакъ-Руссо, по просьбѣ Велогорскаго, написалъ проектъ государственнаго устройства Польши. Знакомясь для своего проекта съ исторiею и бытомъ польскаго народа, Руссо составилъ себѣ настолько благопрiятное мнѣнiе о полякахъ, что выразилъ даже желанiе пожить среди нихъ. Узнавъ объ этомъ, Тизенгаузъ рѣшилъ уговорить женевскаго философа переселиться въ Польшу и, зная наклонность Руссо къ уединенiю, предложилъ ему поселиться въ Бѣловѣжскомъ лѣсу, обѣщая предоставить всѣ удобства и не требуя ничего взамѣнъ. Уговорить Руссо долженъ былъ состоявшiй при Тизенгаузѣ извѣстный въ польской литературѣ Ксаверiй Богушъ. Планъ переселенiя въ Бѣловѣжъ показался очень заманчивымъ Руссо, и вѣроятно онъ не замедлилъ бы осуществить его, если бы не одно случайное обстоятельство.—Въ то время въ Парижѣ появился польскiй авантюристъ Вяжевичъ, который какимъ-то способомъ вкрался въ довѣрiе философа и, выманивъ изрядную сумму денегъ, скрылся.—Такъ закончился этотъ эпизодъ, послѣ котораго Руссо, вмѣсто Бѣловѣжа, выбралъ себѣ для уединенiя предмѣстье Парижа Ermenonville [68]). —

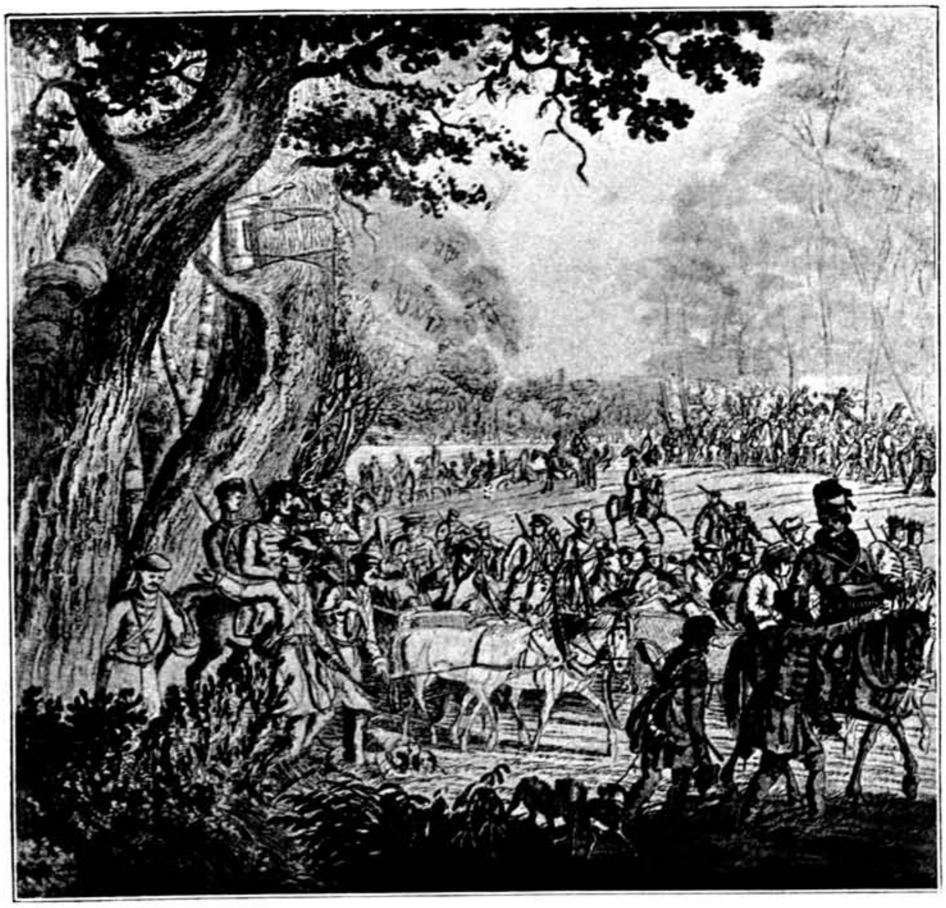




Въ 1794 году свершилось то, что уже давно готовилось, Польша пала, какъ самостоятельное государство. По первому раздѣлу часть Литвы вмѣстѣ съ Пущею отошла къ Россіи.

Взглянувъ безпристрастно на четырехсотлѣтнее польское господство въ Пущѣ (1413—1794 г.), охотникъ долженъ, все-таки, сказать полякамъ искреннее „спасибо". Разоренная, оскудѣвшая лѣсомъ и звѣрями Пуща, какъ ни какъ—уцѣлѣла, и въ ней не перевелся самый цѣнный ея обитатель—зубръ, котораго нигдѣ въ Европѣ не сумѣли уберечь. Уцѣлѣла же она благодаря своимъ королямъ, среди которыхъ мы видѣли не мало выдающихся охотниковъ. Правда, многіе изъ нихъ охотились безпощадно-хищнически, но все же они дорожили Пущею, и подданные уберегли то, что было дорого ихъ монархамъ. Первымъ владѣтелямъ Пущи, конечно, не могло даже приходить на

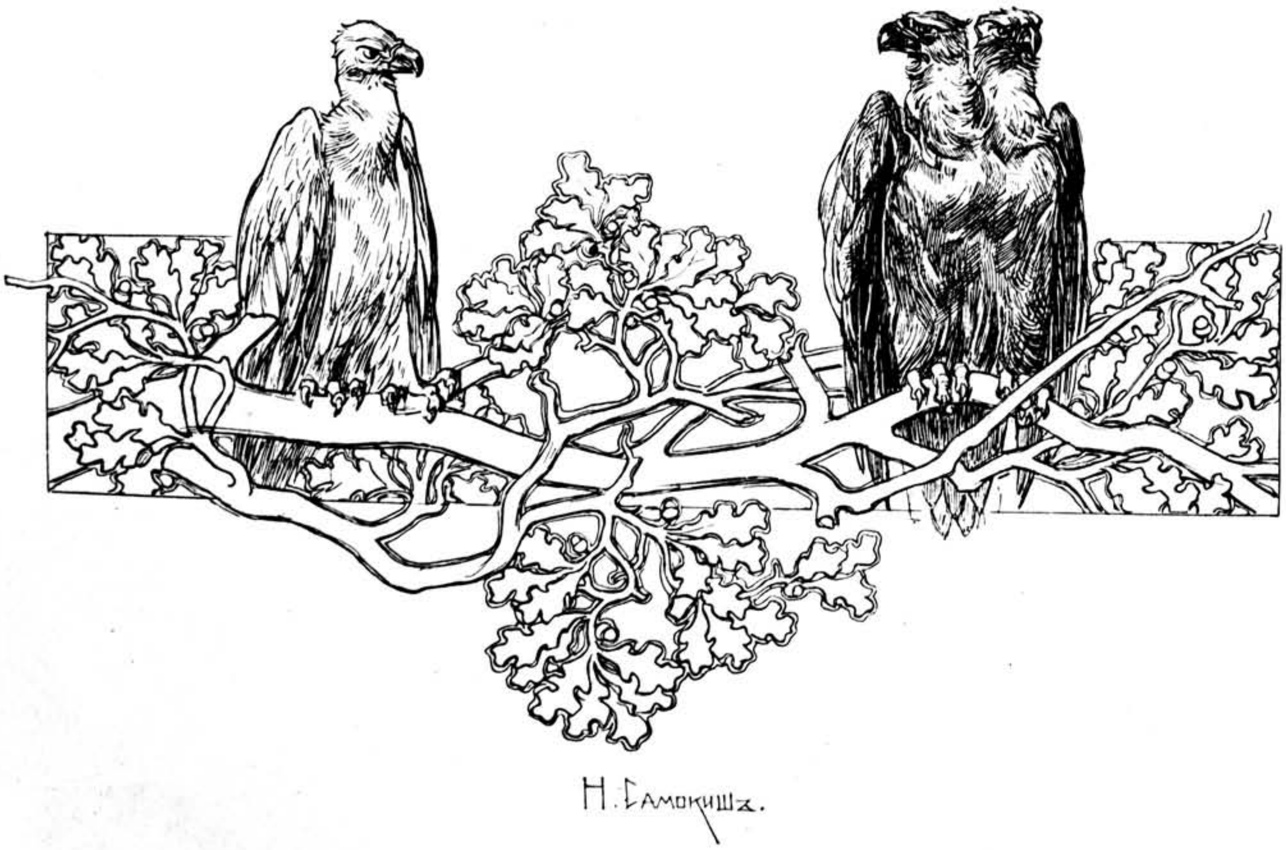
мысль, что литовскіе лѣса могутъ когда-нибудь исчезнуть и, что зубровъ, какъ диковинку, будутъ показывать въ музеяхъ и звѣринцахъ, а о турахъ станутъ даже спорить, существовали ли они. Позднѣе, когда было ясно, что земледѣльческая культура и фабричная промышленность поглотятъ всѣ лѣсныя богатства Литвы, появились лѣсоохранительные законы; но сила этихъ писаныхъ законовъ была очень относительна въ тѣ времена, къ тому же законы нерѣдко отмѣнялись. Петръ Фальчевскій, еще въ серединѣ XVI столѣтія, преслѣдуя



Выѣздъ на охоту въ Пущу въ концѣ XVIII вѣка.
Съ гравюры изъ изданія 1828 г. Бринкена.

интересы государственной казны, могъ бы вырубить Пущу до тла; то же могъ бы сдѣлать даже такой человѣкъ, какъ Тизенгаузъ, если бы за Пущею не сохранялось всегда престижа лучшаго королевскаго угодья. Уничтожить Пущу было легко, а для человѣка жаднаго—даже соблазнительно, потому что нигдѣ не было столько цѣннаго лѣса, какъ тамъ; условія сбыта были также довольно благопріятны. Пуща изрѣзана рѣками, среди которыхъ главная артерія Наревка, при нѣкоторыхъ затратахъ, могла бы стать вполнѣ судоходною; но всѣ знали, что ни прежде, ни теперь, въ цѣлой Литвѣ не было лучшаго уголка, чѣмъ Бѣловѣжская

Пуща.—Сюда навѣдывались всѣ, въ комъ билась охотничья жилка. Немногіе бы рѣшились свести, ради единовременныхъ выгодъ, тотъ лѣсъ, въ которомъ охотились Ягелло, его потомки, Баторій и многіе другіе, о которыхъ съ гордостью вспоминаютъ поляки. Бѣловѣжъ, Баторіева гора, Августовская стража, Замчиско, Августовъ Садъ и многія другія названія, не дошедшія до насъ, напоминали всегда о прошломъ Пущи. Ее изводили, урѣзывали со всѣхъ сторонъ, какъ растрачиваются по частямъ самыя цѣнныя родовыя имѣнія; но и въ послѣднихъ домъ и старый садъ сохраняютъ до конца. Въ русское владѣніе отъ поляковъ перешло все-таки до 120.000 десятинъ (кромѣ Свислочской дачи). Тотъ же духъ бережливости не угасалъ никогда и въ ближайшихъ охранителяхъ, т. е. стражѣ. Конечно, порубки, браконьерство, — все это было обычнымъ явленіемъ, то усиливавшимся, то ослабѣвавшимъ, въ зависимости отъ большей, или меньшей строгости надзора; а все же, сознаніе, что лѣсъ и звѣри, въ особенности зубръ, составляли королевское добро, которымъ дорожать, удерживало многихъ отъ злоупотребленій, независимо отъ страха наказанія. Окружавшие Пущу помѣщики добровольно давали зарокъ не стрѣлять зубровъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они забѣгали въ ихъ лѣса, хотя за неисполненіе обѣщанія помѣщикамъ, сколько извѣстно, не угрожали никакимъ спеціальнымъ наказаніемъ. Пуща стала заповѣдной уже при Ягелло и, несомнѣнно, что при Августахъ Саксонской династіи стража была обязана одинаково охранять какъ зубровъ и кабановъ, такъ и всю остальную дичь. Законъ въ этомъ отношеніи былъ категориченъ; но что же было въ дѣйствительности? Вспомнимъ знаменитую охоту, въ память которой былъ поставленъ даже обелискъ съ надписью: при 42-хъ зубрахъ лосей оказалось—13, козъ — двѣ, оленей и кабановъ ни одного. Но зубръ былъ королевскій звѣрь, и это-то охраняло его отъ пули браконьера надежнѣе, нежели всѣ карательные законы, вмѣстѣ взятые.



Н. Самокишъ.



Лишь только состоялся раздѣлъ Польши, Императрица Екатерина пожаловала изъ бывшаго королевскаго Бѣловѣжскаго имѣнія значительные лѣсные участки своимъ сподвижникамъ, участвовавшимъ и не участвовавшимъ въ покореніи края. Съ восточной стороны, захвативъ глубоко середину, изъ Бѣловѣжской дачи вырѣзали 20.000 десятинъ графу Румянцеву и тѣмъ навсегда испортили ея очертанія, крайне затруднивъ веденіе охотничьяго хозяйства. Наслѣдники Румянцева скоро распродали свои участки, почему въ Пущу и врѣзывается теперь группа частныхъ владѣній. Съ сѣверо-запада—Императрица пожаловала графамъ Ферзену и Сиверсу 10.000 десятинъ вмѣстѣ съ фольварками—Дубины и Срыпляево. Михаилу Илларіоновичу Кутузову отдали на срокъ земли селеній Бѣловѣжа, Наревки и Скупова и на тѣхъ же условіяхъ—полковнику Дерякину земли Масева и Немержи[9]. Остальная часть Пущи перешла въ государственную собственность. Съ западной стороны, составляющей нынѣшній Бѣлостокскій уѣздъ, Пуща примыкала къ Прусской границѣ.

Въ теченіе семи лѣтъ, до 1802 года, литовскій край въ отношеніи административнаго устройства находился въ переходномъ состояніи. Первоначально Пуща вошла въ составъ Слонимской губерніи, переименованной позднѣе въ намѣстничество. Затѣмъ, присоединивъ къ намѣстничеству Виленскую губернію, образовали одну Литовскую губернію. Изъ этой губерніи, по указу 11-го іюля 1802 года, выдѣлили Гродненскую, утвердивъ для нея гербъ съ изображеніемъ въ нижней его части

зубра. Эту губернію называли также Литовско-Гродненскою [70]). Въ томъ же году, при учрежденіи министерствъ, высшее управленіе Пущею перешло въ министерство финансовъ, по департаменту государственныхъ имуществъ; мѣстное же сохраняло попрежнему польское устройство, установленное при Тизенгаузѣ. До 1802 года со стороны Русскаго Правительства забота о поддержаніи охоты проявилась одинъ только разъ:

Въ 1798 году, для сохраненія корма зубрамъ, предписано было воспретить пастьбу домашняго скота во всей казенной дачѣ, но эта мѣра, къ сожалѣнію, не могла быть приведена въ исполненіе, потому что все многочисленное крестьянское населеніе и всѣ служащіе, замкнутые въ Пущѣ, лишались, такимъ образомъ, возможности содержать скотъ. Распоряженіе пришлось отмѣнить. Понятно, что съ перемѣною хозяевъ въ Пущѣ воцарилось на долгое время безначаліе; ее наводняли браконьеры, въ особенности со стороны прусской границы, почему и пришлось устроить новыя заставы и вообще вмѣнить въ обязанность стрѣлкамъ строго слѣдить за границами. Нѣмецкіе лѣсничіе, завѣдывавшіе сосѣдними съ Пущею лѣсами, старались даже всячески загономъ и приманкою переселить къ себѣ зубровъ, но послѣдніе, привычные къ мѣсту, всегда возвращались къ прежнимъ стоянкамъ. Борьба съ браконьерствомъ затруднялась еще тѣми порядками, которые были установлены для истребленія хищниковъ. Систему премій за убитаго хищника, практиковавшуюся на Западѣ, въ Пущѣ видоизмѣнили крайне своеобразно. Вмѣсто того, чтобы платить отъ шкуры или головы, сдѣлали діаметрально противоположное, и истребленіе хищниковъ обратили въ статью дохода. Каждый низшій служащій, за право стрѣлять медвѣдей, волковъ, рысей, лисицъ, хорьковъ, куницъ и пр., платилъ самъ 11 р. 25 к.; высшіе платили по 5 р. 76 к. За право охоты на благородныхъ звѣрей и прочую дичь, кромѣ зубра, какъ съ низшихъ, такъ и съ высшихъ взимали по 4 р. 80 к. Въ общемъ, казна получала отъ этой оброчной статьи нѣсколько болѣе тысячи рублей въ годъ [71]), и въ результатѣ, конечно, шло повальное истребленіе всего, кромѣ зубровъ. Волковъ и рысей, хотя и самыхъ опасныхъ для благородной дичи, истребляли всего меньше, потому что шкура ихъ была малоцѣнна, но зато за медвѣдями охотились усердно. Въ особенности печально то, что разрѣшивъ такую охоту, не обратили вниманіе на сохраненіе бобра. Его въ Литвѣ водилось очень много, въ Пущѣ также его было достаточно. У одного польскаго писателя, Чацкаго, приводится даже опись бобрамъ, составленная въ 1229 г. инспекторомъ надъ бобрами, состоявшимъ на службѣ у князя Мазовецкаго Конрада [72]). Но уже въ русскія времена о бобрѣ въ описаніяхъ Пущи почти не упоминается.

Вмѣстѣ съ передачею Пущи въ вѣдомство департамента государственныхъ имуществъ состоялся Высочайшій Указъ на имя Литовскаго военнаго губернатора, барона Бенигсена, о заповѣданіи Пущи и сохраненіи зубровъ. Приводимъ полностью этотъ важный въ исторіи Пущи актъ:

Господинъ Генералъ отъ Кавалеріи и Литовской военный Губернаторъ Баронъ Бенигсенъ!

По рѣдкости породы находящихъся Литовской губерніи въ Бѣловѣжскомъ лѣсѣ зверей такъ называемыхъ Зубровъ, призналъ я за благо, для охраненія ихъ отъ битья и пуганья и для прокормленія, приписать по прежнему деревни оставшіеся отъ Брестской Економіи: Цвирки, Панасюки, Каменики и Мызпнари Пауцкіе. Въ следствіе чего повелѣваю вамъ, сообразя мѣстныя обстоятельства, положить на мѣрѣ и представить на утвержденіе Правительствующему Сенату, какое облегченіе вмѣсто сей повинности должно сдѣлать Крестьянамъ. Пребываю Вамъ Благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною **Его Императорскаго Величества** *рукою тако:* **АЛЕКСАНДРЪ.**

Въ С.-Петербургѣ Сентября 10 дня 1802 года.

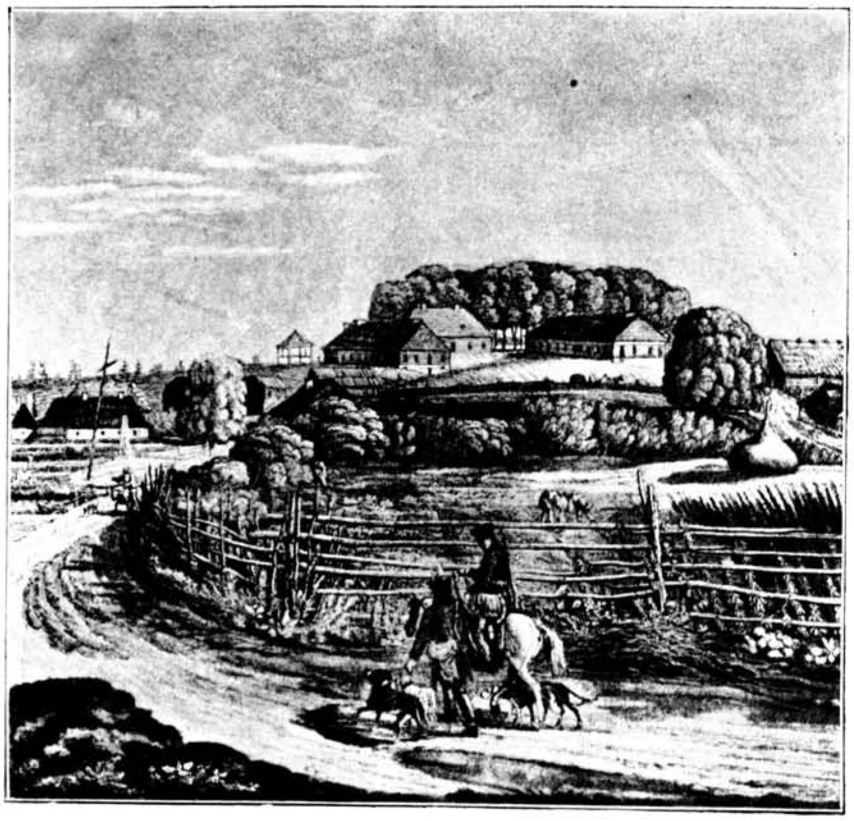
Послѣдніе годы польскаго господства не только охотничье, но и общее хозяйство въ дачѣ было сильно запущено, и такъ какъ при переходѣ ея въ наши владѣнія на это также не скоро обратили вниманіе, то къ 1805 году постройки такъ обветшали, что для ремонта ихъ, по представленію оберъ-форстмейстера, потребовалось отпустить 16.500 деревъ [73]). Далѣе обнаружилось, что земля, которою были надѣлены крестьяне и всѣ служащіе, была распредѣлена между тѣми и другими въ высшей степени неравномѣрно: служащіе, понятно, обдѣлили крестьянъ, и пришлось установить новый передѣлъ.

За отсутствіемъ живого интереса къ охотѣ со стороны новаго Августѣйшаго владѣльца, Александра I-го, которому, въ тѣ тревожные года было не до развлеченій,—въ Пущѣ наступила будничная жизнь, сводившаяся къ писанію отъ времени до времени донесеній въ департаментъ. Оттуда также посылались напоминанія для того, чтобы поддержать бдительность въ подчиненныхъ. Такъ, между прочимъ, приказано было подробно доносить объ убыли и размноженіи зубровъ. Съ 1809 г. возникла цѣлая статистика, долженствовавшая показывать ежегодный приплодъ а также, убыль зубровъ, отъ разныхъ причинъ: отъ естественной смерти, браконьерства, хищниковъ и пр. Изъ Пущи писали напр.: что такого-то числа „найдено было два *не живыхъ зубра*", а слѣдующаго числа найденъ былъ зубръ, *„умершій отъ старости"*,

6

или заѣденный волками, или *„убитый пулею“*, и тому подобное. Всего къ 1809 г. въ Пущѣ насчитывалось 350 зубровъ. Параллельно съ такою точностью въ донесеніяхъ, было извѣстно, что зубровыя кожи продавались крестьянамъ и евреямъ ремесленникамъ съ публичнаго торга. Цѣна за зубровую кожу на торгахъ колебалась отъ 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к. Въ 1809 году 5 кожъ и 2 головы пріобрѣлъ профессоръ физики, монахъ Доминикъ Войшневичъ [74]). Когда же департаментъ, въ виду просьбъ отъ музеевъ и университетовъ, сталъ требовать присылки кожъ и скелетовъ палыхъ зубровъ, то изъ Пущи доносили, что кожа сгнила, а кости растащили волки.

Бѣловѣжская усадьба въ концѣ XVIII вѣка. ъ гравюры изъ изданія 1828 г. Бринкена.



Передъ 1812 годомъ спокойная жизнь въ Пущѣ была нарушена огромнымъ лѣснымъ пожаромъ, начавшимся въ концѣ мая 1811 года [75]). Горючаго матеріала, заключавшагося въ залежахъ сухостойныхъ деревьевъ, сучьевъ и валежника накопилось такое множество, что, при отсутствіи просѣкъ, борьба съ огнемъ была не по человѣческимъ силамъ. Въ Пущѣ работали тысячи людей, но пожаръ не утихалъ четыре мѣсяца, находя всюду готовый матеріалъ. Только въ октябрѣ, начавшіеся дожди и въ особенности одинъ ливень— успокоили разъяренную стихію. Въ памяти жителей Пущи это бѣдствіе представлялось ужаснѣе событій двѣнадцатаго года. Отчего и какъ начался пожаръ—осталось неизвѣстнымъ, но можно только удивляться, что онъ не случился раньше, такъ какъ все благопріятствовало развитію бѣдствія. Несмотря на скопившійся сухой матеріалъ, въ Пущѣ было въ обычаѣ пускать весною „палы“, для выжиганія прошлогодней сухой травы [76]). Пчеловоды выкуривали пчелъ, и кромѣ того—въ Пущѣ укрывалось не мало праздношатающагося люда.

Благодаря предусмотрительности тогдашняго оберъ-форстмейстера

Гонлеевича, зубровое населеніе не вымерло съ голоду въ послѣдовавшую зиму. Гонлеевичъ воспользовался всѣмъ сѣномъ, заготовленнымъ служащими для домашняго скота, и предоставилъ его зубрамъ. Этотъ годъ положилъ начало дальнѣйшему прокорму зубровъ зимою.

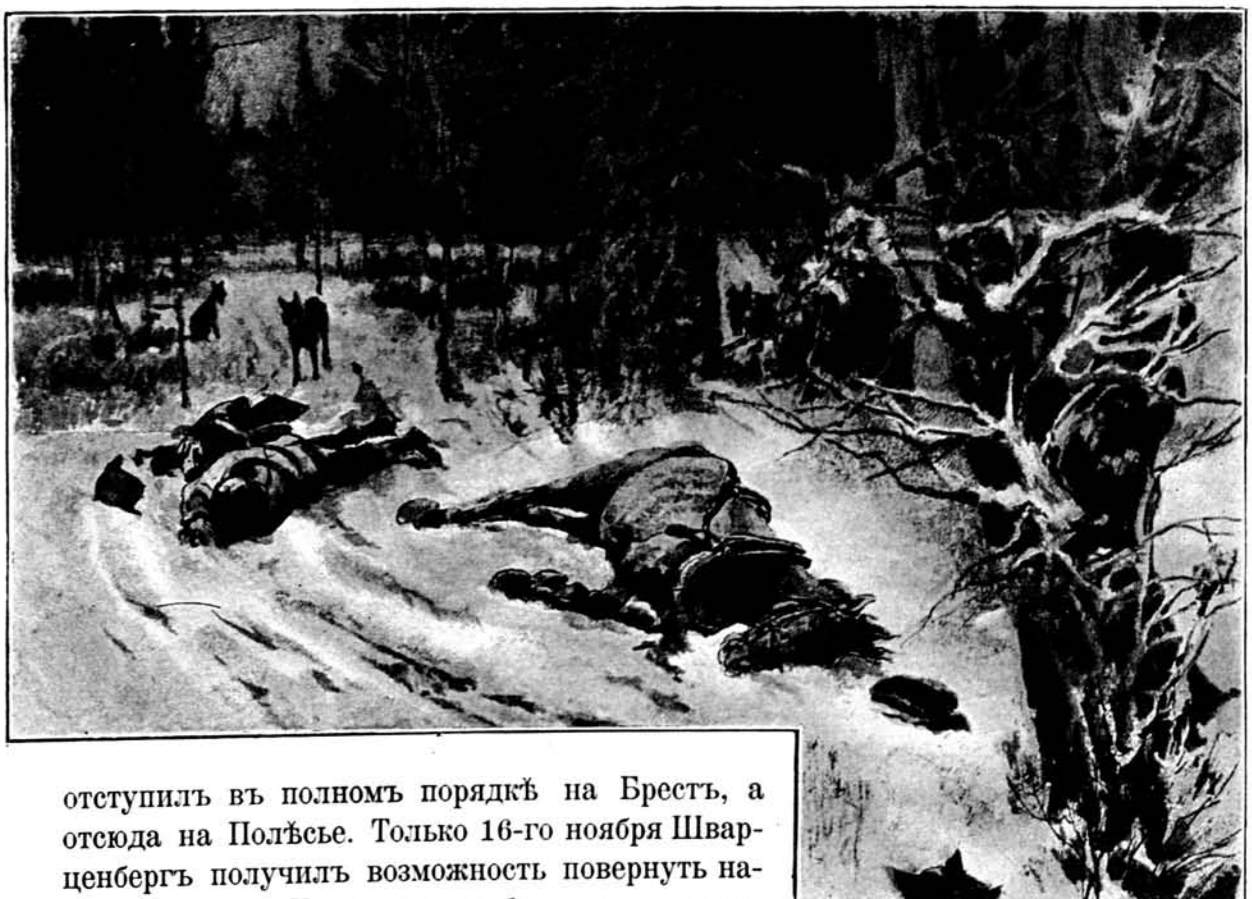
1812 годъ засталъ Пущу разоренную пожаромъ. Въ началѣ отечественной войны жизнь въ Пущѣ продолжала течь обычнымъ порядкомъ, и только съ того времени, когда наша 3-я армія, подъ начальствомъ Тормасова, стала оперировать противъ австрійскаго корпуса кн. Шварценберга, прикрывавшаго тылъ главной арміи Наполеона, Пуща вошла въ раіонъ военныхъ дѣйствій. Шварценбергъ, двигаясь изъ-за Буга на Пружаны, появился въ послѣднихъ числахъ іюня у южныхъ границъ Пущи. Мѣстная администрація отнеслась къ этимъ событіямъ такъ же, какъ и прочіе поляки въ Вильнѣ и въ Гродно. Полу-польскій персоналъ служащихъ счелъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязанностей: высшіе чины покинули мѣста, лѣсники, сторожа и прочіе стали браконьерствовать вмѣстѣ съ крестьянами, кто предложилъ свои услуги врагамъ, кто оставался пассивнымъ зрителемъ. Наполеонъ, не особенно довѣрявшій австрійцамъ, вскорѣ послѣ того какъ Шварценбергъ приблизился къ Пущѣ, послалъ на смѣну ему саксонскій корпусъ Рейнье; послѣдній же выслалъ впередъ бригаду къ Кобрину. На эту бригаду обрушился Тормасовъ, и въ 50 верстахъ отъ юговосточной границы Пущи, 15-го іюля, разыгрался серьезный бой, окончившійся полнымъ пораженіемъ саксонцевъ. Послѣ Кобринскаго дѣла, Тормасовъ расположился со своею арміею вблизи Пружанъ, при чемъ его лѣвое крыло упиралось въ Бѣловѣжскіе лѣса. Оставаясь въ тылу главной Наполеоновской арміи, Тормасовъ направлялъ отсюда мелкіе отряды, чтобы тревожить непріятеля, и эти войска проходили черезъ Бѣловѣжскую Пущу и Свислочскую дачу безъ боя, такъ какъ непріятель не рѣшался углубляться въ невѣдомыя дебри. Итакъ, въ концѣ іюля, Бѣловѣжская Пуща вошла въ сферу военныхъ дѣйствій, но на ея территоріи враги появились лишь въ августѣ, послѣ того, какъ соединенныя силы Рейнье, вмѣстѣ съ корпусомъ Шварценберга, принудили Тормасова отступить на Волынь, за Бугъ. Главныя силы австро-саксонскихъ войскъ прошли мимо Пущи, обогнувъ ее съ юга, мелкіе же отряды, транспорты и фуражиры проникли далеко вглубь, во всѣ селенія.

Въ составѣ корпуса Шварценберга находился польскій отрядъ Энгельгардта и, вѣроятно потому, что для поляковъ все это были родныя мѣста, Энгельгардтъ расположился въ Пущѣ и даже охотился на зубровъ Изъ-за убитаго Энгельгардтомъ одного зубра, по окончаніи кампаніи, противъ него было возбуждено дѣло, впрочемъ ничѣмъ не

6*

окончившееся. Позже, уже въ 1815 и 16 годахъ, стали обнаруживаться факты бывшихъ самовольныхъ охотъ крестьянъ.

Въ серединѣ сентября, когда уже началось отступленіе французовъ, армія Тормасова была усилена пришедшей съ Дуная арміей Чичагова, и соединенными силами они двинулись въ тылъ отступавшей изъ Москвы арміи Наполеона. 29-го сентября наши войска заняли Брестъ, гдѣ оставались до 13-го октября. Затѣмъ, оставивъ у Бреста корпусъ генерала Сакена для обезпеченія своего тыла отъ австро-саксонскихъ войскъ, Чичаговъ двинулся къ Березинѣ. Чтобы предотвратить это движеніе, Шварценбергъ обогнулъ Пущу вдоль сѣверныхъ окраинъ отъ Бѣльска на Волковыскъ, поспѣшая за Чичаговымъ и демонстрируя вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Сакена, дабы отвлечь вниманіе послѣдняго отъ главной цѣли; но Сакенъ, не взирая на бездорожье, для сокращенія пути, бросился черезъ Бѣловѣжскую Пущу, перерѣзавъ ее съ юга на сѣверъ. 29-го октября наши войска проходили черезъ Бѣловѣжъ, а 30-го были въ Руднѣ. При выходѣ изъ Пущи, возлѣ деревни Вел. Гринки, русскій авангардъ, подъ командою Милиссино, встрѣтился съ Рейнье и, не получивъ поддержки, съ боемъ отступилъ по лѣсной дорогѣ къ Руднѣ. Саксонцы не рѣшались преслѣдовать въ Пущѣ небольшой отрядъ Милиссино, чѣмъ дали ему возможность соединиться съ силами Сакена. 31-го октября авангардъ Милиссино вновь направился на деревню Вел. Гринки, главныя же силы вышли изъ Пущи правѣе, у деревень Берники и Студеники. Рейнье не вступилъ въ бой, а отошелъ на Волковыскъ. Тогда Сакенъ, полагая, что предъ нимъ только корпусъ Рейнье, рѣшился самъ атаковать непріятеля, но въ началѣ боя появился Шварценбергъ, въ виду чего Сакенъ долженъ былъ вновь вернуться въ Бѣловѣжскую Пущу чрезъ Свислочскую дачу, гдѣ Шварценбергъ, какъ и раньше Рейнье, побоялся настойчиво преслѣдовать его. До Рудни австрійцы шли по пятамъ Сакена, но дальше, встрѣтивъ серьезный отпоръ, пріостановились и дали ему отступить на Бѣловѣжъ. Шварценбергъ, оставивъ преслѣдованіе Сакена, повернулъ изъ Рудни на деревню Новый Дворъ съ тѣмъ, чтобы быстрымъ движеніемъ на Шерешево и Пружаны отрѣзать Сакена отъ Бреста и путей на Волынь. Сакенъ, предвидя это, еще утромъ 7-го ноября выслалъ отъ Бѣловѣжа два кавалерійскихъ полка къ Шерешеву на рекогносцировку и, выяснивъ такимъ образомъ намѣренія противника, 7-го же вечеромъ поспѣшилъ съ передовыми войсками на югъ для занятія выхода изъ Пущи. Форсированнымъ маршемъ Сакенъ успѣлъ предупредить противника и 9-го сосредоточилъ у Шерешева всѣ свои силы. Здѣсь долженъ былъ произойти бой; но видя, что непріятель вдвое многочисленнѣе, Сакенъ, довольный тѣмъ, что ему удалось благополучно выбраться изъ Пущи,



1812 годъ въ Пущѣ. Оригинальный рисунокъ Ф. Френца.

отступилъ въ полномъ порядкѣ на Брестъ, а отсюда на Полѣсье. Только 16-го ноября Шварценбергъ получилъ возможность повернуть назадъ въ тылъ Чичагову, но было уже поздно. Березинская катастрофа уже совершилась. — Такъ, маневрируя въ раіонѣ Пущи, Сакенъ отвлекъ австрійцевъ отъ возможности подать помощь Наполеону.

Съ уходомъ корпуса Шварценберга къ Слониму, непріятельскія войска болѣе не появлялись въ Пущѣ до конца кампаніи.

Въ числѣ печальныхъ воспоминаній о двѣнадцатомъ годѣ въ народной молвѣ сохраняется преданіе о разграбленіи дворца польскихъ королей въ Бѣловѣжѣ. Дѣяніе это почему-то приписывается кавалеріи Латуръ-Мабура, хотя ни онъ самъ, ни его кавалерія не входили въ составъ армій Шварценберга и Рейнье. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что дворецъ пострадалъ отъ поляковъ, сначала отъ тѣхъ, которые служили въ Пущѣ, а затѣмъ отъ отряда Энгельгардта; быть-можетъ, австрійскія, саксонскія, да и наши войска также

попользовались чѣмъ-нибудь, но Латуръ-Мабуръ тутъ совершенно неповиненъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, Пуща и вся мѣстность вокругъ были охвачены военной тревогой. Все время, пока русская территорія не очистилась отъ непріятеля, звѣровое населеніе Пущи испытывало также всѣ ужасы войны, къ тому же зима двѣнадцатаго года отличалась необычайною суровостью. Звѣри забивались въ самыя глухія дебри, или же бѣжали куда попало въ поискахъ за кормомъ.

Не мало зубровъ погибло въ сосѣднихъ помѣщичьихъ лѣсахъ и въ особенности много изъ нихъ перебѣжало въ сосѣднюю Свислочскую дачу графа Тышкевича. Изъ-за этихъ зубровъ возникла даже обширная переписка, продолжавшаяся съ 1813 года цѣлыхъ 11 лѣтъ. Тышкевичъ, какъ будто, возвращалъ зубровъ, но всегда выходило такъ, что или нельзя было перегнать ихъ лѣтомъ изъ опасенія потопить въ болотистыхъ берегахъ Наревки, или же зимою являлась другая опасность, какъ бы стельныя зубрицы не оступились на льду. Въ концѣ-концовъ все-таки 8 головъ были возвращены въ Пущу [77]). Министерство, черезъ губернатора, добивалось вмѣстѣ съ тѣмъ письменнаго обѣщанія отъ всѣхъ окружныхъ помѣщиковъ и, главнымъ образомъ, отъ скупившихъ земли у наслѣдниковъ графа Румянцева, владѣнія которыхъ врѣзывались въ середину Пущи, не стрѣлять никакой дичи, выходящей изъ Пущи, и въ особенности—зубровъ. О практическихъ послѣдствіяхъ этой мѣры извѣстій не сохранилось.

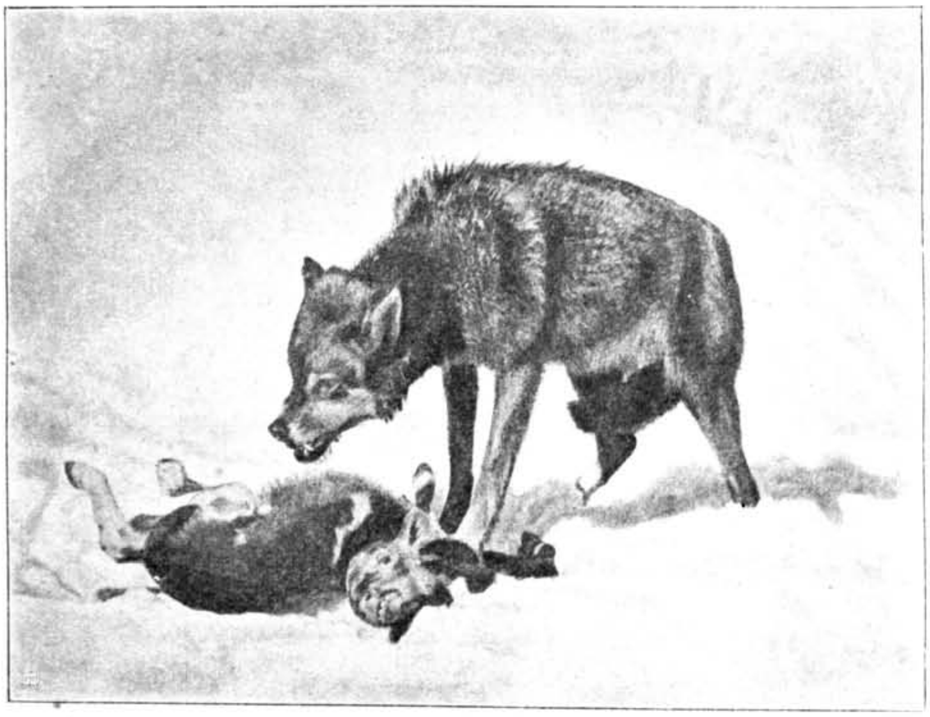
Когда впечатлѣнія войны стали изглаживаться, то вспомнили и про пожаръ 1811 года.—Засоренность дачи грозила новою бѣдою. Департаментъ предписалъ очистить валежникъ и одновременно нашелъ возможнымъ предпринять сплошныя рубки участками въ тѣхъ раіонахъ, куда зубры обыкновенно не заходили. Сплошныя рубки продолжались до 1821 года, пока не спохватились, что, вырубая лѣсъ хотя и во внѣзубровыхъ стоянкахъ, но безъ системы, дачу могутъ вырубить до тла, и тогда сразу пріостановили всякую рубку и кстати воспретили охоту на все, не исключая хищниковъ, не обративъ вниманія на то, что послѣ двѣнадцатаго года волковъ развелось особенно много. Плохо зарытыя человѣческія тѣла, палыя лошади—все это привлекало волковъ, и они, находя кормъ, прижились въ Пущѣ. Борьба съ ними впослѣдствіи стоила большихъ хлопотъ.

Запрещеніе охотиться на хищниковъ продержалось не долго, потому что изъ Пущи и отъ гродненскаго губернатора стали поступать настоятельныя представленія о необходимости бороться съ волками. Волчій вопросъ рѣшался не одинаково губернаторомъ и мѣстнымъ управленіемъ. Первый предлагалъ примѣнить ловлю тенетами, которыя не могли быть опасными для крупнаго звѣря, такъ какъ онъ легко прорывался сквозь



ВОЛКИ, НАПАДАЮЩІЕ НА СТАДО ЗУБРОВЪ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

нихъ; мѣстное же управленіе доказывало полную непримѣнимость этой мѣры. Въ Пущѣ, отписывалось управленіе, можно было добыть пеньки не болѣе 27 пудовъ въ годъ, а для 1500 саженъ необходимыхъ тенетъ нужно 525 пудовъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію управленія, тенета можно было изготовить только въ 20 лѣтъ. Затѣмъ, по недостатку просѣкъ и дорогъ, этотъ способъ вообще признавался не примѣнимымъ. Мѣстное управленіе поэтому настаивало на необходимости отстрѣла, ограничивъ его промежуткомъ между 1-мъ и 20-мъ сентября, „когда прибылые ходятъ вмѣстѣ съ матерыми и когда, слѣдовательно, волковъ можно истребить больше всего"; кромѣ того, предполагалось охотиться недѣли двѣ въ теченіе января. Отстрѣлъ волковъ, по мнѣнію управленія, не могъ быть опаснымъ для остальной дичи, какъ полагалъ губернаторъ, такъ какъ въ томъ раіонѣ, въ которомъ волки бродятъ стаями, остальные звѣри не держатся.



Волкъ надъ зарѣзаннымъ теленкомъ. Моментальная фотографія съ натуры А. Далматова.

Особенно много волковъ расплодилось въ 1827 году, о чемъ можно судить по тому, что изъ Пущи рѣшились донести сразу о 4-хъ зарѣзанныхъ зубрахъ, при томъ не зимою, когда, какъ извѣстно, волки особенно дерзки, а весною, въ апрѣлѣ. Въ донесеніяхъ описывалось даже, что удавалось видѣть, какъ стаи волковъ преслѣдуютъ цѣлыя зубровыя стада [78]).

Весьма интересно донесеніе 1829 года о томъ, что у мѣстныхъ жителей волками зарѣзано: 18 лошадей, 30 воловъ, 101 корова, 70 телятъ, 128 свиней, 344 овцы и 121 гусь; вообще волки стали бѣдствіемъ всего округа. Губернаторъ въ это время измѣнилъ свой взглядъ на ловлю волковъ тенетами; онъ также настаивалъ на разрѣшеніи стрѣлять волковъ, при томъ круглый годъ, совѣтуя выдавать преміи за каждаго убитаго волка и въ особенности за уничтоженіе волчьяго гнѣзда, какъ это дѣлалось по сосѣдству, въ Пруссіи. Въ средѣ министерства эта мѣра встрѣтила въ комъ-то сочувствіе, и на докладѣ губернатора была даже сдѣлана помѣтка—„это хорошо";—тѣмъ не менѣе ее не привели въ

исполненіе. Возникъ вопросъ о томъ, что нельзя ограничить выдачу премій раіономъ Пущи, потому что тогда всѣхъ волковъ, убитыхъ въ губерніи, свезутъ туда, если же распространить систему премій на всю губернію, то необходимо идти еще далѣе и распространить ее на всю Россію. Волки причиняли не мало вреда вездѣ, и борьба съ ними, по мнѣнію администраціи, была дѣломъ тѣхъ, кто отъ нихъ непосредственно терпѣлъ, а не правительства. Въ концѣ-концовъ, департаментъ разрѣшилъ отстрѣлъ волковъ два раза въ годъ, въ теченіе двухъ недѣль осенью и зимою, да и то только лѣсной стражѣ подъ наблюденіемъ окружнаго лѣсничаго.

Въ двадцатыхъ годахъ баронъ де-Бринкенъ, занимавшій въ концѣ польскаго управленія постъ завѣдующаго королевскими лѣсами, пріѣзжалъ два раза въ Пущу для того, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ жизнью зубра и оставилъ намъ очень интересное описаніе этого животнаго, которымъ всѣ пишущіе о зубрѣ пользуются до сихъ поръ.— Въ заключеніе, говоря о двадцатыхъ годахъ, нельзя не упомянуть еще о двухъ, хотя не очень важныхъ, фактахъ. Принцъ Виртембергскій, возвращаясь изъ Петербурга черезъ Гродно, заглянулъ въ Пущу въ 1825 г. спеціально для того, чтобы увидать зубровъ. Къ пріѣзду принца собрали до 1000 крестьянъ и устроили грандіозную облаву въ урочищѣ „Дѣдовъ уголъ“; въ этомъ углу принцу показали цѣлое зубровое стадо, головъ около 12. Стрѣлялъ ли принцъ, или же только любовался дикими звѣрями, мы не знаемъ [79]).

Другимъ событіемъ было разыскиваніе клада въ урочищѣ „Замчиско“. Наименованіе этого урочища навело на мысль одного помѣщика о существованіи когда-то здѣсь замка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и клада. Сначала помѣщикъ копалъ одинъ, безъ посторонней помощи, но, остерегаясь быть замѣченнымъ, обратился къ тогдашнему губернатору Бобятынскому и убѣдилъ его предпринять поиски. Въ результатѣ поисковъ вмѣсто клада нашли гроба, напавъ на старое языческое кладбище. Въ каждомъ гробу, подъ черепомъ, находился глиняный сосудъ-слезникъ, въ который друзья и родственники лили свои слезы по покойнику [80]).





Слѣдующее десятилѣтіе, 30-ые года, были для Пущи особенно тяжелыми. Пуща опять, какъ и въ двѣнадцатомъ году, была потревожена войной. Польское возстаніе 1830 и 1831 года, хотя и задѣло Пущу только косвенно, такъ какъ Гродненская губернія была не вполнѣ польская и стояла нѣсколько поодаль отъ главныхъ дѣйствій повстанцевъ; но хуже всего было то, что весь служебный персоналъ Пущи и крестьяне присоединились къ возстанію. Оберъ-форстмейстеръ Ронко, родомъ швейцарецъ, но другъ поляковъ, вступилъ въ заговоръ и увлекъ за собою всѣхъ лѣсниковъ, стрѣлковъ, осочниковъ и прочихъ служащихъ. Пуща обратилась въ пристанище, въ которомъ укрывались шайки, и эта нерегулярная армія, не знавшая дисциплины, истребляла дичь и зубровъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Для

мѣстныхъ крестьянъ охота сдѣлалась обычнымъ занятіемъ, и зубрятина еще долго послѣ возстанія не переводилась въ крестьянскомъ обиходѣ.

Главное начальство надъ русскими войсками въ томъ округѣ принадлежало генералу Розену, находившемуся въ Брестѣ. Когда до Розена дошли свѣдѣнія о томъ, что творилось въ Пущѣ, и что главные польскіе отряды сосредоточились въ восточной части ея, въ урочищѣ Криница, онъ послалъ туда подполковника Горскаго съ 2-мя эскадронами Волынскихъ уланъ, а вслѣдъ за нимъ подполковника Сарабію съ 3-мя ротами, однимъ орудіемъ и 14-тью казаками. Сарабія прибылъ 4-го мая въ Бѣловѣжъ, который нашелъ покинутымъ жителями, и, узнавъ здѣсь, что инсургенты назначили сборнымъ пунктомъ Королёву Альтану, двинулся туда, выгналъ ихъ изъ этого убѣжища и овладѣлъ лагеремъ, въ которомъ были сосредоточены большіе запасы водки, пороха и оружія. Тѣмъ временемъ поляки подстерегли на берегахъ рѣчки Гвозны нашъ транспортъ въ 418 телѣгъ, подъ прикрытіемъ 53 человѣкъ. Изъ конвоя спаслось всего 28 людей, и весь транспортъ былъ захваченъ. Послѣ этого случая Сарабія призналъ небезопаснымъ для своего маленькаго отряда дальнѣйшее пребываніе въ лѣсу и вышелъ на югъ къ Дмитровичамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Розенъ, получивъ болѣе правильныя донесенія о силахъ повстанцевъ, послалъ на подкрѣпленіе Сарабія и Горскаго Житомирскій полкъ, полуэскадронъ Волынскихъ уланъ и два орудія подъ командою генерала Линдена, приказавъ послѣднему очистить лѣсъ и возстановить безопасное сообщеніе между Брестомъ и Гродно.—Линденъ проникъ въ глубь Пущи и затѣмъ, неожиданно для себя, столкнулся съ регулярною кавалеріею Хлоповскаго, шедшей изъ Бѣльска. Столкновеніе произошло 11-го мая, около 5-ти часовъ пополудни, въ селеніи Гайновкѣ; наблюдательный же постъ Линдена изъ 100 человѣкъ былъ расположенъ на дорогѣ изъ Гайновки въ Наревку, и потому Линденъ не могъ быть предувѣдомленъ о надвигавшихся уланахъ Хлоповскаго. Карьеромъ пронеслись уланы по деревнѣ, поражая совершенно неподготовленныхъ житомирцевъ; началось отбѣгство, и Линденъ, собравъ остатки своего полка позади деревни, отступилъ къ лѣсу, потерявъ при этомъ одно орудіе. Придя въ Бѣловѣжъ, Линденъ соединился съ отрядами Горскаго и Сарабія.

Наблюдательный постъ, оставшійся отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ, послѣ упорнаго сопротивленія вынужденъ былъ положить оружіе. Къ отряду Хлоповскаго въ Пущѣ присоединились егеря, осочники и между прочимъ, съ нѣсколькими сотнями повстанцевъ польскій сенаторъ отставной генералъ Тадеушъ Тышкевичъ, владѣтель Свислочской дачи. — За участіе въ возстаніи Тышкевичъ лишился своей

7*

дачи, которая и была конфискована и присоединена къ Бѣловѣжской Пущѣ.—Послѣ неудачи Линдена, Розенъ повелъ дѣло энергичнѣе и поручилъ генералъ-лейтенанту Головину проникнуть въ Пущу съ различныхъ сторонъ, чтобы произвести единовременную общую облаву.

Съ запада въ Пущу вошелъ Головинъ съ 5-тью баталіонами, 3-мя эскадронами и 4-мя орудіями, двигаясь изъ Шестакова чрезъ Опоку, Дубины и Наревку на Рудню, гдѣ, какъ было извѣстно, мятежники сосредоточили свои главныя силы. Съ юга шелъ генералъ Фези съ 2-мя баталіонами и 2-мя орудіями, имѣя приказаніе наступать изъ Каменца чрезъ Королёвъ Мостъ къ Бѣловѣжу. Съ востока двинулся генералъ Линденъ съ однимъ баталіономъ, $2^1/_2$ эскадронами и 2-мя орудіями, направляясь изъ Шерешева также къ Руднѣ и въ то же время наблюдая за дорогою изъ Бакунъ въ Новый Дворъ, по которой мятежники, тѣснимые Головинымъ, могли броситься въ лѣса между Рушаною и Сѣдлецомъ. 6-го іюня одновременно выступили всѣ 3 колонны, и въ тотъ же день генералъ Фези разсѣялъ отрядъ мятежниковъ близъ южнаго входа въ лѣсъ у селенія Соломянки, захвативъ весь лагерь и обозъ. На слѣдующій день Головинъ атаковалъ въ сѣверной части лѣса близъ Свѣтлиши еще большій отрядъ, который, послѣ сильнаго сопротивленія, отступивъ, наткнулся на авангардъ колонны Линдена и тутъ былъ окончательно разбитъ. Болотистая почва и густота лѣса весьма затрудняли преслѣдованіе и отыскиваніе непріятеля, но, тѣмъ не менѣе, движеніе русскихъ войскъ продолжалось неуклонно; 8-го, 9-го и 10-го іюня соединенныя колонны Головина и Линдена прошли лѣсъ въ направленіи между Наревомъ и Пружанскою дорогою и окончательно разсѣяли мятежниковъ, которымъ пришлось укрываться по одиночкѣ или небольшими группами въ самой глухой чащѣ. Лагери, запасы оружія и съѣстныхъ припасовъ, все это было захвачено нашими войсками. Большія дороги были, наконецъ, очищены, и для спокойствія на нѣкоторое время въ центрѣ Пущи, въ Бѣловѣжѣ, оставили сильный отрядъ, который укрѣпился здѣсь, насыпавъ батарею для 6 орудій на томъ холмѣ, гдѣ въ настоящее время возвышается Императорскій дворецъ Александра III.

Въ теченіе мѣсяца все оставалось спокойнымъ въ Пущѣ. Только въ іюлѣ летучій польскій отрядъ подъ предводительствомъ Рожицкаго, переправившійся у Дрогичина черезъ Бугъ, вошелъ не на долго въ Пущу, откуда перебрался далѣе къ Пинскимъ болотамъ. Въ Пущѣ нашъ сторожевой отрядъ прозѣвалъ Рожицкаго; впрочемъ, въ это время возстаніе уже совершенно затихало [81]).

По усмиреніи возстанія, прежніе служащіе, принимавшіе участіе въ безпорядкахъ, конечно, не вернулись на мѣста.

Начались слѣдствіе, судъ, спѣшно набирались новые служащіе, и въ число ихъ въ такое время, понятно, попадали люди совершенно не подготовленные. Общій безпорядокъ въ краѣ прекратился, но безпорядокъ въ Пущѣ продолжался еще очень долго. Не успѣли опомниться отъ возстанія, какъ вспыхнулъ новый лѣсной пожаръ, угрожавшій принять размѣры пожара одиннадцатаго года, но, по счастію, бѣдствіе ограничилось истребленіемъ лишь двухъ урочищъ.

Только въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ жизнь въ Пущѣ вошла въ колею. Туда стали наѣзжать командированные изъ Петербурга ревизоры и чины департамента корабельныхъ лѣсовъ для ближайшаго ознакомленія съ общимъ состояніемъ лѣса. Въ Пущѣ оказался богатѣйшій запасъ мачтовыхъ деревьевъ, поражавшихъ своими размѣрами корабельныхъ техниковъ. Дубы встрѣчались 44-хъ дюймовъ въ комлѣ и до 10 саженъ вышиною до сучьевъ. Окончательно пріостановленная въ 20-хъ годахъ рубка лѣса, возобновилась теперь съ новою энергіею; рубили сплошь участками и на выборъ. Въ Пущу собрали 3.000 рабочихъ и, пока хозяйничали въ одной части лѣса, въ другой предоставляли жить зубрамъ, при этомъ морское вѣдомство оказывалось очень требовательнымъ въ пріемѣ срубленныхъ для него деревьевъ. Случалось, что изъ 1.000 деревъ принимали только нѣсколько десятковъ, а остальныя дѣвались неизвѣстно куда. Въ 1838 г. вырубили для морского вѣдомства около 3.000 особенно крупныхъ дубовъ и сосенъ, но и изъ нихъ забраковали болѣе 800 штукъ. Вмѣшательство въ хозяйство Пущи посторонняго вѣдомства не особенно нравилось департаменту госуд. имуществъ, и ставшій во главѣ образованнаго вскорѣ министерства госуд. имуществъ графъ Киселевъ исходатайствовалъ даже Высочайшее повелѣніе, по которому для нуждъ флота отдѣлили часть Пущи—Гайновскую рощу, заклеймивъ въ ней полезныя для флота деревья [82]). Столкновеніе различныхъ вѣдомствъ породило даже слухъ, что весь прусскій деревянный флотъ построенъ изъ Бѣловѣжскаго лѣса. Безъ сомнѣнія, всякихъ злоупотребленій было не мало.

Послѣ всѣхъ этихъ столкновеній, въ сороковыхъ годахъ Пущѣ дали, наконецъ, правильное лѣсоустройство.

По промѣркѣ въ 1842 году въ Пущѣ оказалось: 87.969 десятинъ подъ лѣсомъ, 16.138 десятинъ подъ разными угодьями: пашней, сѣнокосомъ, поселками, и 7.972 десятины неудобной земли. Сверхъ того, исключенныхъ изъ завѣдыванія пущинскаго начальства 5.512 десятинъ, составлявшихъ казенныя арендныя статьи.

Лѣсные офицеры, прибывшіе въ Пущу, нашли общее состояніе лѣса весьма неудовлетворительнымъ. При массѣ сухостойныхъ, пере-

стойныхъ и попорченныхъ добычею смолы и ульями, старыхъ большихъ деревъ, всего до 300.000 шт., молодой лѣсъ заглушался сучьями и валежникомъ отъ прежнихъ рубокъ. Уборка всего этого матеріала, хотя и предписывалась начальствомъ, но, за недостаткомъ сплавныхъ рѣкъ и при отсутствіи просѣкъ,—исполнена быть не могла.

Пущинскій лѣсъ состоялъ тогда, главнымъ образомъ, изъ сосны; она занимала $^2/_3$ общаго лѣсного пространства, подъ елью находилось—$^1/_5$, подъ дубомъ—$^1/_{30}$, все остальное было покрыто различными лиственными и отчасти хвойными породами. Для того, чтобы установить порядокъ въ будущемъ лѣсномъ хозяйствѣ, Пущу разбили на 541 двухъверстныхъ кварталовъ, а Свислочскую дачу на 125. Кварталы раздѣлялись просѣками.

Рубка просѣкъ продолжалась 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ предполагалось установить общій 180-ти-лѣтній оборотъ для сосны и 90-лѣтній для остальныхъ породъ. Въ отношеніи надзора за лѣснымъ хозяйствомъ, Пущу раздѣлили на 5 лѣсничествъ: Бѣловѣжское, Бровское, Гайновское, Столповисское и Окольницкое, подчиненныя офицерамъ лѣсного вѣдомства. Каждое лѣсничество, въ свою очередь, дѣлилось на два объѣзда и 12 обходовъ. Коннымъ объѣздчикамъ подчинялось 77 стрѣлковъ, поселенныхъ съ семействами на границахъ дачи; число осочниковъ уменьшили съ 114 до 73 и нѣкоторыхъ изъ нихъ обратили въ государственныхъ крестьянъ [83]). Съ новымъ устройствомъ жизнь для всѣхъ потекла самая привольная. Избытокъ земли и досуга позволялъ обзаводиться садами, огородами, домашнимъ скотомъ, пчельниками, и потому для каждаго служащаго выселеніе изъ Пущи было высшимъ наказаніемъ. Стрѣлокъ имѣлъ форму, хорошую верховую лошадь, сѣдло и казенное ружье, а сверхъ того и собственныя ружья водились у каждаго. Всѣ они были отличные стрѣлки и втихомолку занимались безцеремоннымъ браконьерствомъ.

Въ сороковыхъ годахъ, въ Пущу часто навѣдывались туристы, интересовавшіеся зубрами, но каждое такое посѣщеніе было сопряжено съ очень большими хлопотами и расходами. Приходилось устраивать облавы, привлекая сотни людей; въ 40-мъ году зубровъ показывали четырнадцать разъ и можно судить, чего это стоило. Еще большіе расходы вызывали облавы для отстрѣла старыхъ зубровъ, не годныхъ быть производителями; для этихъ облавъ собирали до 2-хъ тысячъ крестьянъ.

Находя такіе порядки неправильными, одинъ изъ завѣдывавшихъ лѣсничествами, поручикъ Чередѣевъ, выступилъ съ проектомъ устройства въ Пущѣ постояннаго звѣринца, намѣтивъ для него урочище „Теремисскій огородъ“. Чередѣевъ предполагалъ оградить 30 десятинъ вы-

сокимъ заборомъ и поселить тамъ 3 пары зубровъ, 4 пары козъ и нѣсколько оленей. Загражденіе было исчислено всего въ суммѣ 950 рублей и должно было служить, какъ для любознательныхъ туристовъ, пріѣзжавшихъ глядѣть зубровъ, такъ и для того, чтобы вблизи изучить жизнь звѣря. Сначала проектъ былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ и исполненіе его замедлилось только устроеніемъ егерскаго училища; но учебное заведеніе открыли, хотя и не въ предѣлахъ Пущи, а проектъ Чередѣева остался на бумагѣ, потому что высшее мѣстное управленіе высказалось противъ полезности звѣринца, остерегая министерство отъ излишнихъ расходовъ [84]).

Слѣдующее десятилѣтіе ознаменовалось различными мѣропріятіями по лѣсному хозяйству. Давнишнія наблюденія надъ зубровыми стадами показывали, что они предпочтительно держатся одного раіона, площадью до 70.000 дес., въ которомъ сосредоточивались ихъ любимыя стоянки—„жиры“. Въ другомъ, меньшемъ раіонѣ, зубры попадались рѣдко. Въ виду этого, рѣшили разгородить Пущу на двѣ части, и во внѣзубровой вести болѣе интенсивное хозяйство, въ зубровой же, чтобы не тревожить звѣрей, придерживаться выборочной системы. Зубровый раіонъ занималъ внутреннюю часть Пущи и, кромѣ того, въ серединѣ его находились село Бѣловѣжъ и нѣсколько другихъ деревень; поэтому раіоны пришлось отгородить двумя заборами, внутреннимъ, со стороны селеній, для прегражденія доступа крестьянскимъ стадамъ, и внѣшнимъ, отдѣлявшимъ зубровый поясъ, охватывавшій Бѣловѣжъ, отъ пограничныхъ частей Пущи. — Заборъ состоялъ изъ высокихъ жердей, вбитыхъ попарно на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, съ поперечинами, прикрученными лыкомъ, и, конечно, служилъ только демаркаціонной линіею, а не защитою или препятствіемъ звѣрямъ. Мелкій звѣрь свободно проскакивалъ всюду, а зубры и кабаны безъ усилій разрушали заборъ, гдѣ хотѣли. Оба раіона, съ теченіемъ времени, представляли совершенно различную картину. Въ зубровомъ рубокъ производилось мало, сучья и валежникъ не убирались вовсе, поэтому онъ былъ очень засоренъ и мѣстами даже непроходимъ. Во внѣзубровомъ—было значительно чище, такъ какъ отсюда производился усиленный отпускъ лѣса, въ особенности всякихъ остатковъ отъ рубокъ. Самымъ расчищеннымъ былъ лѣсъ, прилегавшій къ крестьянскимъ поселкамъ. Заборы оказались безполезными, ихъ не возобновляли и не снимали; а предоставляли времени разрушать ихъ. Теперь только кой-гдѣ виднѣются сгнившіе остатки жердей. Вскорѣ послѣ установки забора министерство, вѣроятно, не находя способовъ вести съ выгодою лѣсное хозяйство, прибѣгло къ посторонней помощи. Благодѣтелемъ явилась берлинская фирма Бугенгагенъ въ лицѣ купца Зигмунда. По контракту

съ казною, Зигмунду предоставлялось выбрать по своему усмотрѣнію изъ цѣлой Пущи 60.000 крупныхъ сосновыхъ деревьевъ, попорченныхъ у основанія чѣмъ-либо. Операціями Зигмунда не всѣ въ Пущѣ остались довольны, и въ министерство посыпались доносы, для разслѣдованія которыхъ присылались цѣлыя комиссіи. Дѣло приняло настоль острый характеръ, что у Зигмунда секвестровали даже цѣлую партію лѣса, заготовленнаго для сплава, но все окончилось тѣмъ, что нѣмецкой фирмѣ, для пополненія расходовъ, понесенныхъ ею на улучшеніе сплавныхъ путей, сверхъ контрактнаго количества, должны были отпустить еще 10.000 деревъ. Въ концѣ концовъ вся Пуща сильно порѣдѣла крупнымъ лѣсомъ.





Въ общемъ, какъ мы видѣли, со времени перехода Пущи въ русское владѣніе, ее весьма рѣдко посѣщали съ охотничьими цѣлями; изъ Высочайшихъ же особъ 70 лѣтъ подъ рядъ, до Александра II (1860), здѣсь не охотился никто. Это охлажденіе къ Пущѣ со стороны ея Августѣйшихъ хозяевъ естественно отразилось на состояніи охоты. Въ то время, какъ на Западѣ, въ заповѣдныхъ угодьяхъ уже давно велось раціональное хозяйство, съ точнымъ подсчетомъ звѣрей по породамъ, съ соблюденіемъ необходимой пропорціи половъ и особымъ надзоромъ за количествомъ корма, въ Пущѣ не дѣлалось ничего. Даже зубру, на которомъ, еще по распоряженію Александра I-го, должно было быть сосредоточено особое вниманіе, жилось настолько плохо, что уже предполагали близость его исчезновенія. Послѣднимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и объясняются тѣ частыя просьбы о присылкѣ шкуры или

8

скелета, которыя сыпались со всѣхъ сторонъ. Особенно сочувственно относился къ такимъ просьбамъ Государь Николай Павловичъ. Онъ не только никогда не отказывалъ музеямъ, ученымъ обществамъ и университетамъ въ присылкѣ шкуръ и скелетовъ, но даже разрѣшалъ охоту нѣкоторымъ частнымъ лицамъ.

Въ 1823 году форстмейстеръ Коссъ выловилъ зубра для кунстка-

Гр. Киселевъ на охотѣ въ Пущѣ въ 1847 г. Фотографія съ картины, принадлежавшей Д. Далматову.



меры Академіи Наукъ. Въ 1829 г. въ Пущѣ охотился профессоръ Варшавскаго университета Яроцкій, оставившій весьма интересное и подробное описаніе своей охоты. Въ 1838 г. охотился генералъ Оффенбергъ. Въ 1847 г.—министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, въ 1853 г.—графъ Михаилъ Тышкевичъ, въ 1858 г. дозволено было убить четырехъ старыхъ зубровъ повѣренному въ дѣлахъ прусскаго посоль-

ства барону Вертернъ. Въ 1859 г. повѣренный въ дѣлахъ французскаго посольства маркизъ Шоторенаръ убилъ одного зубра. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ охоты производились съ цѣлью обогатить тотъ или иной музей. Кромѣ того и лѣсничимъ нерѣдко поручалось для той же цѣли отстрѣливать зубровъ.

Приготовленія къ знаменитой охотѣ Императора Александра II-го, какъ увидимъ далѣе, наглядно обнаружили, въ какое состояніе пришло богатѣйшее царское угодье. Впрочемъ, по справедливости, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію неудавшихся, попыткахъ мѣстныхъ служащихъ обратить вниманіе высшей администраціи на печальное состояніе охоты въ Пущѣ. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести мемуары Бринкена, относящіеся къ 1828 году, въ которыхъ онъ подробно излагаетъ, какъ слѣдовало бы охранять зубра и дичь.

Черезъ десять лѣтъ послѣ Бринкена, въ 1838 году, бывшій форстмейстеръ Коссъ, съ откровенностью человѣка состоящаго въ отставкѣ, высказалъ министерству свои соображенія о причинахъ вымиранія зубра и, между прочимъ, давалъ глубоко разумный совѣтъ: раздѣлить административный персоналъ Пущи на лѣсной и спеціально охотничій. Въ 40-хъ годахъ ученый лѣсничій Далматовъ, хорошо изучившій Пущу за время своей службы въ ней, представилъ въ министерство подробное и всестороннее описаніе ея вмѣстѣ съ проектомъ доходнаго лѣсного хозяйства. Но всѣ эти голоса, равно какъ и голосъ ранѣе упомянутаго Чередѣева, не нашли отклика. Для полноты очерка упомянемъ о сохранившихся въ старыхъ дѣлахъ указаніяхъ на то, что и со стороны чиновъ министерства проявлялась иниціатива въ дѣлѣ охраненія зубровой колоніи. Въ 1843 г. директоръ департамента Клоковъ, послѣ объѣзда казенныхъ лѣсовъ Гродненской губ., возбудилъ вопросъ о разведеніи травъ, которыми предпочтительно питается зубръ. Въ Петербургъ доставили изъ Пущи 4 сорта такихъ травъ, но какихъ, въ дѣлѣ не упомянуто, и ученый комитетъ при министерствѣ предложилъ засѣвать этими травами пустопорожнія поляны. По прошествіи двухъ лѣтъ поступило донесеніе, что посѣвы не удались, но что бѣды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ зубръ питается всякими травами.

Любопытно бы знать, находилась ли въ числѣ привезенныхъ травъ общеизвѣстная зубровка, произрастаніемъ которой въ Пущѣ ошибочно объясняли сохраненіе зубровъ только въ этой мѣстности.

Прежде, чѣмъ говорить объ охотѣ Императора Александра II-го, остановимся еще разъ на обзорѣ Бѣловѣжскаго лѣса съ точки зрѣнія жилища и источника корма звѣрей и дичи. Общая площадь Пущи, вмѣстѣ съ отошедшею къ ней въ 30-хъ годахъ Свислочскою дачею, опредѣлялась, одинаково какъ и теперь, въ 114.992 десятины. На этомъ

8*

пространствѣ имѣлись налицо всѣ лѣсныя породы, какія только можно было встрѣтить въ западной Россіи, отъ вѣкового дуба и сосны до мелкихъ кустарниковъ бузины и малины включительно.

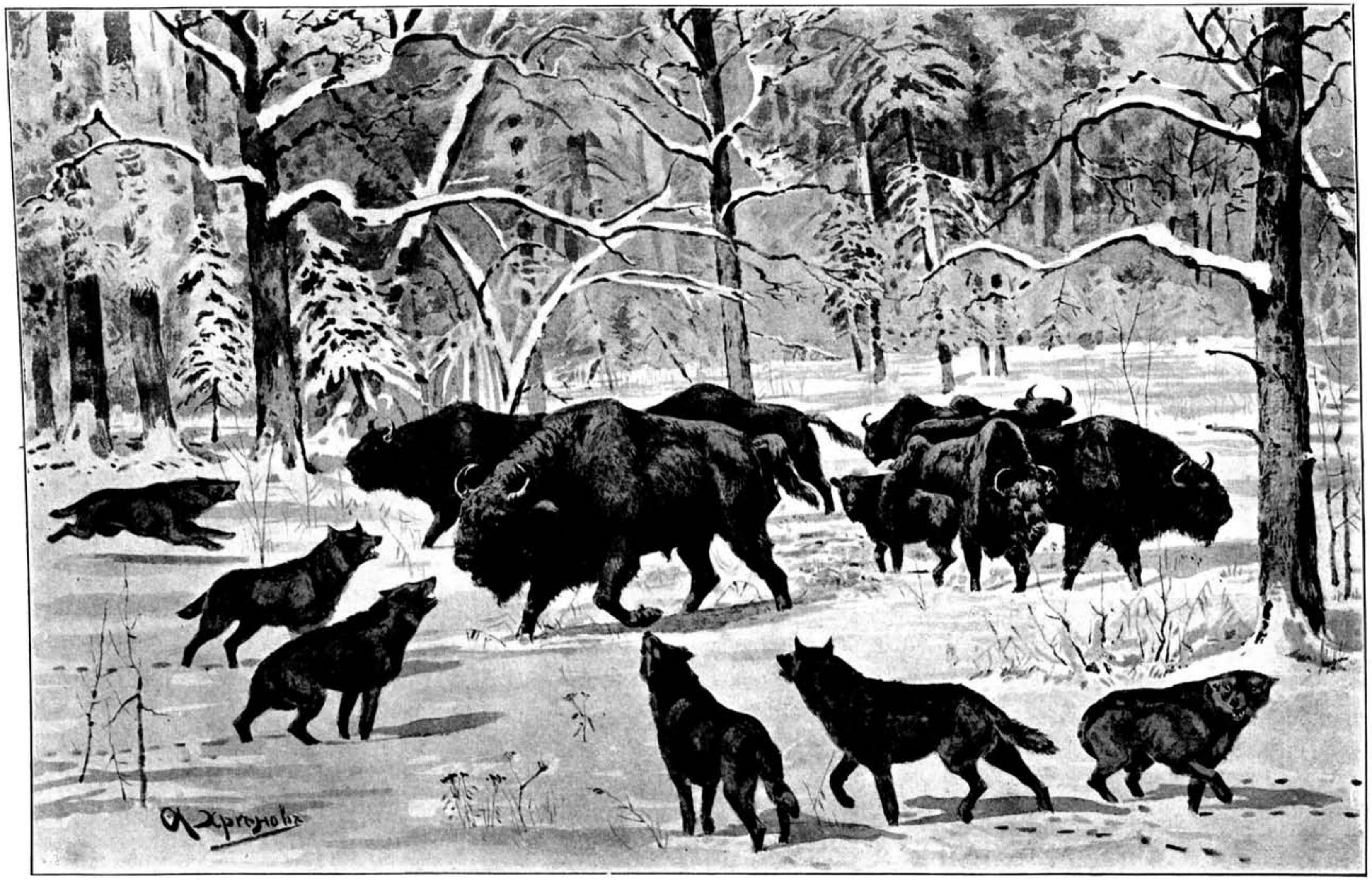
Преобладающее мѣсто занимала сосна. На значительныхъ пространствахъ она встрѣчалась въ чистомъ видѣ, мѣстами же въ смѣси съ лиственными породами и елью. Сплошныхъ раіоновъ спѣлыхъ сосенъ не имѣлось, хотя спѣлыя и переспѣлыя, т. е. перестойныя деревья, попадались вездѣ, то группами, то по-одиночкѣ между средне-возрастнымъ и молодымъ лѣсомъ. Слѣдующее мѣсто за сосною занимала ель, которая встрѣчалась преимущественно въ смѣси съ лиственнымъ лѣсомъ и сосною. Изъ лиственныхъ породъ имѣлись: дубъ, береза, липа, грабъ, ясень, ольха, кленъ, осина, вязъ и пр. Всѣ они занимали около 35% общей площади, въ томъ числѣ наиболѣе цѣнный для охотничьяго угодья дубъ—занималъ 4%. Преобладающій возрастъ дуба былъ спѣлый и переспѣлый, дававшій въ то время массу желудей.

Охотникъ знаетъ, какое важное условіе представляетъ разнохарактерный лѣсъ, въ которомъ звѣрь, смотря по времени года, находитъ необходимое ему разнообразіе пищи. Къ сожалѣнію, при обиліи породъ, Бѣловѣжскій лѣсъ уже и тогда былъ бѣденъ молодою порослью. Съ точки зрѣнія жилища, разнообразіе породъ лѣса одинаково необходимо.

Итакъ, повидимому, въ Пущѣ имѣлись всѣ необходимыя условія для жизни звѣря, а между тѣмъ, его съ каждымъ годомъ становилось все меньше и меньше. Мѣстная администрація знала въ чемъ дѣло. Отъ нея не укрывалось, что большинству породъ звѣрей и дичи, въ особенности зубру, было недостаточно лѣса, а нужны были еще луга съ ихъ сочными, жирными травами; между тѣмъ, всѣ лучшія прирѣчныя земли и лѣсныя поляны отошли на кормъ домашняго скота. Захватъ этихъ земель начался съ очень давнихъ поръ. Сначала въ Пущѣ самовольно селились крестьяне, привлекаемые сюда обиліемъ лѣса, рыбы, дичи и корма для скота. Позднѣе, въ постоянное сельское населеніе обратились стрѣлки, осочники, будняки и прочіе, которымъ за службу отдавали въ пользованіе пущинскія земли.

Уступка прирѣчныхъ земель, несмотря на то, что на нихъ не позволялось устраивать поселковъ, тѣмъ не менѣе, лишала звѣря свободнаго доступа къ водопою, въ особенности въ періодъ уборки сѣна. По манифесту 19-го февраля свыше 12.000 десятинъ такой земли перешло въ собственность крестьянъ на правѣ выкупа.

Въ прежнія времена звѣрь только зимою поддерживался молодыми побѣгами, а теперь онъ оставался на сухоядѣніи круглый годъ. На бѣду, въ теченіе сказанныхъ 70-ти лѣтъ системы лѣсного хозяйства безпрерывно мѣнялись. Отъ сплошныхъ рубокъ участками переходили



ЗУБРЫ, ОКРУЖЕННЫЕ ВОЛКАМИ.—Оригинальный рисунокъ А. С. Хрѣнова.

къ выборочнымъ и къ полному запрещенію всякихъ рубокъ. Въ періодъ сплошныхъ рубокъ недостатокъ лугового корма возмѣщался до нѣкоторой степени обиліемъ молодой поросли и вѣтвей, остававшихся на мѣстахъ рубокъ, но при выборочныхъ рубкахъ и полномъ запрещеніи наступала такая безкормица, отъ которой звѣрю приходилось только бѣжать. Оставался одинъ зубръ, привычный къ мѣсту и прикармливаемый, отчасти, зимою, но и ему приходилось систематически голодать.

Параллельно съ сокращеніемъ кормовъ давнишнее зло—браконьерство достигло такихъ размѣровъ, что на него уже перестали обращать вниманіе. Лось и коза выбивались начисто, не взирая на полъ, возрастъ и время года. На лося еще со временъ польскихъ королей сохранилась промышленная охота на вабку какъ быковъ, такъ и коровъ, и среди бѣловѣжскихъ лѣсничихъ до 50-хъ годовъ встрѣчались еще отличные вабельщики, хорошо знавшіе привычки звѣря. Охотясь этимъ способомъ и не жалѣя самокъ, лося выбили совершенно. Вообще главными браконьерами являлись сами охранители лѣса. Нарушая законъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли не смотрѣть сквозь пальцы и на браконьерство мѣстныхъ жителей. Битую дичь на глазахъ у всѣхъ вывозили на продажу въ Вильну и даже въ Варшаву. Обо всемъ этомъ, когда времена перемѣнились, откровенно разсказывали пущинскіе служащіе, здравствующіе и понынѣ. Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что браконьерство и по закону было слабо наказуемо. За зубра налагался штрафъ отъ 50 до 150 рублей, а позднѣе, со введеніемъ мировыхъ учрежденій, наказаніе свелось къ штрафу въ 25 рублей, но, по счастію, про слабость закона знали немногіе, и это незнаніе закона спасало зубра. Большинству казалось, что за зубра, которымъ интересовался самъ Государь и ради котораго охранялась цѣлая огромная Пуща, налагается какое-нибудь особенно суровое наказаніе; даже Брэмъ былъ увѣренъ, что за зубра взыскиваютъ страшную пеню и ссылаютъ на поселенье. Одинъ иностранецъ, поинтересовавшійся узнать, чѣмъ отвѣчаютъ за убитаго самовольно зубра, не безъ ироніи замѣтилъ, что при такихъ условіяхъ не безвыгодно было бы вносить штрафъ впередъ, отправляясь на охоту въ Пущу. За голову зубра давали въ то время за границей до 500 рублей; мясо и шкура имѣли свою цѣну.

Не малое зло Пущѣ приносили также хищники и въ особенности волки. Бороться съ ними не умѣли и не старались, поэтому волковъ развелось такое множество, что они нерѣдко нападали и на зубровыя стада. Охотясь за зубрами, волки держались своей обычной тактики нападенія цѣлою стаею на одного. Подкрадываясь къ стаду, волки стараются произвести нападеніе, прежде нежели зубры успѣютъ стянуться въ кучу, и, намѣтивъ жертву, бросаются массою, чтобы отрѣзать ее отъ остальныхъ. Оставшись одинъ, окруженный волками, зубръ бѣжитъ

до тѣхъ поръ, пока не изнеможетъ и, конечно, погибаетъ въ неравной борьбѣ. Умные хищники старались, при преслѣдованіи, загнать зубра на ледъ, гдѣ звѣрь скоро падалъ, не будучи въ состояніи защищаться. Съ телятами расправа была еще короче. Случалось не рѣдко, что волки нападали даже на старыхъ одинцовъ, окружали ихъ и безчисленными хватками доводили до полнаго изнеможенія. Пока зубръ отбивался отъ тѣхъ, которые лѣзли подъ морду, другіе дѣйствовали сзади. Кромѣ волковъ, изъ породы хищниковъ водились: рысь, барсукъ, лисица, выдра,



Оригинальный рисунокъ Зичи.

хорекъ, куница и ласка. Медвѣдя, котораго когда-то было очень много, дѣятельно истребляла лѣсная стража, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ опасенъ для всей дичи и въ особенности зубрамъ. Въ истребленіи медвѣдя лѣсной стражѣ усердно помогали браконьеры, пришлые со стороны, потому что шкура его всегда имѣла цѣну. Случаи нападенія медвѣдей на зубровъ, дѣйствительно, бывали, хотя зубры умѣли постоять за себя, въ особенности стадомъ. Способъ нападенія медвѣдя на зубра, вѣроятно, былъ тотъ же, какъ на всякое другое крупное животное.

Онъ старается примоститься на загривкѣ, откуда его нельзя достать, и, перегрызая шею, ломаетъ жертву своими сильными лапами. Если бы, въ свою очередь, зубръ, защищаясь, могъ ударить медвѣдя остріемъ рога, то, конечно, сразу бы его прикончилъ; но зубрамъ это почти не удается, удары обыкновенно наносятся закругленною поверхностью рога, иначе, при постоянныхъ нападеніяхъ старыхъ быковъ на молодыхъ, зубры давно перебили бы другъ друга. Въ 1844 г. огромный медвѣдь подкараулилъ одинца, и тотъ, не видя спасенія, вступилъ въ поединокъ, происходившій у дороги изъ Бѣловѣжа въ Рудню. Случайные очевидцы разсказывали, что борцы на сто саженъ кругомъ поломали деревья и вытоптали кустарникъ. Израненный зубръ не разъ подымалъ медвѣдя на рога, пока тотъ, въ концѣ-концовъ, не загрызъ его до смерти.

Къ 60-мъ годамъ медвѣдя почти уже не было въ Пущѣ и при охотахъ Императора Александра II о немъ не было рѣчи; но позднѣе, съ 1873 по 1878 гг. встрѣчались единичные случаи нападенія медвѣдей на зубровъ, и послѣдніе три медвѣдя убиты въ Пущѣ именно въ этотъ пятилѣтній періодъ.

Сравнительно хорошо жилось въ Пущѣ пернатымъ, такъ какъ все вниманіе браконьеровъ поглощалось болѣе прибыльною охотою на звѣря. Въ лѣсу водились: глухари, тетерева, рябчики, вальдшнепы, на пограничныхъ поляхъ встрѣчались сѣрыя куропатки, по болотамъ—утки, дупеля, бекасы. Глухариные тока располагались тамъ же, гдѣ и теперь (см. кар. № 4), и въ концѣ іюля можно было отлично поохотиться изъ-подъ легавой на молодыхъ глухарей по окраинамъ большого болота Никоръ и на Перировѣ. По веснамъ тамъ былъ большой слетъ на тока, и лѣсничіе, любители этой охоты, сберегая тока, не допускали разбивать выводковъ въ этихъ мѣстахъ, а на тока слеталось столько, что на слуху всегда бывало до 10 штукъ. Тетерева водились преимущественно въ Королевскомъ лѣсничествѣ, по опушкамъ и въ мелколѣсьи, хотя и внутри Пущи—у Перерова, на Лѣснѣ и около Столповиска—ихъ всегда можно было встрѣтить. Рябчикъ не имѣлъ опредѣленныхъ мѣстъ и водился по всей Пущѣ въ большомъ количествѣ. Въ короткій сентябрьскій день изъ-подъ загонщиковъ на ружье брали до 15 штукъ. На манку рябчикъ шелъ также хорошо, въ особенности послѣ того, какъ самки сядутъ въ гнѣзда, но это продолжалось, обыкновенно, не долго, всего дня два. Вальдшнепа въ Пущѣ всегда было достаточно. Разсказывали намъ, напримѣръ, про одного лѣсничаго, приносившаго съ тяги въ хорошіе годы по 9 штукъ и никогда не возвращавшагося безъ двухъ паръ. Бывали случаи, когда вальдшнепъ гнѣздовалъ по два раза—въ маѣ и въ августѣ; въ концѣ 60-хъ годовъ

его стало убывать. Дупелиные тока всего чаще встрѣчались на границѣ Пущи, возлѣ селенія Хвойники, гдѣ дупель и гнѣздовалъ, а высыпки преимущественно по Наревкѣ, до впаденія Гвоздни, и въ Подливковьѣ.

Кромѣ перечисленныхъ полезныхъ птицъ, въ Пущѣ можно было встрѣтить бѣлаго аиста, изрѣдка даже и чернаго, журавлей, соекъ, дикихъ голубей, горлинокъ, сорокъ, орѣховокъ, совъ разныхъ породъ, ястребовъ и всевозможныхъ пѣвчихъ птицъ, знакомыхъ намъ по средней полосѣ Россіи.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Пущи, въ которомъ ее засталъ Императоръ Александръ II, прибывшій въ 1860 году въ Бѣловѣжъ поохотиться на зубровъ; послѣднихъ числилось въ это время по вѣдомостямъ до 1.575 головъ.



9



Охоту для Императора назначили сначала на сентябрь, но въ виду рожденія Великаго Князя Павла Александровича и тяжелаго болѣзненнаго состоянія Императрицы Александры Ѳеодоровны, Государь не могъ покинуть Петербурга, и охоту пришлось отсрочить до октября. Приготовленія къ охотѣ, которая обѣщала быть очень парадной, возложили на мѣстное управленіе государственными имуществами, непосредственное же наблюденіе за всѣмъ принялъ на себя товарищъ министра Зеленый, выѣхавшій заблаговременно въ Бѣловѣжъ въ сопровожденіи егермейстера графа Ферзена и художника Зичи.

Въ Пущѣ закипѣла работа. Чинили дороги, гати, наводили мосты, приводили въ порядокъ помѣщенія для пріема гостей, но главною заботою было добыть звѣря. Въ селѣ Бѣловѣжѣ обратили въ охотничій павильонъ старинный домъ, поставленный еще въ 1845 году для начальника края. Казарменный типъ этой наиболѣе обширной постройки не позволялъ приспособить ее даже для временнаго помѣщенія Государя, почему для этой цѣли и былъ наскоро достроенъ небольшой домикъ, предназначавшійся сначала подъ квартиру мѣстному лѣсничему. Въ нѣсколько дней сложили печи, потолки задрапировали матеріями, полы застлали коврами, и помѣщеніе приняло жилой, комфортабельный видъ. Для иностранныхъ принцевъ, приглашенныхъ на охоту, былъ выбранъ домъ нѣмецкаго купца Зигмунда, проживавшаго

въ Пущѣ для лѣсныхъ операцій по договору съ казною. Состоящимъ при принцахъ генераламъ и флигель-адъютантамъ отдѣлывали сельскія общественныя зданія.

Приготовленія къ самой охотѣ велись еще дѣятельнѣе. Три недѣли лѣсничій Штральборнъ и унтеръ-егермейстеръ Ивановъ съ 14-тью офицерами корпуса лѣсничихъ, 10-тью объѣздчиками, 90 стражниками изъ постоянной лѣсной стражи, 120-тью полѣсовщиками, со стрѣлками, осочниками и 2.000-ми крестьянъ, не выходя изъ Пущи, сгоняли зубровъ и все, что попадалось, не исключая зайцевъ, въ заранѣе огороженное тыномъ обширное лѣсное пространство, захватывавшее 550 десятинъ центральнаго урочища Грибовецъ. Одновременно съ загономъ, по всѣмъ казеннымъ лѣсамъ Гродненской губерніи ловили звѣрей и въ клѣткахъ доставляли въ импровизованный для предстоящей охоты звѣринецъ. Внутри звѣринца отгородили заборомъ участокъ около двухъ квадратныхъ верстъ, въ которомъ должна была происходить самая охота; тамъ прорубили просѣку въ 300 саженъ длиною и вдоль просѣки разставили штанды. Царскій штандъ помѣщался съ края. Другую большую часть огороженной площади раздѣлили заборомъ на нѣсколько отдѣльныхъ малыхъ звѣринцевъ, чтобы размѣстить въ нихъ звѣрей по породамъ, и отсюда, черезъ особые выходы, въ день охоты гнали плѣнниковъ на просѣку къ штандамъ.

Ко дню охоты удалось собрать: 117 зубровъ, 3 лося, 14 даніэлей, 23 кабана, 36 козъ, 17 волковъ, 15 лисицъ, 14 барсуковъ,—всего 339 штукъ, въ томъ числѣ 100 зайцевъ.

Вспомнимъ, что въ этихъ лѣсахъ Ягелло когда-то добывалъ продовольствіе для сто-тысячной арміи; теперь же волковъ набрали больше, нежели лосей и даже даніэлей.

Конечно, полнаго раздѣленія звѣрей по породамъ не удалось достигнуть. Въ отдѣльный звѣринецъ попадали животныя, которыя на свободѣ не приближались даже другъ къ другу; но теперь общая участь собирала всѣхъ въ унылое, нестройное стадо, получавшее, какъ въ темницахъ, готовый кормъ отъ тѣхъ, которые ихъ туда заключили.

Еще болѣе печальную картину, нежели звѣринецъ, представлялъ самый способъ собиранія животныхъ.

Въ началѣ облавъ на зубровъ, при неопытности и спѣшности, съ которыми производился загонъ, тяжелыя, непривычныя къ продолжительному и быстрому бѣгу животныя изнемогали отъ усталости, и на пути къ звѣринцу ихъ пало 100 штукъ на 57 пойманныхъ. Не менѣе того, конечно, погибло всякихъ звѣрей при ловлѣ и перевозкѣ на мѣсто.

Наканунѣ пріѣзда Государя прибыли принцы: Карлъ и Альбертъ

9*

Прусскіе и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій въ сопровожденіи собственной свиты и откомандированныхъ къ нимъ русскихъ офицеровъ *). Гости развлекались прогулкою по Пущѣ и селу Бѣловѣжъ, осматривали памятникъ, воздвигнутый для увѣковѣченія охоты Августа III, происходившей въ 1752 году, заглянули въ домикъ, предназначенный Государю, и съ нетерпѣніемъ ожидали предстоящей охоты. Все, повидимому, было готово, какъ вдругъ кто-то вспомнилъ, что для царской резиденціи не запасено флага. Желтую матерію еще можно



Прибытіе Государя въ Пущу. Оригинальный рисунокъ Зичи.

было достать въ селѣ, но откуда было достать гербъ? Тутъ выручилъ Зичи, и черный двуглавый орелъ его художественной работы развѣвался надъ скромнымъ домикомъ лѣсничаго во все пребываніе въ немъ Императора Александра.

Въ тихую, теплую октябрьскую ночь, съ 5-го на 6-ое, Государь Александръ II, въ одномъ экипажѣ съ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, сопровождаемый многочисленною блестящею свитою **), въѣхалъ въ Пущу. Дорога шла густымъ лѣсомъ,

---

*) Его Королевское Высочество принцъ Карлъ Прусскій, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ маіора Путкомера и капитана Мизичека, и состоявшаго при немъ, по Высочайшему повелѣнію, Свиты Его Величества генералъ-маіора Веймарна, прибылъ въ село Бѣловѣжъ въ ночь съ 4-го на 5-ое октября. Вслѣдъ за принцемъ Карломъ пріѣхали принцы Альбертъ Прусскій, Августъ Виртембергскій и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій. Перваго сопровождали капитаны, бароны Буденброкъ и Мальцанъ, второго—капитанъ фонъ-Тиле и третьяго—капитанъ Керъ. При принцѣ Альбертѣ былъ назначенъ состоять флигель-адъютантъ ротмистръ Рейтернъ, а при принцѣ Гессенъ-Кассельскомъ—флигель-адъютантъ полковникъ Голынскій.

**) Вмѣстѣ съ Государемъ въ Бѣловѣжъ прибыли генералъ-адъютанты: князь Долгоруковъ 1-й, баронъ Ливенъ, начальникъ края Назимовъ 1-ый, баронъ Притвицъ 2-ой, князь Радзивиллъ, Огаревъ 1-ый и графъ Адлербергъ 2-ой, тайный совѣтникъ Енохинъ, Шталмейстеръ Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго баронъ Еглофштейнъ, флигель-адъютанты Его Величества Рылѣевъ и Эссенъ, флигель-адъютантъ Короля Прусскаго баронъ Леонъ, флигель-адъютантъ Великаго Герцога Томсонъ и начальникъ Гродненской губ. дѣйствительный статскій совѣтникъ Шпееръ.

сквозь который и въ полдень не вездѣ проглядывало солнце. По обѣимъ сторонамъ дороги, пылающіе костры и смоляныя бочки освѣщали путь Государю; по селу Бѣловѣжъ горѣли плошки и бенгальскіе огни. Утромъ слѣдующаго дня Государь выѣхалъ на охоту.

Дальнѣйшее описаніе пребыванія Государя въ Бѣловѣжѣ заимствуемъ изъ изданія, напечатаннаго въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ распоряженіемъ министра государственныхъ имуществъ въ



Государь Александръ II на штандѣ. Оригинальный рисунокъ Зичи.

1861 году и составляющемъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Изданіе это, озаглавленное „Охота въ Бѣловѣжской Пущѣ“, украшено нѣсколькими виньетками художника Зичи, а текстъ краткаго историческаго очерка составленъ по Далматову. Нѣсколько экземпляровъ были напечатаны на французскомъ языкѣ для подношенія участвовавшимъ въ охотѣ иностранцамъ.

„Утромъ, 6-го октября,—говорится въ описаніи—Государь Импера-„торъ, осмотрѣвъ село Бѣловѣжъ, посѣтилъ иностранныхъ принцевъ; „въ одиннадцатомъ же часу, Ихъ Высочества и свита были пригла-„шены къ Государю Императору на завтракъ. Затѣмъ Его Величество, „въ сопровожденіи принцевъ и всей свиты, отправился на охоту въ „экипажахъ.

„Охота была устроена согласно мѣстнымъ обычаямъ....... Въ звѣ-„ринцѣ, на просѣкѣ въ 300 саженъ длиною, устроено было для охот-„никовъ 12 штандовъ (маленькихъ крытыхъ галлерей), убранныхъ „древесными вѣтвями, такъ что издали они имѣли почти видъ деревъ „и сливались съ лѣсомъ.

„Первый штандъ съ лѣвой стороны, въ дальнемъ ружейномъ вы-„стрѣлѣ отъ западной стѣны звѣринца, предназначенъ былъ для Го-„сударя Императора; за нимъ, по прямой линіи, слѣдовали пять штан-„довъ для Высокихъ гостей съ ихъ свитами и, наконецъ, 6 штандовъ „для свиты Его Величества. Такимъ образомъ, со штандовъ можно „было стрѣлять во всѣ стороны, конечно, кромѣ линіи охоты. За стѣ-„ною звѣринца устроенъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, амфитеатръ „для любопытствующей публики.

„Государь, Высокіе гости и свита, проѣхавъ часть звѣринца, вышли „изъ экипажей на небольшой полянѣ и отправились пѣшкомъ на стрѣл-„ковую линію. Его Величество сначала лично обозрѣлъ устроенныя „для охотниковъ помѣщенія и затѣмъ вошелъ въ свой штандъ, гдѣ „былъ встрѣченъ егермейстеромъ графомъ Ферзеномъ. По занятіи „принцами и свитою предназначенныхъ имъ мѣстъ, Государь прика-„залъ подать сигналъ для начатія охоты.

„Облава, расположенная въ противоположномъ концѣ звѣринца, „двинулась по данному сигналу и стала сгонять звѣрей къ штандамъ. „По мѣрѣ приближенія звѣрей къ стрѣлковой линіи, на дальнемъ отъ „нея ружейномъ выстрѣлѣ, облава останавливалась; въ это время лѣс-„ная стража спускала своры гончихъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожи-„данія, послышался вблизи штандовъ трескъ ломаемыхъ сучьевъ и, „вслѣдъ за тѣмъ, выбѣжало нѣсколько огромныхъ зубровъ. Раздался „первый выстрѣлъ, и одинъ изъ самыхъ величавыхъ обитателей Пущи „палъ замертво, раненый въ грудь. Этотъ мѣткій выстрѣлъ сдѣланъ „былъ Государемъ Императоромъ въ 275 шагахъ. Вслѣдъ за тѣмъ „убитъ былъ наповалъ Его Величествомъ другой зубръ, на разстояніи „75 шаговъ, пулею въ лобъ. На ближайшемъ штандѣ, принцъ Карлъ „Прусскій тоже положилъ зубра, искусно направленнымъ выстрѣломъ. „Остальные зубры, испуганные, ошеломленные непривычнымъ для „нихъ шумомъ, бросились бѣжать дальше, и огонь открылся по всей „стрѣлковой линіи. За зубрами показались прочіе звѣри.

„Картина была чрезвычайно живописная и оживленная. То легкая „лань пролетитъ стрѣлою мимо охотниковъ, то серна пронесется, какъ „вихрь, среди деревьевъ. Боязливые зайцы снуютъ между кустарни-„ками и тщетно ищутъ безопаснаго убѣжища; неповоротливые кабаны „бѣгутъ со всѣхъ ногъ въ чащу лѣса, устремляясь невпопадъ черезъ

„самую середину стрѣлковой линіи и становясь, такимъ образомъ, цѣлью „безчисленныхъ выстрѣловъ. По временамъ, снова появлялись зубры „и видимо овладѣвали вниманіемъ охотниковъ; каждый берегъ свой „выстрѣлъ, чтобы имѣть удовольствіе убить невиданнаго на другихъ „Европейскихъ охотахъ звѣря. Едва показывался зубръ на одномъ изъ „концовъ охотничьей линіи, выстрѣлы замолкали; преслѣдуемые собаками разнаго рода, звѣри пробѣгали въ эту минуту безнаказанно по „стрѣлковой линіи; во всѣхъ штандахъ виднѣлись прицѣленные ружья; „когда же зубръ, преслѣдуемый собаками, устремлялся по линіи, тогда „открывался бѣглый огонь. Однако, зубръ не легко дается охотнику; „его сильная натура не изнеможетъ отъ десятка пуль, если ни одна „изъ нихъ не нанесетъ ему тяжелой раны; случалось, что небольшое „стадо изъ 5 или 6 зубровъ пробѣгало по два и по три раза чрезъ „всю линію охотниковъ, подъ самыми мѣткими выстрѣлами, изъ которыхъ лишь весьма рѣдкіе были промахами; только ударъ пули около „головы или въ грудь заставлялъ пасть замертво это сильное и красивое животное. Въ промежуткахъ времени, когда не было зубровъ, „охотники удостоивали выстрѣлами и другихъ звѣрей, не исключая „зайца и барсука, которые постоянно сновали около штандовъ; вообще „арена не была пуста ни на минуту. Облава постоянно слѣдила за „звѣрями и не позволяла имъ слишкомъ удаляться въ чащу лѣса; не „находя другого исхода, они невольно бѣжали противъ лицевой стороны штандовъ или, обогнувъ ихъ, устремлялись по задней сторонѣ, „не выходя въ обоихъ случаяхъ изъ-подъ выстрѣловъ. Ружейный „огонь не прекращался въ теченіе двухъ часовъ. Убитая и раненая „въ это время дичь въ большомъ числѣ лежала на самомъ мѣстѣ „охоты. До 80 собакъ, спущенныхъ со своръ, терзали ее, не обращая „болѣе ни на что вниманія и не чуя вновь выгоняемыхъ звѣрей, которые, пугаясь убитыхъ и не будучи преслѣдуемы собаками, бѣжали „назадъ. Чтобы возстановить правильную охоту, необходимо было вновь „собрать собакъ и убрать убитую дичь. Это обстоятельство было предвидѣно, и потому заранѣе были приготовлены люди съ носилками и „скрыты за стѣною звѣринца, за толстымъ бруствером. Въ два часа „данъ былъ условный сигналъ прекратить охоту; тотчасъ явилась „лѣсная стража съ носилками, которая въ самое короткое время подобрала убитыхъ звѣрей и снесла ихъ къ соотвѣтствующимъ штандамъ; „такимъ образомъ каждый охотникъ увидѣлъ подлѣ себя трофеи своего искусства и счастья. Въ 2½ часа охота возобновилась. Снова завизжали и залаяли собаки, выбѣжали кабаны, дикія козы, серны, „нѣсколько зубровъ и между ними одна зубрица съ теленкомъ. По „предварительному условію, положено было не стрѣлять матокъ и мо-

„лодыхъ зубровъ, но чей-то нечаянный выстрѣлъ нарушилъ это условіе. Матка была убита наповалъ и теленокъ, понуря голову и размахивая хвостомъ, бѣгалъ и оставался между штандами до самаго конца „охоты. Маленькіе зубры, преимущественно одного и двухъ лѣтъ, очень „красивы, особенно на бѣгу; да и вообще зубры, при своихъ колоссальныхъ формахъ, очень граціозны и легки. Во время приготовленій къ „охотѣ, одна зубрица, загнанная въ звѣринецъ, перескочила безъ разбѣга черезъ заборъ звѣринца, вышиною около 10 футовъ, а за нею „вслѣдъ перепрыгнули такимъ же образомъ, одинъ за другимъ, до „30 зубровъ.

„Въ 4 часа Государь приказалъ прекратить охоту. Въ этотъ день „вообще было убито 44 звѣря, въ томъ числѣ 16 зубровъ и 4 кабана; „изъ нихъ Государемъ убито всего 22 штуки, въ томъ числѣ 4 зубра „1 кабанъ; Высокими гостями и свитою 22 звѣря, въ томъ числѣ 12 „зубровъ и 3 кабана.

„По возвращеніи изъ лѣса въ селеніе, у Его Величества былъ „обѣденный столъ, къ которому были приглашены Высокіе гости, свита „и нѣкоторые чины управленія государственныхъ имуществъ. Во время „обѣда играла военная музыка Великолуцкаго пѣхотнаго полка, прибывшая въ Бѣловѣжъ изъ Бѣлостока. За обѣдомъ принцъ Карлъ „Прусскій поднесъ Государю, въ память охоты этого дня, костяной „рѣзной кубокъ. Принявъ благосклонно сей подарокъ, Его Величество „провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ Высокихъ гостей, на который отвѣчалъ Великій Герцогъ Саксенъ-Веймарскій тостомъ въ честь „Государя Императора.

„Поднесенный принцемъ Карломъ кубокъ, Государь приказалъ „сохранять, вмѣстѣ съ прочими воспоминаніями своего пребыванія, въ „Бѣловѣжскомъ царскомъ домикѣ.

„По окончаніи обѣденнаго стола, изъ оконъ Государева домика „представилась самая живописная картина: толпы ликующаго народа, „тысячами собравшагося въ Бѣловѣжъ, расположились густыми группами на противоположномъ берегу рѣчки, протекающей подлѣ холма, „на которомъ находилось занятое Его Величествомъ строеніе. Для народа приготовлено было угощеніе: водка, пиво и пироги. Пѣсни и „пляски оживляли эту картину, которая внезапно освѣтилась разноцвѣтными огнями. Этотъ народный пиръ продолжался до глубокой „ночи.

„На другой день Государь осматривалъ Бѣловѣжскую сельскую „церковь; мѣсто, на которомъ, по преданію, существовалъ дворецъ „Польскаго Короля Августа III-го и такъ-называемую Головинскую батарею, напоминавшую собою печальныя для края событія 1831 года.—

„Затѣмъ Его Величество съ иностранными принцами и свитою, „послѣ завтрака, въ 10 часовъ утра, снова отправился на охоту, ко„торая началась въ этотъ день въ 11 часовъ утра и происходила въ „томъ же порядкѣ и на томъ же мѣстѣ, какъ и наканунѣ.

„Въ этотъ день зубровъ было убито меньше, чѣмъ наканунѣ, а „прочихъ звѣрей больше. Государь убилъ наповалъ большого лося въ „70 шагахъ. Особенное вниманіе иностранныхъ принцевъ обратили на „себя въ этотъ разъ волки и кабаны, замѣчательные по своей вели„чинѣ; самые мѣткіе выстрѣлы Ихъ Высочествъ были направлены на „этихъ звѣрей. Два большіе волка пали отъ выстрѣловъ Государя Им„ператора и Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго. Одинъ кабанъ былъ „преслѣдуемъ выстрѣлами около получаса; нѣсколько разъ перебѣгалъ „онъ по срединѣ стрѣлковой линіи; охотники сдѣлали по немъ 40 „выстрѣловъ; наконецъ, животное, изнемогая отъ ранъ, пало на землю, „но черезъ нѣсколько минутъ опять стало на ноги и помчалось дальше; „уже по окончаніи охоты оно было найдено мертвымъ въ отдаленномъ „углу звѣринца.

„Въ $12^1/_2$ часовъ данъ былъ сигналъ къ отбою. По уборкѣ уби„тыхъ звѣрей, стрѣльба возобновилась и продолжалась до двухъ часовъ.

„Въ заключеніе охоты произведена была общая единовременная „облава на всѣхъ собранныхъ въ загонѣ звѣрей. По окончаніи охоты, „убитые звѣри были снесены къ Государеву штанду.

„Въ этотъ день было вообще убито 52 звѣря, изъ коихъ Госуда„ремъ Императоромъ 21, и въ томъ числѣ 6 зубровъ, а Высокими „иностранными Гостями 17 штукъ, и въ томъ числѣ 4 зубра и 4 ка„бана. Свитами Его Величества и Ихъ Высочествъ убито въ этотъ день „14 штукъ.

„Всего въ оба дня убито: 28 зубровъ (18 самцовъ и 10 коровъ), „2 лося, 10 даніэлей, 11 кабановъ, 16 волковъ, 16 козъ, 7 лисицъ, „4 барсука, 2 зайца. Шкуры животныхъ, убитыхъ иностранными „принцами, переданы, по Высочайшему повелѣнію, въ собственность „Ихъ Высочествъ, а изъ числа убитыхъ на охотѣ зубровъ, нѣкоторые „экземпляры предназначены для университетскихъ музеевъ. Пригото„вленіе кожъ и чучелъ поручено препаратору Академіи Наукъ, нарочно „для сей цѣли вызванному въ Пущу изъ С.-Петербурга.

„По окончаніи охоты, товарищъ министра государственныхъ иму„ществъ исходатайствовалъ у Его Величества соизволеніе воздвигнуть „памятникъ въ воспоминаніе Высочайшей охоты 6-го и 7-го октября „и, обративъ, при выходѣ изъ звѣринца, вниманіе Государя на неболь„шую поляну, на которой было бы удобно воздвигнуть памятникъ, „просилъ Его Величество посадить на этомъ мѣстѣ деревцо. Государь

10

„Императоръ изволилъ благосклонно согласиться, взялъ заступъ и „собственноручно посадилъ одинъ изъ нарочно для сей цѣли приго-„товленныхъ двухъ молодыхъ ливанскихъ кедровъ. По желанію Его „Величества, иностранные принцы послѣдовали сему примѣру. Затѣмъ „Государь приказалъ сдѣлать то же главному распорядителю охоты, „генералъ-маіору Зеленому и главному начальнику края, генералъ-адъ-„ютанту Назимову. Свитою были посажены американская ель и нѣсколько

Посадка дерева Государемъ. Оригинальный рисунокъ Зичи.



„деревьевъ Бѣловѣжской пихты.—Кромѣ того, въ воспоминаніе сей же „охоты, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

„Домъ, занимаемый Его Величествомъ, оставить на будущее время, „подъ именемъ Императорскаго охотничьяго павильона, въ томъ са-„момъ видѣ, въ которомъ онъ находился во время Высочайшей охоты, „и устроенный среди Пущи для сей охоты звѣринецъ сдѣлать посто-„яннымъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ всегда находилось достаточное число „дикихъ звѣрей разнаго рода, свойственныхъ Бѣловѣжской Пущѣ.

„По возвращеніи въ Бѣловѣжъ, у Его Величества былъ обѣден-„ный столъ, къ которому были приглашены принцы и свита. Госу-

„дарь во время обѣда изволилъ подарить принцу Карлу Прусскому „обдѣланный, въ видѣ кубка, зубровый рогъ. Его Высочество, принявъ „съ признательностью этотъ подарокъ, пилъ изъ него за здоровье Его „Величества.

„Передъ отъѣздомъ Его Величества изъ Бѣловѣжа, товарищъ ми„нистра государственныхъ имуществъ представилъ Государю Импера„тору альбомъ, предназначенный для записыванія именъ почетнѣйшихъ „посѣтителей Пущи. Его Величество, соблаговоливъ первый начертать „собственноручно имя свое въ семъ альбомѣ, изволилъ предложить ино„страннымъ принцамъ и всей свитѣ послѣдовать Его примѣру, что и „было исполнено.

„Въ $3^1/_2$ часа пополудни, Государь Императоръ, Великій Герцогъ „Саксенъ-Веймарскій, иностранные принцы и вся свита выѣхали изъ „Бѣловѣжа въ Бѣлостокъ для слѣдованія оттуда въ Варшаву.

„Его Величество выразилъ Свое полное удовольствіе за устрой„ство охоты товарищу министра государственныхъ имуществъ генералу „Зеленому.

„Мѣстные чины управленія государственныхъ имуществъ, какъ „гражданскіе, такъ и лѣсные, участвовавшіе въ приготовленіяхъ къ „охотѣ, удостоились представляться Государю Императору и были все„милостивѣйше награждены брилліантовыми перстнями, а нѣкоторые „изъ объѣздчиковъ,—золотыми часами съ такими же цѣпочками; вообще „же лѣсной стражѣ и работавшимъ въ лѣсу казеннымъ крестьянамъ „выданы, съ Высочайшаго соизволенія, денежныя награды. — Успѣху „охоты въ оба дня въ высшей степени благопріятствовала ясная и „необыкновенно теплая погода.

„Высокіе гости неоднократно выражали во время охоты, что дѣй„ствительность далеко превзошла ихъ ожиданія и что такая охота „могла быть устроена только по волѣ Русскаго Царя, при естествен„ныхъ богатствахъ Русскаго Царства.

„Памятно будетъ Высочайшее пребываніе 6-го и 7-го октября „1860 года въ Бѣловѣжской Пущѣ и для тамошняго населенія.—Кромѣ „радостнаго для народа лицезрѣнія Монарха, это пребываніе будетъ „еще дорого и потому, что оно доставило крестьянамъ значительные „заработки и было источникомъ неподдѣльнаго веселья, столь рѣдкаго „въ трудовомъ сельскомъ сословіи.

„Охота эта, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что она не со„провождалась ни однимъ несчастнымъ случаемъ и что, сравнительно „съ другими подобными охотами, обошлась весьма не дорого, около „18.000 рублей, несмотря на то, что расходы на нее должны были „превосходить издержки на всякую другую охоту, какъ потому, что

10*

„въ Бѣловѣжѣ для пріема Высокихъ гостей съ многочисленною при-
„слугою нужно было все устроить заново, такъ и потому, что Бѣло-
„вѣжъ находится въ самой глуши Гродненской губерніи—въ 150 вер-
„стахъ отъ губернскаго города, въ 80 отъ Бѣлостока и въ 70 отъ
„Брестъ-Литовска“.

Уже изъ сказаннаго о приготовленіяхъ всякому понятно, чѣмъ могла быть охота 6-го и 7-го октября. Для участниковъ это былъ случай проявить свое искусство въ стрѣльбѣ по живой, движущейся цѣли, а для устроителей—свое усердіе въ загонѣ звѣря. Авторъ описанія охоты, желая, вѣроятно, смягчить впечатлѣніе, говоритъ, что она происходила согласно мѣстнымъ обычаямъ. Но какіе обычаи могли сохраниться въ Пущѣ, когда тамъ въ теченіе 70-ти лѣтъ только браконьерствовали. Правда, при послѣднихъ владѣтеляхъ, Августахъ II и III, существовалъ обычай выбивать, во что бы то ни стало, побольше дичи въ самое короткое время, но этотъ обычай десятки лѣтъ уже не примѣнялся. Нужно думать, что устроители охоты, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и наблюдателями Пущи, стремились доставить возможно полное развлеченіе Государю и иностраннымъ гостямъ, не обнаруживая при этомъ, въ какомъ состояніи находилось угодье, ввѣренное ихъ попеченію.



Фотографія съ натуры.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что авторъ не былъ истымъ охотникомъ; иначе онъ не упустилъ бы такихъ интересныхъ подробностей, какъ выгоняли звѣрей изъ малыхъ загоновъ на просѣку, какъ руководили загонщиками—командой или сигналами, прибѣгали ли къ контръ-загонамъ, для какой надобности спускали массы собакъ противъ звѣря, который и безъ того долженъ былъ метаться во всѣ стороны, какимъ образомъ тяжелые зубры опередили козъ и волковъ и показались

первыми передъ штандами, если звѣрей погнали одновременно. Вообще описаніе грѣшитъ односторонностью и крайней неполнотой.

Какъ ни мало увлекательною для истинныхъ любителей была вся эта охота, сопряженная къ тому же со столькими ненужными жертвами, тѣмъ не менѣе, она прошла не безслѣдно. Посѣщеніе Государя пробудило интересъ къ Пущѣ во всемъ образованномъ обществѣ. Въ періодической печати появились историческія замѣтки о Пущѣ; къ мѣстнымъ служащимъ отовсюду обращались за подробностями о пребываніи Государя и объ охотѣ, но важнѣе всего было то, что высшая администрація воочію убѣдилась въ какомъ состояніи находилось угодье. Кромѣ полнаго отсутствія дичи, обнаружилось, что и количество зубровъ было далеко не то, какое показывалось по вѣдомостямъ, а такъ какъ съ внѣшней стороны успѣхъ охоты былъ значителенъ, то легко могли ожидать, что Государь посѣтитъ Пущу вновь и потребуетъ настоящей охоты, безъ загородокъ и привозной дичи. Старожилы, вспоминая 30-ые года, разсказывали, что пріѣзжавшимъ тогда въ Пущу посмотрѣть рѣдкаго звѣря достаточно было отправиться на мѣста зубровыхъ жировъ (мѣсто, гдѣ кормятся зубры), тогда какъ въ 50-хъ годахъ, когда зубровъ числилось вдвое больше, ихъ не всегда удавалось обойти съ загонщиками.

Спустя два года, въ воспоминаніе объ охотѣ Государя, при въѣздѣ въ бывшій звѣринецъ, съ лѣвой стороны отъ дороги изъ Гайновки въ Бѣловѣжъ, невдалекѣ отъ царскаго штанда, воздвигли памятникъ, на постаментѣ котораго красуется фигура огромнаго зубра, въ грозной позѣ, съ опущенной внизъ головою, готоваго броситься на врага. Это художественное изображеніе могучаго обитателя Пущи отлито изъ чугуна на заводѣ Огарева въ Петербургѣ. На четырехъ сторонахъ каменнаго постамента высѣчены краткія воспоминанія о пребываніи Государя.

Глядя на памятникъ, истинные любители охоты должны вспоминать о другомъ событіи, связанномъ съ посѣщеніемъ Государя—о возрожденіи самой охоты въ Пущѣ и объ оживленіи интереса къ послѣдней. Памятникъ въ настоящее время скрывается отъ дороги разросшимися деревьями, которыя были собственноручно посажены маленькими высадками Государемъ и его гостями. —





Результаты посѣщенія Государя не замедлили сказаться. Въ слѣдующемъ году завѣдывавшій Пущею капитанъ Эйхвальдъ представилъ въ министерство подробную записку о необходимыхъ мѣропріятіяхъ для сохраненія и размноженія дичи. Г. Эйхвальдъ предлагалъ: 1) воспретить въ Пущѣ всякую охоту, 2) обратить въ постоянный звѣринецъ загражденія, устроенныя для царской охоты; въ нихъ оставалось: 14 зубровъ, 4 даніэли, 8 козъ и 4 кабана, 3) въ каждомъ лѣсничествѣ устроить по маленькому звѣринцу и 4) организовать систематическую борьбу съ волками.—Даніэлей г. Эйхвальдъ совѣтовалъ пополнить покупкою въ имѣніи Турны графа Грабовскаго.

Всѣ предложенныя г. Эйхвальдомъ мѣры были осуществлены въ теченіе послѣдующихъ 5-ти лѣтъ, за исключеніемъ лишь устройства новыхъ звѣринцевъ. Кромѣ того, министерство впервые стало ассигновывать на содержаніе звѣрей по 650 рублей въ годъ, доведя расходъ къ 1866 году до 1.340 рублей. Среди этихъ мѣръ, самою существенною являлось, конечно, воспрещеніе охоты, а также борьба съ браконьерствомъ. Къ сожалѣнію, г. Эйхвальдъ не развилъ подробно, какимъ способомъ онъ предполагалъ вести эту борьбу, тѣмъ болѣе трудную, что защищаться приходилось отъ своихъ. Въ отношеніи истребленія волковъ, облавный способъ, предложенный г. Эйхвальдомъ, не могъ принести большой пользы частью по недостаточной подготовкѣ пущинскихъ служащихъ къ веденію облавы, частью потому, что охота на волковъ обращалась обыкновенно въ забаву для приглашенныхъ любителей. Только съ тѣхъ поръ, какъ лѣсничій Кампіони ввелъ стрихнинныя пилюли, волковъ удалось вывести радикальнымъ образомъ. Картина уничтоженія крупныхъ хищниковъ въ описываемое время представляется въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Года.	Убито			Отравлено		Производили облавъ.
	волковъ.	рысей.	медвѣдей.	волковъ.	рысей.	
1869	23	2	—	—	—	16
1870	40	5	1	—	—	18
1871	50	—	1	—	—	19
1872	36	5	—	—	—	14
1873	51	7	—	—	—	16
1874	37	5	1	—	—	20
1875	16	4	—	—	—	15
1876	32	1	—	—	—	23
1877	23	1	1	28	4	14
1878	17	—	1	32	1	11
1879	15	1	—	23	—	12
1880	8	—	—	17	1	10
1881	10	—	—	8	—	—
1882	—	—	—	5	—	—

Что касается устройства небольшихъ звѣринцевъ въ каждомъ лѣсничествѣ, то министерство вполнѣ правильно оцѣнило эту мѣру, не приведя ее, однако, въ исполненіе. Разбросанные по всей Пущѣ звѣринцы потребовали бы слишкомъ сложной системы надзора; да въ нихъ не могло бы оказаться и надобности при одномъ, правильно содержимомъ центральномъ звѣринцѣ, который сохранялъ бы свое значеніе до тѣхъ поръ, пока сама Пуща, при раціональномъ администрированіи ея охотничьяго хозяйства, не сдѣлалась бы естественнымъ хранилищемъ звѣря. Кромѣ даніэлей, пріобрѣтенныхъ по указанію Эйхвальда, Пуща обогатилась при немъ оленями. Въ 1865 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, выловили четырехъ молодыхъ (трехгодовалыхъ) зубровъ, быка и трехъ зубрицъ, для отправки къ князю Плессъ въ его имѣніе, въ лѣсничество Emanuelsegen въ Прусской Силезіи. Въ обмѣнъ на зубровъ князь прислалъ въ Пущу 20 благородныхъ оленей, 6 самцовъ и 14 самокъ, изъ которыхъ дорогою пали двѣ. Это былъ первый случай переселенія звѣрей въ Пущу издалека. Оленей помѣстили въ звѣринцѣ, въ особо отгороженномъ просторномъ мѣстѣ, и они зажили, сравнительно съ прочими звѣрями, хорошо. Появленіе оленей вызвало удивленіе мѣстныхъ крестьянъ, до того уже они отвыкли видѣть оленей въ Пущѣ, хотя тамъ цѣлое урочище, по старой памяти, именовалось „Олени горы“. Средневѣковой олень въ Пущѣ, судя по находимымъ остаткамъ роговъ, былъ необыкновенно крупенъ. Одному изъ пущин-

скихъ лѣсничихъ удалось пріобрѣсти рогъ, выловленный въ Бугѣ, около Мельницкой дачи, который имѣлъ $3^1/_2$ вершка въ діаметрѣ у основанія. Другой, почти того же размѣра рогъ былъ найденъ на отмели рѣки Нарвы.

Въ отношеніи внѣшняго устройства Пущи были предприняты различныя работы. Дачу обошли кружною межою, прорубили новыя просѣки, расчистили старыя, намѣтили мѣста рубокъ и пр. и пр.

Если пущинская администрація въ началѣ 60-хъ годовъ не дѣйствовала энергично въ смыслѣ упорядоченія Бѣловѣжскаго хозяйства, какъ экономическаго, такъ и охотничьяго, то этого нельзя ставить ей въ вину. Наступило смутное время польскаго мятежа, когда въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ вниманіе всѣхъ было обращено исключительно на политическія событія въ краѣ. Вспыхнувшее въ 1863 г. въ Польшѣ возстаніе, къ веснѣ охвативъ почти всю Литву, отразилось также и на спокойствіи Бѣловѣжскаго населенія. Характеръ возстанія отличался во многомъ отъ событій 1830-го и 1831-го годовъ. Хотя мѣстность, въ которой лежитъ Пуща, прилегала къ уѣздамъ, населеннымъ поляками, тѣмъ не менѣе бѣлоруссы, жившіе въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ, остались вѣрными русскому Правительству, служащіе въ Пущѣ также не измѣнили присягѣ, и только польскіе патріоты, собиравшіе банды и энергично дѣйствовавшіе по городамъ и селеніямъ вокругъ Пущи, послѣ постоянныхъ неудачъ въ стычкахъ съ русскими войсками, укрывались въ дебряхъ и болотахъ Бѣловѣжскихъ лѣсовъ. Сухое, жаркое лѣто 1863-го года способствовало ихъ партизанскимъ дѣйствіямъ. Не находя нигдѣ пристанища, гонимые изъ лѣса въ лѣсъ, изъ болота въ болото, повстанцы вымещали свои неудачи на мирныхъ жителяхъ края, преимущественно народѣ и отчасти на православномъ духовенствѣ, не поддававшихся ихъ обѣщаніямъ; въ началѣ мятежа шайки повстанцевъ, страшась выходить въ открытыя мѣста, бродили безпрепятственно по всей Пущѣ, неожиданно нападая на селенія и усадьбы лѣсныхъ сторожей, гдѣ дѣйствуя угрозами, а гдѣ и насиліями, доходившими до убійствъ. Пущинская администрація была безсильна противъ этихъ разбойничьихъ набѣговъ вслѣдствіе того, что всѣ уѣздныя власти, отъ писаря волостного правленія до уѣзднаго исправника—были польскими патріотами. Присланныя войска измѣнили положеніе. Уже 20-го апрѣля отрядъ капитана Тугенгольда разбилъ шайку, пробиравшуюся въ Пущу. У мѣстечка Стравли маіоръ Байковскій отбросилъ многочисленную банду къ Нареву, и спасшіеся отъ погрома бѣжали въ Пущу; шайка эта состояла изъ остатковъ болѣе организованнаго отряда Одухинскаго. 8-го іюля была разбита шайка въ лѣсу Березово-болото, близъ Пущи; 15-го іюля отрядъ капитана Штекера разсѣялъ банду въ лѣсу Великоебагно; но послѣ пораженія шайки у села Гуты (въ южной части Вол-

ковыскаго уѣзда) отрядомъ полковника Блюменталя, новыхъ бандъ въ Пущѣ не появлялось, и только бродили до наступленія заморозковъ партіи разбойниковъ, съ которыми расправлялась мѣстная сельская стража. Но смута, охватившая населеніе, еще долго не прекращалась. Убійства беззащитныхъ, невооруженныхъ, изъ-за угла, продолжались въ тѣхъ селеніяхъ, откуда уходили войска. „Вѣшатели", какъ ихъ называли мѣстные крестьяне, снова появлялись изъ лѣсовъ и продолжали свое кровавое дѣло. Жертвою ихъ мести и фанатизма дѣлались не только тѣ лица, которыя за свою преданность Правительству навлекали на себя ихъ негодованіе, но даже ихъ семейства. Въ этомъ отношеніи между многими убійствами особенно выдавалась мученическая смерть жены стрѣлка Бѣловѣжской Пущи, принимавшаго дѣятельное участіе въ преслѣдованіи партіи Рогинскаго и указывавшаго мѣста въ Пущѣ, гдѣ повстанцы имѣли пристанища. 18-го августа послѣдніе, наконецъ, выместили свою злобу надъ нимъ. Не найдя дома хозяина, повстанцы повѣсили его жену, продѣвъ веревку въ проткнутую предварительно шею несчастной, и сожгли ее еще живою въ пламени подожженой сторожки.

Нѣтъ сомнѣнія, что при всѣхъ упомянутыхъ обстоятельствахъ, звѣровое населеніе Пущи не могло оставаться въ покоѣ. При охотѣ на людей, чѣмъ вполнѣ можно охарактеризовать событія, происходившія въ Пущѣ въ 1863-мъ году, никто не охранялъ звѣря и охоту на него. Войска, повстанцы и мирные обитатели Пружанскаго уѣзда безпощадно избивали въ Пущѣ все живое, не останавливаясь даже передъ зубромъ. Не мудрено, что въ одинъ этотъ годъ не досчитались 377-ми головъ.

Возвращаясь къ описанію охотничьяго хозяйства Пущи въ серединѣ 60-хъ годовъ, прежде всего надо упомянуть, что послѣ Эйхвальда, въ 1866 году, лѣсничій Штральборнъ проявилъ еще большую заботливость объ охотничьемъ хозяйствѣ Пущи. Пользуясь тѣмъ, что въ это время оканчивались загражденія 550 десятинъ для зубровъ и красной дичи и 100 десятинъ для кабановъ, Штральборнъ представилъ детальный проектъ такого хозяйства, которое не только обезпечивало бы богатую охоту для Государя, но еще давало бы возможность снабжать рѣдкими породами прочія Царскія угодья. Штральборнъ, основываясь на примѣрахъ западной Европы, доказывалъ, что, затративъ единовременно 9.500 рублей и расходуя ежегодно по 3.000 рублей, въ звѣринцѣ можно будетъ содержать: 25 зубровъ, 100 оленей, 75 даніэлей, 30 козъ, 50 кабановъ и 200 зайцевъ. Приплодъ, по достиженіи извѣстнаго возраста предполагалось выпускать въ Пущу для дальнѣйшаго размноженія.

Министерство отнеслось къ проекту Штральборна не столь сочувственно, какъ къ мѣрамъ, предложеннымъ Эйхвальдомъ, вѣроя

11

остерегаясь слишкомъ значительныхъ расходовъ; тѣмъ не менѣе, про Пущу не забывали, и самый важный вопросъ о прокормѣ звѣрей сталъ наконецъ озабочивать и министерство, хотя, по правдѣ, пользы для охоты отъ того было не много.

Площадь зубриныхъ покосовъ стали постепенно расширять, осушая болота и ограничивъ сдачу луговъ крестьянамъ. Сѣно стали заготовлять заблаговременно и свозить въ особые сараи, впервые устроенные въ 1870 году. Часть сѣна оставляли въ стогахъ, откуда зимою его развозили къ зубровымъ стоянкамъ вновь назначенные зубровые сторожа, на обязанности которыхъ лежало также слѣдить за звѣремъ, какъ на стоянкахъ, такъ и на переходахъ.

О заготовкахъ сѣна приказано было даже доносить, и потому, съ назначеніемъ въ 1868 году начальникомъ Пущи Жоховскаго, въ дѣлахъ министерства сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ шелъ зимній прикормъ зубровъ. Данныя о заготовкахъ за двадцатилѣтіе сгруппированы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Года.	Сколько зубровъ на корму.	Со сколькихъ десятинъ косили сѣно.	Сколько пудовъ всего накошено.	Приходилось на одного зубра	
				въ зиму.	въ день.
1868	559	269 дес.	6.700 пуд.	12 п.	Считая 150 кормовыхъ дней, въ среднемъ около 9 1/3 фунт. въ день на голову.
1869	541	269 »	4.580 »	8 п.	
1870	542	467 »	14.600 »	26 п.	
1871	528	467 »	16.040 »	30 п. 12 ф.	
1872	528	586 »	17.830 »	33 п. 30 ф.	
1873	527	586 »	19.720 »	37 п. 18 ф.	
1874	536	587 »	15.600 »	28 п. 35 ф.	
1875	558	587 »	19.340 »	34 п. 25 ф.	
1876	561	587 »	21.540 »	38 п. 18 ф.	
1877	559	587 »	20.150 »	36 п. 4 ф.	
1878	565	587 »	22.400 »	39 п. 24 ф.	
1879	571	556 »	20.800 »	36 п. 18 ф.	
1880	579	544 »	17.440 »	30 п. 5 ф.	
1881	574	544 »	16.200 »	28 п. 10 ф.	
1882	600	587 »	19.840 »	33 п.	
1883	592	587 »	испо- 23.850 »	40 п. 11 ф.	
1884	384	608 »	лу 25.900 »	67 п. 20 ф.	
1885	433	656 »	24.300 »	56 п.	
1886	427	776 »	28.700 »	67 п. 2 ф.	

Принимая во вниманіе, что зубру необходимо около 20 фунтовъ сѣна въ день, мы видимъ, что даже въ самые урожайные на травы года зубры въ сущности голодали всю зиму. Если при такомъ уходѣ они не издыхали массами, подобно кабанамъ, то только исключительно потому, что жили грабежомъ, нападая на крестьянскія заготовки сѣна, которое къ тому же всегда было лучшаго качества.

Одновременно съ заведеніемъ заготовки сѣна, старались исправить то, что̀ было упущено изъ вида еще очень давно. Предприняли выселеніе крестьянъ изъ Пущи, предлагая въ обмѣнъ окружающія земли; но, къ сожалѣнію, обмѣнъ шелъ очень туго, такъ какъ крестьяне крѣпко держались своихъ пущинскихъ владѣній и осаждали министерство постоянными просьбами сохранить за ними луговыя земли.

Звѣринецъ продолжали расширять и довели до 800 десятинъ,—при общемъ протяженіи заборовъ въ 18 верстъ. Онъ представлялъ собою типичный островокъ, въ которомъ соединялись самая разнообразная почва, отъ сухой боровой до сырой торфяной, и всѣ лѣсныя породы, встрѣчающіяся въ Пущѣ. Черезъ него протекалъ ручей, и кромѣ того, была проложена канава для водопоя. Въ общемъ, онъ, какъ нельзя болѣе, могъ отвѣчать своему назначенію, если бы хозяйство велось тщательно и не столь экономно, а подсчетъ звѣря производился бы акуратнѣе. Приведенная ниже вѣдомость звѣрового населенія звѣринца по годамъ наглядно подтверждаетъ сказанное. —

Года. \ Звѣри.	Зубры.	Олени.	Даніэли.	Козы.	Кабаны.	Года. \ Звѣри.	Зубры.	Олени.	Даніэли.	Козы.	Кабаны.
1860	14	—	4	8	4	1875	23	60	9	5	11
1861	—*)	—	—	—	—	1876	26	68	9	8	12
1862	—	—	—	—	—	1877	27	89	11	11	15
1863	—	—	—	—	—	1878	26	32	8	6	15
1864	17	—	—	—	—	1879	26	50	12	3	18
1865	—	18	—	—	—	1880	24	75	11	5	23
1866	21	22	24	30	4	1881	24	120	14	4	16
1867	18	—	—	—	15	1882	20	180	13	7	18
1868	17	—	—	—	—	1883	16	260	15	6	11
1869	17	—	—	—	—	1884	6	310	12	5	13
1870	18	30	30	18	25	1885	8	270	16	4	19
1871	—	38	—	—	—	1886	8	250	—	5	24
1872	43	20	30	18	15	1887	11	—	—	—	—
1873	42	40	30	18	18	1888	8	250	—	3	25
1874	32	40	30	18	18						

*) Отсутствіе цифры обозначаетъ, что свѣдѣнія не сохранились, или подсчетъ не производился.

Звѣринецъ былъ раздѣленъ на три части. 480 десятинъ отвели зубрамъ, 250 десятинъ оленямъ, даніэлямъ и козамъ и 100 десятинъ кабанамъ. Зайцевъ не находили нужнымъ содержать, такъ какъ ихъ достаточно водилось по всей Пущѣ.

Мы видимъ, что только олени князя Плессъ, несмотря на случавшіеся падежи (въ 1878 г. ихъ пало 80 штукъ), плодились хорошо, хотя и они мельчали корпусомъ и рогомъ и далеко не были похожи на свободныхъ лѣсныхъ красавцевъ. Не мало оленей уходили въ Пущу, вслѣдствіе частыхъ обваловъ забора, и сначала держались возлѣ звѣринца, но затѣмъ, освоившись, расходились далеко кругомъ. Въ 1885 году олени появились даже въ казенной Мельницкой дачѣ, отстоящей отъ Пущи въ 50 верстахъ. Число зубровъ возростало и уменьшалось по мѣрѣ того, какъ впускали новыхъ, или уходили прежніе. Даніэлей и козъ уничтожали рыси.

Въ отношеніи лѣсного хозяйства и послѣ 60-го года большихъ измѣненій не произошло, вслѣдствіе глубоко вкоренившагося взгляда, что правильное хозяйство вредно отражается на составѣ звѣря и дичи въ разрабатываемомъ участкѣ. Взглядъ этотъ имѣетъ, конечно, извѣстное основаніе, но если необходимо рѣшать вопросъ, что важнѣе: кормъ или спокойствіе, а для министерства тѣмъ необходимѣе было рѣшать этотъ вопросъ въ виду того, что оно избѣгало расходоваться на содержаніе звѣря, то понятно, системѣ сплошныхъ рубокъ участками, при которой звѣрь получаетъ обильный кормъ въ молодой поросли, слѣдовало бы отдать предпочтеніе.

Безпокойство, причиняемое шумомъ, звѣрь такъ или иначе перенесъ бы; къ тому же отъ шума было куда и укрыться въ Пущѣ; но отъ голода исходъ одинъ — смерть. Наблюденіе, установленное надъ зубрами при посредствѣ особыхъ сторожей, подтверждало, что зубровыя стада держатся исключительно раіона, огороженнаго когда-то заборомъ, и что только тамъ имѣются стоянки, къ которымъ, пріискивая пищу, зубры совершаютъ отъ времени до времени свои переходы. Такихъ стоянокъ насчитывалось въ Пущѣ 10 и въ Свислочской дачѣ – 2.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ о стоянкахъ зубровъ, гродненскій управляющій государственными имуществами съ 1877 года ввелъ здѣсь подъ своимъ наблюденіемъ правильную хозяйственную рубку съ десятилѣтнимъ оборотомъ, ограничиваясь, главнымъ образомъ, выборкою сухостойныхъ и перестойныхъ деревьевъ, чтобы не слишкомъ мѣнять характера насажденій. По окраинамъ Пущи, во внѣ-зубровыхъ стоянкахъ (приблизительно на 50.000 десятинъ) повели почти такое же хозяйство, но уже на чисто коммерческихъ основаніяхъ. Тамъ заклей-

мили 170.000 деревьевъ, предназначенныхъ къ вырубкѣ, и кромѣ того кой-гдѣ рубили сплошь участками, и такимъ образомъ, уже съ конца 70-хъ годовъ Пуща стала приносить доходъ.

Введенію сплошныхъ рубокъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, помимо опасенія безпокоить зубровъ, препятствовалъ еще недостатокъ путей сообщенія. Рѣки, прорѣзавшія Пущу, были мало приспособлены къ сплаву; по нимъ съ трудомъ доставляли цѣнные строевые экземпляры, такъ-называемый мачтовый лѣсъ, предназначенный для заграничнаго торга.

Между тѣмъ, кромѣ перезрѣлаго и сухостойнаго лѣса, въ Пущѣ было огромное количество бурелома, валежника, сучьевъ и всякихъ остатковъ отъ прежнихъ рубокъ, которые представляли большую цѣнность и которые полезно было бы удалить для того, чтобы дать просторъ развивающемуся лѣсу, но куда было дѣваться со всею этою массою.

Въ 40-хъ годахъ Далматовъ, проектируя правильное лѣсное хозяйство, обращалъ вниманіе министерства на необходимость соединенія каналомъ Нарева и Свислочи.

Министерство не могло не видѣть необходимости произвести тутъ коренную реформу, но, ради бережливости, подходило къ ней очень медленно. Съ проведеніемъ желѣзной дороги вопросъ о сбытѣ лѣса получилъ новое разрѣшеніе.

Въ отношеніи системы надзора послѣ 60-го года произошли самыя значительныя измѣненія. До тѣхъ поръ служба въ Пущѣ была для большинства натуральною повинностью, за которую служащіе получали земельные надѣлы. Вся многочисленная лѣсная стража, стрѣлки и ихъ помощники набирались изъ мѣстныхъ крестьянъ, которымъ платили солдатское жалованье 1 рубль съ копейками въ треть, но зато ихъ семейства были свободны отъ рекрутской повинности и надѣльная земля, въ количествѣ отъ 40—50 десятинъ на семью, освобождалась отъ всѣхъ налоговъ. Такихъ земель насчитывалось 13.994 дес., въ томъ числѣ подъ крестьянскими надѣлами 12.600 дес. и подъ усадьбами высшаго служебнаго персонала, имѣвшаго казенные дома, — 1.394 дес.

Сначала учредили должность завѣдующаго Пущею и завели спеціальныхъ зубровыхъ сторожей; объѣздчикамъ стали платить 50 руб., давая отъ казны обмундированіе по образцу военнаго и лошадь, на которую полагалось еще 35 рублей; но весь остальной составъ лѣсной стражи оставался на прежнемъ положеніи служащихъ, отбывавшихъ повинность. Этихъ людей нельзя было ни уволить, ни даже наказать,

хотя они состояли въ подчиненіи мѣстныхъ лѣсничихъ. Въ 1869 году стражу замѣнили, наконецъ, наемными людьми.

Съ 1872 года завѣдующаго Пущей смѣнилъ лѣсной ревизоръ, вмѣсто прежнихъ 4-хъ установили 5 лѣсничествъ. Въ 80-хъ годахъ Пущею управлялъ, попрежнему, ревизоръ, а каждымъ изъ пяти лѣсничествъ — лѣсничій, имѣвшій помощника. Низшій служебный персоналъ состоялъ изъ 14 объѣздчиковъ, имѣвшихъ каждый свой объѣздъ, и изъ 102 лѣсныхъ и 10 зубровыхъ сторожей. Впрочемъ, и этотъ новый административный порядокъ не удовлетворялъ министерства. Незадолго до описываемой ниже охоты Великаго Князя Михаила Николаевича въ Пущу пришлось командировать вице-инспектора корпуса лѣсничихъ Писарева для ревизіи. Результатомъ этой памятной Писаревской ревизіи была смѣна всѣхъ лѣсничихъ съ отдачею нѣкоторыхъ подъ судъ за различныя злоупотребленія по лѣсному хозяйству.

Вернемся, однако, къ охотамъ.

26-го и 27-го сентября 1865 года въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ охотился Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, но никакихъ подробностей объ этой охотѣ собрать не удалось, а затѣмъ, въ 10-тилѣтній промежутокъ послѣ этой охоты, въ Пущѣ не раздавалось иного выстрѣла, кромѣ случайнаго, отъ разряда ружья или по волку. Отстрѣлъ нѣсколькихъ зубровъ для музеевъ и университетовъ и браконьерство не могутъ идти въ счетъ.

За періодъ съ 1860 по 1888 годъ изъ Пущи часто высылались скелеты и шкуры павшихъ и отстрѣленныхъ зубровъ, и кромѣ того не рѣдко зубровъ доставляли живьемъ. Въ 1860 г. — зубра, убитаго кн. Плессъ, выслали Ганноверскому университету. Въ томъ же году были выловлены два зубра для переселенія въ Виленскій звѣринецъ.—Въ 1861 году три зубра переданы помѣщику Валицкому для опытовъ скрещиванія съ домашнимъ скотомъ, а два отправлены въ Гатчину. По одной тушѣ получили Іенскій, Гессенскій и Дрезденскій музеи. Въ 1862 году посланникъ Нидерландскаго правительства баронъ Геверсъ ходатайствовалъ о полученіи двухъ зубровъ для Амстердамскаго зоологическаго сада. Два молодыхъ зубра, самецъ и самка, были отправлены изъ Бѣловѣжа по назначенію въ сопровожденіи консерватора Майнцскаго музея Николаусъ. Въ 1864 году три зубра переданы Московскому зоологическому саду. Въ 1865 году четырехъ зубровъ, какъ извѣстно, получилъ кн. Плессъ, онъ же отстрѣлилъ двухъ зубровъ для Страсбургскаго и Геттингенскаго зоологическихъ музеевъ. Въ 1867 году четыре зубра высланы въ Гатчину. Въ 1868 году три живыхъ—въ Гатчину и одна туша—Кембриджскому университету. Въ

1869 году одинъ отправленъ въ Гатчину. Въ 1871 году графъ Бергъ убилъ зубра для Гельсингфорсскаго университета и скелетъ пожертвовалъ Оксфордскому. Въ 1872 году два живыхъ зубра высланы, по просьбѣ Вел. Князя Николая Константиновича, въ Павловскій звѣринецъ. Въ 1873 году два зубра были подарены въ Берлинскій зоологическій садъ и два въ Константинополь, турецкому султану. Въ 1877 году Ліонскій музей естественныхъ наукъ получилъ скелетъ и шкуру, въ 1878 году—Дерптскій университетъ обогатился тѣмъ же, а въ 1888 г. и Норвежскій. Почти всѣ высылки шкуръ и скелетовъ страшно задерживались перепиской и тѣмъ, что не всегда находили цѣльныя туши павшихъ зубровъ, не растасканныя хищниками, что служило доказательствомъ плохого присмотра за звѣремъ.

Браконьерство среди служащихъ, укоренившееся вѣками, какъ бы нѣсколько затихло.

Въ серединѣ октября 1875 года въ Бѣловѣжѣ охотился Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи егермейстера князя Трубецкого. Послѣдній, за годъ передъ тѣмъ, по порученію министерства, изслѣдовалъ на мѣстѣ причины слабаго размноженія зубровъ и первый указалъ на то, что зубры бѣгутъ отъ голода изъ Пущи въ сосѣдніе лѣса, гдѣ ихъ обыкновенно убивали крестьяне, или же на нихъ устраивали охоты сосѣдніе помѣщики.

Охоту для Великаго Князя устраивалъ Пружанскій лѣсничій Кампіони, съ соблюденіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности по отношенію зубровыхъ стадъ, такъ какъ охотиться предполагалось лишь на одинцовъ. Наканунѣ перваго дня охоты, 17-го октября, въ урочищѣ Никоры выслѣдили трехъ старыхъ зубровъ и обошли ихъ лѣсниками и загонщиками; ночью ихъ задерживали кострами по всей линіи облавы. Охота началась очень удачно. Вскорѣ послѣ того, какъ Великій Князь съ Трубецкимъ заняли предназначенныя для нихъ мѣста, 20 опытныхъ лѣсниковъ искусно нагнали одного зубра на Великаго Князя, ставшаго въ серединѣ круга, на просѣкѣ, раздѣлявшей два квартала. Тремя послѣдовательными выстрѣлами Великій Князь положилъ крупнаго 15-ти-лѣтняго одинца. Часъ спустя сообщили объ окладѣ новыхъ звѣрей, и Великій Князь только перешелъ по просѣкѣ съ версту, какъ на него вышли еще два зубра, но они шли полнымъ махомъ на перерѣзъ линіи стрѣлковъ. По нимъ Великій Князь выпустилъ 4 пули, не задѣвъ ихъ. На слѣдующій день охоту перенесли въ урочище Лѣсница, гдѣ ерши тронули леху съ пятью верхляками. Великій Князь занялъ мѣсто внутри круга, и на него почти сразу вышло все стадо. Двухъ верхляковъ положили на мѣстѣ, а раненая леха прорвалась черезъ загонъ, гдѣ ее, впрочемъ, настигли лѣсники. Въ другомъ кругу того

же урочища удерживали еще стараго одинца-зубра. Въ средину круга вошли 10 лѣсниковъ и, спустивъ трехъ гончихъ, погнали звѣря. Зубръ пробѣжалъ подъ собаками съ полверсты, но пріутомившись, сталъ отбиваться. Этимъ моментомъ удачно воспользовался приближавшійся Великій Князь и двумя выстрѣлами уложилъ зубра, оказавшагося тридцатилѣтнимъ старожиломъ Пущи. На третій день охоту возобновили, но уже безъ предварительной обстановки людьми, занявъ облавою, по прибытіи Великаго Князя, лосиный кругъ въ урочищѣ Переволока. Предчувствуя ли бѣду, ушли лоси, или по другой причинѣ, но гончія подняли только кабана и застонали, осадивъ его на островкѣ среди топкаго болота. Великій Князь не пожелалъ добираться до островка и предоставилъ лѣсникамъ убить звѣря. Изъ урочища Переволока переѣхали въ Поясово, расположенное невдалекѣ отъ извѣстной звѣриной тропы. На несчастье болото, черезъ которое должны были пройти лоси, тронутые собаками, до того напиталось водою, что лоси взяли въ бокъ отъ охотниковъ и вышли по направленію оставленныхъ экипажей. Охотникамъ не удалось даже видѣть звѣря. Изъ Поясова переѣхали въ звѣринецъ, но несчастія этого дня не прекращались. Въ звѣринцѣ смычкомъ гончихъ тронули оленей, стрѣляли три раза, но безуспѣшно. Послѣ охоты В. К. Владиміра Александровича, оказавшейся въ общемъ все-таки весьма удачною, Великокняжескія охоты стали повторяться чаще.

Въ 1879 году въ Пущу прибылъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, сопровождаемый генералами Галломъ и Асташовымъ, капитаномъ Андреевскимъ и В. Р. Дицомъ. Безъ предварительной подготовки, въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ охотятся всѣ прочіе, въ 3 дня, съ 19-го по 22-го декабря, было убито: 5 кабановъ, 6 оленей и лось. Генералъ Галлъ положилъ особенно крупнаго кабана, почти въ 18 пудовъ.

Въ 1881 году В. К. Николай Николаевичъ посѣтилъ Пущу вмѣстѣ съ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ и герцогомъ Евгеніемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ. Въ охотѣ принимали участіе графъ Клейнмихель, графъ Бергъ, баронъ Леженъ и извѣстный въ охотничьемъ мірѣ капитанъ Андреевскій. Съ разрѣшенія Государя, собирались отстрѣлить 6 старыхъ зубровъ, но удалось убить только четырехъ, въ томъ числѣ одного убилъ Великій Князь въ урочищѣ Прибудки невдалекѣ отъ звѣринца.

17-го, 18-го и 19-го сентября 1880 года подъ непрерывнымъ дождемъ въ Пущѣ охотились Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, вмѣстѣ съ принцемъ Альтенбургскимъ, графомъ Тотлебеномъ, графомъ Бергомъ, княземъ Шаховскимъ и нѣсколькими молодыми офицерами. Съ

большими усиліями, пренебрегая погодою, брали два лосиныхъ круга въ урочищахъ Поясовѣ и Подцерквахъ; но ни люди, ни собаки не могли выставить лосей на линію. Оклады были сплошь залиты водою, отчего гончія ничего не чуяли, а вымокшіе загонщики вязли въ растворившемся болотѣ. Охоту пришлось перенести въ звѣринецъ, гдѣ Великій Князь убилъ съ подхода 5 оленей; а всего за три дня убито 11 оленей, 8 кабановъ и 1 даніэль.

За нѣсколько дней до Великаго Князя Германскій посолъ Швей-

Штрека 1-го дня охоты 1885 г.
Фотографія.



ницъ, съ разрѣшенія Государя, отстрѣлилъ 26-ти-лѣтняго одинца-зубра и кромѣ того охотился на лосей и оленей. За годъ передъ тѣмъ англичанинъ Persey получилъ такое же разрѣшеніе на отстрѣлъ въ звѣринцѣ 25-ти-лѣтняго старика. 2-го марта 1884-го г. охотились въ Пущѣ принцъ Альтенбургскій съ кн. Лихтенштейномъ.

Слѣдующею, но значительно болѣе многолюдною, была охота Великихъ Князей Михаила Николаевича, Петра Николаевича, Георгія Михаиловича и Александра Михаиловича, въ которой, по предложенію

12

В. К. Михаила Николаевича, приняли участіе: генералы Асташовъ, графъ Граббе и баронъ Мейендорфъ, егермейстеръ Чертковъ, офицеры Кавалергардскаго полка: Дубенскій, Казнаковъ, князь Шаховской и извѣстный намъ по прежнимъ охотамъ въ Пущѣ полковникъ Андреевскій. Охота происходила въ декабрѣ 1885 года при разрѣшеніи Государя отстрѣлить 8 старыхъ самцовъ зубровъ, а прочихъ звѣрей безъ ограниченія.

Группа послѣ охоты второго дня. Фотографія.



Великій Князь Михаилъ Николаевичъ пожелалъ, чтобы его присутствіе не нарушало обычнаго строя въ Пущѣ, и просилъ даже по возможности менѣе отвлекать мѣстныхъ служащихъ отъ ихъ текущихъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество интересовался познакомиться съ охотничьимъ состояніемъ Пущи въ томъ его видѣ, въ какомъ оно могло представиться каждому, имѣвшему разрѣшеніе Государя. Поэтому губернскія власти остались на своихъ мѣстахъ, и никакихъ особыхъ приготовленій къ пріему Высокихъ гостей не дѣлалось.



Е. И. В. ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ принимаетъ „bruch“ (еловую вѣтку—эмблему счастливой охоты) отъ устроителя охоты, послѣ удачнаго выстрѣла по зубру.—Фотографія.

Только Андреевскій, какъ извѣстный знатокъ охотничьяго дѣла, выѣхалъ за нѣсколько дней въ Пущу для большаго порядка, да еще послали трехъ опытныхъ лукашей, двухъ Асташовскихъ и одного, служившаго у Н. Н. Всеволожскаго.

Ближайшее наблюденіе и руководство за всѣмъ осталось на обязанности пущинскаго ревизора Валленбургера, участвовавшаго неоднократно въ приготовленіяхъ къ охотамъ Государя Александра II-го въ Лисинской дачѣ, но все же не спеціалиста.


Группа участниковъ охоты надъ зубромъ, убитымъ В. К. Георгіемъ Михаиловичемъ. Фотографія.

Охота продолжалась 4 дня и велась исключительно облавою. На бѣду окладчиковъ, зима была малоснѣжная, что крайне затрудняло окладъ звѣря, который вели лукаши, готовившіе круги вмѣстѣ съ пущинскими лѣсниками изъ наиболѣе знакомыхъ съ мѣстностью и привычками звѣря.

Въ 1-ый день всѣ собрались въ звѣринцѣ, гдѣ по зубрамъ условились не стрѣлять; къ тому же, имѣя въ виду, что охотниковъ было

12, а зубровъ разрѣшено отстрѣлить только 8, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ еще заранѣе установилъ, чтобы убившій рѣдкаго звѣря во второй разъ по немъ не стрѣлялъ. Въ результатѣ дня взяли 2-хъ оленей и 8 кабановъ.

Со второго дня охотники раздѣлились на двѣ партіи и вышли въ Пущу съ тѣмъ, чтобы уже стрѣлять по всякому звѣрю. Охота шла вяло. Къ концу дня на штреку собрали: 3 лося, 2 оленя и случайно

Завтракъ на охотѣ 1885 г.
Фотографія.



набѣжавшій волкъ, но зубровъ не было. На этотъ разъ зубровъ не взяли уже не по уговору, а потому, что они ни разу не вышли на стрѣлковую линію. В. К. Михаилъ Николаевичъ терпѣливо приберегавшій до вечера свой выстрѣлъ для зубра, отдалъ, наконецъ, приказаніе, чтобы облавою далѣе распоряжался одинъ Андреевскій при помощи лукашей, и съ слѣдующаго дня охота пошла иначе. До сихъ поръ окладъ обставляли почти за сутки, съ шумомъ и кострами, и понятно, что при такомъ способѣ большинство козъ, лосей, кабановъ прорыва-

лось за цѣпь далеко до начала загона. Только зубры, неохотно идущіе вдаль, оставались въ кругу, но и они, вслѣдствіе неправильнаго гона, выходили въ сторону отъ стрѣлковой линіи. Въ третій день охоты лукаши, руководимые уже Андреевскимъ, дѣйствовали безъ промаха. При первомъ же загонѣ Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ удачнымъ выстрѣломъ положилъ крупнаго одинца и тѣмъ какъ бы пригласилъ прочихъ слѣдовать его примѣру. Второй зубръ палъ подъ выстрѣломъ Вел. Князя Георгія Михаиловича, а затѣмъ лукаши вспомнили и про своего барина. Въ одномъ изъ слѣдующихъ загоновъ, нажавъ 3-хъ зубровъ, они искусно выставили ихъ къ лѣвому флангу, гдѣ стоялъ Асташовъ. Раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ трехъ легъ на мѣстѣ, а остальные два вихремъ бросились черезъ буреломъ наперерѣзъ между Дубенскимъ и Казнаковымъ, сокрушая и перепрыгивая препятствія съ такою силою и легкостью, что видѣвшіе эту картину до сихъ поръ вспоминаютъ ее съ восторгомъ. Дубенскій, пропустивъ зубра за линію, уложилъ его, а Казнаковъ ранилъ своего и добилъ его уже съ подхода, скрадывая на протяженіи почти 2-хъ верстъ безъ помощи егерей и лукашей. Въ этотъ же день одинъ зубръ былъ раненъ Вел. Кн. Петромъ Николаевичемъ.

Не менѣе успѣшно шла охота и на прочихъ звѣрей, хотя все вниманіе охотниковъ было сосредоточено на зубрахъ. Штреку дня дополнили 4 лося, кабанъ и опять волкъ.

Въ четвертый день, взявъ трехъ лосей, охотники соединились для послѣдняго загона, и разбирая номера, лучшіе предоставили тѣмъ, кто до сихъ поръ еще не стрѣлялъ по зубрамъ. Звѣри вышли на фланговый номеръ В. К. Георгія Михаиловича, но онъ, какъ уже стрѣлявшій, показался изъ-за закрытія, чтобы направить звѣрей въ сторону сосѣдей, то же сдѣлалъ и В. К. Михаилъ Николаевичъ, но когда очередь дошла до В. К. Александра Михаиловича, то онъ, тогда еще юноша, не устоялъ передъ соблазномъ, хотя убилъ зубра наканунѣ, и спустилъ курокъ, чѣмъ заслужилъ упрекъ своего Августѣйшаго родителя. Также и Чертковъ, несмотря на предварительный отказъ, не выдержалъ характера. На него вышелъ старый крупный быкъ, и онъ, увлекшись, уложилъ его. Оставался еще 8-ой зубръ, но В. К. Петръ Николаевичъ еще наканунѣ поранилъ одного, и охота закончилась.

Охота Великихъ Князей явилась новою провѣркою состоянія угодья и тѣмъ болѣе внимательною, что въ числѣ участвовавшихъ были такіе знатоки, какъ Асташовъ и многіе другіе, не говоря объ Андреевскомъ. Безъ сомнѣнія, со времени охоты 1860 года многое измѣнилось къ лучшему, звѣря не нужно было собирать издалека, но его оказа-

лось все-таки не такъ много, какъ можно было ожидать, судя по тому раздолью, которое представляла Пуща.

До участниковъ дошли даже слухи отъ мужиковъ, возившихъ на охоту, что въ мѣстахъ стоянокъ зубровъ устраивались облавы на зайцевъ и лисицъ и что мясо или рогъ зубра можно пріобрѣсти во всякое время. Быть можетъ, въ этихъ разсказахъ и были преувеличенія, но какъ не бываетъ дыма безъ огня, такъ и въ этихъ слухахъ было много правдоподобнаго. Браконьерство свило себѣ такое прочное гнѣздо, что избавиться отъ него было почти невозможно, не имѣя разрѣшенія выселить всѣхъ постороннихъ за предѣлы Пущи. —

